

1276

ПЕТР ПЕРВЫЙ И НИКОЛАЙ ВТОРОЙ
(кто они были, что они сделали)

Дипломная работа
Университет г. Ювяскюля
Кафедра русского языка
Осень 1998

Катя Явананнен

Tiedekunta HUMANISTINEN	Laitos Venäjän kielen laitos
Tekijä Javanainen Katja	
Työn nimi Pietari I ja Nikolai II; keitä he olivat ja mitä he tekivät (Pjotr Perviy i Nikolai Vtoroi; kto oni byli i sto oni sdelali)	
Oppiaine Venäjän kieli ja kirjallisuus	Työn laji pro gradu-tutkielma
Aika syksy 1998	Sivumäärä 133
<p>Tiivistelmä - Abstract</p> <p>Tutkielmassa tarkastellaan Venäjän historian ns. "ensimmäistä ja viimeistä" tsaaria, Pietari Suurta ja Nikolai II:sta; keitä he olivat ja mitä he saivat aikaan hallitsijakautensa aikana. Ja koska näiden kahden tsaarin välillä on n. 200 vuotta, tarkastellaan suppeasti myös tsaareja Pietari Suuren jälkeen ja ennen Nikolai II:sta.</p> <p>Tarkoituksena ei ole verrata näitä kahta tsaaria, eikä se olisi mahdollistakaan, koska aikakaudet ja tsaarien luonteet poikkeavat niin paljon toisistaan. Tarkoituksena on antaa lukijoille jonkinlainen kuva Venäjän historiasta ja sen tsaareista 1600-luvun lopun ja 1900-luvun alun väliseltä ajalta, ja tarkemman tarkastelun kohteena on nimenomaan 1700-luvun alun Pietari Suuren toimintaaja uudistukset (armeijan ja laivaston uusiminen, hallinnolliset ja verotukselliset uudistukset) ja 1900-luvun alun Nikolai II:n toiminta (Japanin sota ja Ensimmäinen Maailman sota) ja niiden vaikutukset kansaan ja maahan.</p> <p>Muun lähdekirjallisuuden lisäksi tutkielmassa on käytetty apuna käännöskirjallisuutta: Aleksei Tolstoin kirja "Pietari Suuri" kuvaa nimensä mukaan Pietari I:stä ja Aleksandr Solzenitsyn kirjoittaa Nikolai II:sta kirjassaan "Punainen pyörä". Nämä teokset tuovat tutkielmaan kirjailijoiden ajatuksia mm. sen ajan politiikasta, kansan tilasta ja sen suhtautumisesta tsaareihin, sodista ja tsaarien luonteesta. Esimerkeillä on pyritty saamaan tutkielmaan hieman syvyyttä ja myöskin hieman pehmentämään sitä.</p>	
Asiasanat Pietari Suuri, Nikolai II	
Säilytyspaikka	
Muita tietoja	

СОДЕРЖАНИЕ

1	ВВЕДЕНИЕ	4
2	КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ НИКОЛАЯ ВТОРОГО	7
3	КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ПЕТРА ПЕРВОГО	9
4	ПЕТР ПЕРВЫЙ КАК ОСНОВАТЕЛЬ РОССИИ	13
	4.1 Армия	15
	4.2 Флот	19
	4.3 Политика	24
	4.3.1 Административная система	24
	4.3.2 Налогообложение, торговля и промышленности	34
5	НИКОЛАЙ ВТОРОЙ КАК ПРОДОЛЖАТЕЛЬ РАБОТЫ ПЕТРА ПЕРВОГО	48
	5.1 Николай Второй	73
	5.2 Николай Второй как политический деятель	82
	5.3 Николай Второй как военный деятель	101
	5.3.1 Японская война и революция в 1905 г.	102
	5.3.2 Первая мировая война и революция в 1917 г.	112
6	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
7	ЛИТЕРАТУРА	133

1. ВВЕДЕНИЕ

Империя, Российский царь, династия Романовых. Три дела, которые кажутся, и которые должны быть, вечными. В России эта вечность кончилась в 1918 г., когда новые идеи, социал-демократические, идеи из западных стран пришли и изменили намерения угнетенных русских. Они хотели изменения. Из поколения в поколение кто-то выше контролировал их, издавал им законы и налоги, повинности, которые несли всему народу беду и голод. Народ хотел взять власть себе (правда по-моему, русские всегда проваливались, когда выбирали себе начальника. Всегда был кто-то, который не слушает народ, но со своим самодовольством несет народ все время большую беду.). Новый мир не требует Романовых, но он требует начальника, который был бы из круга народа, который знал бы, что значит голод, и с таким образом умел бы говорить как народ хотел.

Вся эта ненависть и беда была наследием прошлых времен, но на волю их выпустил Петр Великий, который деятельными работами и энергией мог возвести Россию на карту мира. Уважение других народов Россия не получила бесплатно; эгоистичное стремление Петра Первого сделать Россию центром мира, м.пр. с налогами и войнами, ввергало народ все время в большую нищету. Народ

хотел поддерживать царя, но его энергетические ресурсы начинали кончаться, потому что в казну собирали деньги с разными налогами. Народ не привык к количеству таких преобразований, и особенно не в такое короткое время (29 лет).

Несмотря на страдания народа Петр Великий смог ввести свой народ в элиту мира (уровень образования рос) и свою страну в круг влиятельных стран. Теперь везде боялись России (армия и флот преобразовали) и одновременно глубоко уважали. Но все же это уважение ветшало потихоньку, пока немного больше чем через 200 лет оно пропало совсем. Мир сочувствовал России, и тогдашнему царю России, Николаю II.

Николай хотел царствовать как его отец, Александр III, но он не был способным на это. Порок Николая был, что он сопровождал надежды и мысли других людей, как будто у него не было собственных. Его деятельность наблюдали и распоряжались им сначала его мать, Мария Федоровна, и позже его жена, Аликс.

С самого начала Николай не хотел быть царем, может быть он чувствовал себя неспособным царствовать над большой страной Российской империи. Новые идеи на рубеже столетий и консервативное образование, которое Николай получил, не совпадали. Теперь требовалась бы волевая власть Петра Великого, чтобы держать народ в повиновении, но у Николая не было такого характера. Он делал так, как он считал надо делать, чтобы быть самым хорошим, значит он был тихим. Тихий царь давал только больше убедительности народу и их новой мысли.

Роли менялись: народ – повелитель, царь – жертва.

Целью моей работы будет не сравнение этих двух царей. Я хочу только показать читателям "первого и последнего" царя. И вместе с тем показать некоторые факты о них самих и их деятельности.

Чтобы включить в мою работу немного глубины художественной литературы, я выбрала книги, которые очень хорошо описывают этих царей: "Красное колесо" от "революционного" Александра Солженицына и "Петр Первый" от "историка" Алексея Толстого. Обе книги фикционные, но в другой стороны очень реальные.

Книга Солженицына показывает Николая Второго глазами фронтовика-полковника Георгия Воротынцева и его товарищей по судьбе. Между тем как книга Толстого – историк о Петре Первом. По стилю эти две книги совершенно разные, но они рассказывают о царях то, что я хотела: их характер, деятельность и отношения народа к ним.

Данная работа делится на три части.

Первая часть обсуждает Петра Первого, третья часть обсуждает Николая Второго. Во второй части рассматриваю немного тех царей, которые царствовали между двух "главных" царей. Кто они были и что они сделали; правда в очень сокращенном виде. Из этих частей, составляющих целостность, создаются новые, критические мысли к "первому и последнему" царю Российской истории.

2. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ НИКОЛАЯ ВТОРОГО

**Николай II родился 6.5.1868-ого года, это день Иова Многостра-
дального. И Николай сам верил, что это было значимо в его
судьбе. Все чаще он называет себя сам Иовом. (Радзинский 1993, 151.)**

**Старший сын – Наследник Престола – он с детства был ”обручен
Царству” и это наложило особый отпечаток на все его воспитание.**

**Образование он получил весьма тщательное. С детства его обу-
чали иностранным языкам, которыми он овладел в совершенстве.
После общеобразовательного курса, пройденного под общим руко-
водством ген. Данилевича, Наследник получил высшее юридическое
и высшее военное образование, причем его преподавателями были
выдающиеся профессора высших учебных заведений. (Ольденбург I
1992, 38.)**

**И как каждый Наследник, он путешествовал за границей.
Например, он совершил путешествие вокруг Азии, и в Японии
подвергся покушению азиатского фанатика. (Ольденбург I 1992, 37.)**

Это было воспитание будущего императора. Так он знал больше о мире и его ситуации. И он путешествовал по России. Он знал какие люди живут в его стране.

По окончании теоретической подготовки, Наследник ознакомился с практикой военного дела, состоя в рядах лейб-гвардии Преображенского полка Конной Артиллерии, и два лета проведя в составе л-гв. Гусарского полка. Он начал приобщаться и к государственным делам, председательствуя в комитетах, заседаая в Государственном Совете и Комитете Министров. (Ольденбург I 1992, 38.)

В древнем Успенском соборе в Москве венчались на царство русские государи. Николай II был коронован 14.5.1896.

Первой войной императора была война против Японии. И в 1905 г. после войны произошла революция.

Второй войной была Первая Мировая война. Война была неуспешная, и Николай решил стать Главнокомандующим армией. Это был шок, потому, что Главнокомандующий, великий князь, Николай Николаевич был очень популярным, и был большим авторитетом в армии.

Чем больше терпела поражения русская армия, тем хуже становилось настроение народа, и он хотел перемен. 26.2.1917 г. началась революция.

2.3.1917 г. Николай II был готов подписать отречение. Для спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии, нужно было решиться на этот шаг.

В августе 1917 г. царскую семью отправили в Сибирь. Потом 1918 г. на пути в Москву, поезд был остановлен в Омске, и его отправили обратно в Екатеринбург. (Радзинский 1993, 247.)

30.4.1918 г. царскую семью поселили в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. (Радзинский 1993, 330.)

Ночью 16.7.1918 г. в подвале дома раздались выстрелы. Монархии в России больше не стало.

3. КРАТРАЯ БИОГРАФИЯ ПЕТРА ПЕРВОГО

Петр I родился 30.5.1672-ого года. Он был сыном царя Алексея Михайловича от второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной.

**Детские годы Петра ничем примечательным не отличались от детства прочих царевичей – те же мамки, те же незамысловатые игрушки, те же выезды в летние месяцы за пределы столицы.
(Павленко 1994, 6.)**

Петр играл с ребятами своих лет. И он проводил время с работниками и знакомился с ними работами и учился сам работать. Особое значение в становлении личности Петра I имели военные и морские "потехи", для которых были созданы отряды "потешных", ставшие впоследствии гвардией и ядром русской регулярной армии. (Гребельский 1992, 36.)

В детстве Петр получил домашнее образование: будучи физически крепким, подвижным, любознательным и способным ребенком, обладая хорошей памятью, он учился легко и охотно. (Гребельский 1992, 35.)

Петру не исполнилось и четырех лет, как в царской семье стряслась беда, круто изменившая положение царицы. Неожиданно занемог и 29.1.1676 г. скончался царь Алексей Михайлович. Престол унаследовал Федор. Царствовал он шесть лет, не оставив следа в памяти ни современников, ни потомков.

В царской семье наступил разлад. Напряженные отношения между мачехой и многочисленным потомством от первой жены царя, ранее смягчаемые главой семьи, теперь, никем не сдерживаемые, быстро вылились наружу. (Павленко 1994, 6.)

Впрочем, малолетний царевич вряд ли заметил какие-либо изменения – его жизнь текла по проторенному традициями руслу. Но этот же обычай предусматривал два существенных новшества. Как только царевич достигал 7-8-летнего возраста, он переходил из женских рук в мужские. (Павленко 1994, 7.)

В конце апреля 1682 г. в возрасте 20 лет умер, не оставив потомства, болезненный Федор. Его преемником мог стать либо Иван, либо Петр. Одни хотели видеть на троне Ивана, другие – Петра. В конце концов патриарх Иоаким, по обычаю являвшийся после смерти царя первым лицом в государстве, оказался на стороне Петра. (Павленко 1994, 7.)

Воцарение Петра должно было коренным образом изменить положение Милославских: их ожидала участь Нарышкиных – опальное прозябание на задворках царского дворца. Но не в обычае Ивана Михайловича Милославского и особенно честолюбивой царевны Софьи было мириться со своим поражением и безропотно подчиниться судьбе. Они искали случая, чтобы вновь помериться силами с противной группировкой. Обнаружилась и сила, на которую можно было опереться в предстоявшей схватке, – стрельцы. (Павленко 1994, 8.)

Милославские и Софья стремились теперь закрепить победу юридически. На сцене вновь появляются стрельцы. 23.05.1682 г. в очередной челобитной они потребовали, чтобы страной управляли оба

брата, а 26.05 - чтобы первым царем считался старший из них, Иван Алексеевич. Серию челобитных о судьбах трона завершает требование, чтобы по случаю малолетства царей страной правила их старшая сестра, Софья. (Павленко 1994, 12.)

После казни князя И. А. Хованского роли переменялись - не стрельцы диктовали свою волю правительству, а правительство диктовало свою волю стрельцам, причем, чем дальше, тем в большей мере.

Немного позже правительство отменило ранее удовлетворенные требования стрельцов. (Павленко 1994, 16-17.)

Во время стрелецкого Московского восстания, которое началось в 1682 г., Наталья Кирилловна вместе с сыном переехала в подмосковное село Преображенское. Они жили там до 1689 г..

Во второй половине 1680-х гг. начались столкновения между Петром и Софьей, стремившейся к единовластию. В августе 1689 г., получив известие о подготовке Софьей дворцового переворота, он поспешно уехал из Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, куда прибыли верные ему войска и его сторонники. Вооруженные отряды дворян, собранные гонцами Петра, окружили Москву. Софья была отрешена от власти и заключена в Новодевичий монастырь, ее приближенные сосланы или казнены. После смерти Иоанна V Алексеевича (1696) Петр I стал единодержавным царем. (Гребельский 1992, 33.)

По собственной инициативе молодой Петр стал брать у голландца Франца Тиммермана уроки арифметики, геометрии и фортификации. Может быть из этого следует, что значительную роль в формировании взглядов и интересов Петра I играли иностранцы (Ф. Лефорт, П. И. Гордон, Я. В. Брюс и др.), которые являлись его учителями в различных областях. (Гребельский 1992, 35-36.)

В 1724 г. Петр I сильно болеет, но болезнь не заставила его отказаться от привычной кочевой жизни, что и ускорило его кончину. Наступал 1725 г., суетливая жизнь шла своим чередом до конца января, когда, наконец, Петру приходится прибегнуть к врачам, которых он до того времени не хотел видеть. Но время оказалось упущено и болезнь была неизлечима.

28.1.1725 г. Петр I умер на руках Екатерины. (Гребельский 1992, 39-40.)

Петр I был женат дважды: первым браком – на Евдокии Федоровне Лопухиной. Вторым браком – на Екатерине Алексеевне Скавронской. (Гребельский 1992, 40.)

Характерными чертами Петра были ум, воля, энергия, широта взглядов, целеустремленность, любознательность, большая работоспособность. Вместе с тем он был вспыльчив, жесток и безжалостен. Не считался с интересами и даже жизнью отдельной личности, не остановившись перед смертным приговором даже собственному сыну Алексею. (Гребельский 1992, 35.)

4. ПЕТР ПЕРВЫЙ КАК ОСНОВАТЕЛЬ РОССИИ

Когда Петр I стал единодержавным царем и когда он начал править страной, народ был очень отставшим. Он живет по восточным обычаям и привычкам. Петр все же разбудил свой народ от дремавшего бездействия, и своим строгим примером он возвел народ в среду западной интеллигентности.

В книге "Петр Первый" Алексей Толстой также пишет как иностранцы видели Россию:

"Лесоторговец, англичанин Сидней, говорил сквозь зубы.
- Страна, где население добывает себе пропитание плутовством, есть дурная страна.
..... О, я хорошо знаю эту проклятую страну..... Сюда нужно приходить с оружием под полой." (Толстой 1985, 132.)

И так говорил также сам Петр с курфюрстиной Софьей и ее дочерью Софьей-Шарлоттой в замке Коппенбурга:

" В Москве - науки, искусства! - сказал он, лягнув ногой под столом. - Сам их здесь только увидел. Их у нас не заводили, боялись..... Бояре наши, дворяне - мужичье сиволапое - спят, жрут да молятся.... Страна наша мрачная. Вы бы там со страху дня не прожили.
..... Под одной Москвой - тридцать тысяч разбойников..."
(Толстой 1985, 208-209.)

В это время русские жили только по-своему, и они ничего не знали о состояниях в других странах. Зарубежные страны также

слышали об этом, и от этого происходила первая значительная задача Петра Первого: улучшить репутацию своего народа по отношению к цивилизованным государствам.

Не как другие цари, он хотел видеть жизнь в других странах, и выучиться новым делам. Так и А. Толстой пишет:

"... Помнили (в Европе), что еще брат Петра почитался вроде бога.... А этот - саженого роста, изуродованный судорогою красавец плюет на царское величие ради любопытства к торговле и наукам..... Сие невероятно и удивительно." (Толстой 1985, 198.)

Так, когда он вернулся из зарубежных стран, он хотел послать русских людей туда на выучку. Прежде всего в Венецию, Голландию и Англию, чтобы выучились кораблестроению. (Lindeqvist 1896, 40-41. (перевод К.Я.))

Так как всех русских не могут послать за границу, Петр нанимал, например, в своих путешествиях, заграничных архитекторов, юристов, механиков, офицеров, инженеров и врачей, чтобы они оказывали помощь русскими и учили их. (Lindeqvist 1896, 43.(перевод К.Я.)). А Толстой также пишет об этом:

" Для учреждения навигаторской школы в Москве взял на службу ученого профессора математики Андрея Фергарсона и шлюзного мастера капитана Джона Перри - для устройства канала между Волгой и Доном. Он взял на службу знаменитейшего голландского капитана дальнего плавания, человека гордого и строптивого, но искусного моряка, - Корнелия Крейса." (Толстой 1985, 217.)

Больше всего Петр хотел развивать армию и флот. Количество войска было намного больше, чем в странах Европы, но ее сила была слабее, потому что у нее недостает приобретения навыка и порядка. (Lindeqvist 1896, 104.(перевод К.Я.))

4.1 Армия

Войска в России были раньше весьма многочисленные. Против неприятеля Иван Грозный мог послать 300 000 человек. Но эти войски были неорганизованные толпы. (Lindegvist 1896, 103. (перевод К.Я.))

Не существовало никакой подготовки в военном искусстве; военные упражнения в мирное время были вещью незнакомой. Не было организованного начальства: предводительство над войсками принадлежало по праву представителям местной аристократии: боярам, окольниковым. Эта армия состояла почти исключительно из кавалерии и, следовательно, совершенно не соответствовала требованиям современного ведения войны. (Валишевский 1990, 316.)

Значение Азовских походов было значительно шире, оно выходило за рамки военной и дипломатической акции: они повлекли строительство воронежского флота, вызвали начальные меры по созданию регулярной армии. Оба новшества требовали огромных финансовых затрат. (Павленко 1994, 93.) И А. Толстой заметил это:

” Нужно было искать союзников, со всей поспешностью улучшать и вооружать армию и флот, перестраивать насквозь проржавевшую государственную машину на новый, европейский, лад и добывать денег, денег, денег...”
(Толстой 1985, 198.)

”Потешные”, которые Петр создал, лежали в основе нового, огромного войска. С помощью их он сделал большие изменения.

Личная заслуга Петра заключалась в развитии, надо сознаться довольно непоследовательном и фантастичном, по крайней мере в начале того почина. Первый полк, который Петр создал из своих друзей был Преображенский полк. В 1684 г. уже имелся наличный состав в триста человек и ядро военного образования в Преображенском. (Валишевский 1990, 317.)

Указ от 17-ого ноября 1699 г. положил начало рекрутской системе, при которой на службу в армию привлекался один рекрут от определенного количества крестьянских и посадских дворов. Число ополченцев достигло до тысячи, и второй потешный полк был соз-

дан в Семеновском, откуда произошло название второго гвардейского полка. (Валишевский 1990, 317; Павленко 1994, 102.)

Этой систематичностью Петр получил для себя воодушевленных людей, и русских и иностранцев. Иностранцев наняли в армию, потому что у них был большой опыт. Петр именно хотел сделать европейскую армию. Первым он думал, надо снаряжение, которое сделает армию хорошей, но когда иностранцы приехали на командование армией, Петр заметил, что самое важное – это дух солдат. Так, во главе с хорошими иностранцами достигли очень быстро хороших результатов.

А. Толстой пишет так в своей книге:

” Но военные, в особенности молодые, горячо стояли за войну. Этой осенью ходили двумя армиями под деревню Кожухово и там, не в пример прочим годам, воевали по всей науке. Про полки Лефортов и Бутырский, про потешных преображенцев и семеновцев, наименованных теперь лейбгвардией, иностранцы отзывались, что не уступят шведам и французам.”

(Толстой 1985, 173-174.)

В книге Алексея Толстого очень часто обращается внимание на ту энергию и участие, которые у Петра были. Кажется, что он сделал бы все что надо и даже больше для своего ”нового” народа и особенно своей новой армии. Петр же хотел устранить преувеличенную божественность, которой покрывали царей. Он даже запретил преклоняться на колени когда почтили царя, и зимой нельзя снимать шапку когда видели царя (Lindeqvist 1894, 49.(перевод К.Я.)). Значит, когда впервые увидели Петра толкавшего тачку или вколачивавшего гвозди в стену для новой крепости, это конечно привело к удивлению, потому что раньше такого не видели. Вот пример из книги А. Толстого:

”... И вот, – о господи, пресвятые угодники! – не на стульчике где-нибудь золоченом с пригорочка взирает на забаву, нет – царь, в вязаном колпаке, в одних немецких портках и грязной рубашке, рысью по доскам везет тачку...”

Снимает боярин шапку о сорока соболей, снимают шапки дворяне, низко кланяются с той стороны. И – глядят, разводя руками....

Отцы и деды нерушимой стеной стояли вокруг царя, оберегали, чтоб пылинки али муха не села на его миропомазанное величие. Без малого как бога живого водили к народу в редкие дни, блюли византийское древнее великолепие... А это что? А этот что же

вытворяет? С холопами, как холоп, как шпынь ненадобный, бегает по доскам, бесстыдник, – трубка во рту с мерзким зелем, еже есть табак.....” (Толстой 1985, 68.)

С другой стороны, всей энергией и умением Петру не удалось справиться с некоторыми причинами отрицательного характера, еще в недавнее время губительно отражавшимися на успехе русского оружия; с недостатками администрации, неудовлетворительностью высшего начальства. (Валишевский 1990, 321-322.)

Петр I хотел подготовиться к Северной войне заботливо.

В начале Северной войны Петр I проводил принцип постепенного наращивания сил и воспитания навыков в боевых действиях против опытного врага методами малой войны (осада Нотебурга, Нарвы, Дерпта, частные боевые действия в Прибалтике, Польше). (Гребельский 1992, 34.)

Перед Северной войной Петру надо было найти союзников себе, чтобы победить шведскую армию. Хотя шведская армия считалась слабой (это происходило от Карла XII), но она же проявила крепость на прошлых войнах. Союзника нашли и он был на севере, где вызревала идея формирования антишведской коалиции, взоры царя были устремлены в будущее, а усилия направлены на дипломатическую подготовку Северной войны (Павленко 1994, 115.)

Северный союз был окончательно оформлен в 1699 г..

У каждого из будущих союзников России – Дании и саксонского курфюрста Августа II – были свои счеты со Швецией и свои к ней претензии. Самый знаменательный мотив для основания союза был у Дании. В основе их лежало давнее соперничество Дании и Швеции за господство на Балтийском море. (Павленко 1994, 125.)

Особые основания для вступления в Северный союз были у Августа II. Напомним, что в течение долгой жизни он выступал в двух ипостасях: саксонского курфюрста и польского короля. Война, причем не какая-нибудь, а победоносная и без больших затрат материальных и людских ресурсов, была крайне нужна Августу, чтобы

упрочить свое положение как в Саксонии, так и в Речи Посполитой – ни там ни здесь он не имел твердой опоры. (Павленко 1994, 127.)

Главной целью союза являлось то, что каждому из этих трех соседних государств надо было одновременно начать войну против Швеции. Дания и Польша исполнили свой долг первыми, но Россия ждала, пока, мирный договор подписали с Турцией. Когда это было подписано Россия также начала войну против Швеции. (Lindeqvist 1894, 64-65.(перевод К.Я.))

А. Толстой также упомянет это дело в своей книге:

” Меншиков на цыпочках придвинулся вплоть. Карлович вынул небольшой лист голубой бумаги, отнес его далеко от глаз, наливаясь натугой, начал читать:

– ”Для содействия Российскому государю к завоеванию у Швеции несправедливо отторгнутых ею земель и к твердому основанию русского господства при Балтийском море король польский начнет с королем шведским войну вторжением саксонских войск в Лифляндию и Эстляндию, обещая склонить к разрыву и Ржечь Посполитую Польскую. Царь со своей стороны откроет военные действия в Ингрии и Карелии тотчас по заключении мира с Турцией, не позже апреля 1700 г. и между тем в случае надобности, пошлет королю польскому вспомогательное войско под видом наемного. Союзники условились в отдельные переговоры с неприятелем не входить и друг друга не выдавать. Сей договор хранить в непроницаемой тайне”.(Толстой 1985, 304.)

Больше я не буду анализировать Северную войну, я только отмечая, что в долголетней Северной войне 1700 - 1721 гг. Россия добилась полной победы и вошла в число великих европейских держав.

Когда войну начинали, все способные мужчины пошли вместе, или по своей воле или кто-нибудь заставил их пойти. Об этом неорганизованном отправлении пишет также А. Толстой:

” Затем, – должно быть, уж для полнейшего разорения, по наговору иноземцев проклятых, – пригнали из Москвы с тысячу дьяков и подьячих, взяли их из приказов, кто помоложе, вооружили, посадили на коней, обучали военному делу без пощады.” (Толстой 1985, 151.)

Победоносные войны помогли Петру развивать армию, отчего последующее поколение также может благодарить его. После Северной войны Петр начал больше обращать внимание на своих солдат и снаряжение. Он уделял большое внимание развитию военной про-

мышленности, оснастившей войска ружьями с ударно-кремневым замком и штыком, полевыми и морскими орудиями, строго регламентированными по типам и калибрам, и боеприпасами (Гребельский 1990, 34.).

4.2 Флот

Как я уже упомянула, страсть Петра была к кораблям и к морю. Так и пишет А. Толстой:

"Больше всего люблю строить корабли..... Галера "Принкипиум" от мачты до киля вот этими руками построена (разжал наконец кулаки, показал молози).... Люблю море и очень люблю пускать потешные огни. Знаю четырнадцать ремесел, но еще плохо, за этим сюда приехал....." (Толстой 1985, 209.)

И как я уже упомянула в предыдущей главе, меня очень воодушевляет это трудолюбие, которое у Петра было. У него было страстное желание освоить кораблестроение и все, что связано с этими делами. Для Петра создание флота было гораздо важнее, чем армии, потому что в России раньше не было флота. Но в результате строгой работы и своих стараний Петр создал флот. Об этой старательности Петра пишет А. Толстой:

"Бояре – пусть надуваются, – это даже и лучше, а он – Петр Алексеев, подшкинер переяславского флота, так и поведет себя: мы, мол, люди рабочие, бедны да умны, пришли к вам с поклоном от нашего убожества, – пожалуйста, научите, как топор держать....
... Пугая немецкие и голландские слова, рассказывал про плаванье, со смехом указывал на карбасы, где еще стояли истуканами бояре.... Тут же ввернул, что немедля закладывает в Архангельске верфь: "Сам буду плотничать, бояр моих заставлю гвозди вбирать....."
(Толстой 1985, 158.)

В течение жизни Петр пополнял знания, уделяя особое внимание военному делу. В 1688 - 1693 гг. под руководством мастеров учился строить корабли на Переяславском озере. Он также работал плотником на верфях Амстердама, изучая корабельную архитектуру и

черчение планов, прошел теоретический курс кораблестроения в Англии. (Гребельский 1992, 36.)

После этих обучений Петр настоял на своем. И в сущности такой демонстративный характер остался связанным со всей будущностью русского военного флота. Он действовал и достигал цели главным образом нравственным воздействием. (Валишевский 1990, 326.)

В самом деле, разве могла прийти в голову ординарного правителя сухопутной страны дерзкая мысль в короткий срок создать военноморской флот? Мысль была дерзкой прежде всего потому, что страна не располагала ни денежными ресурсами, ни мастерами – кораблестроителями, ни навигаторами, ни людьми, из которых можно было комплектовать экипажи кораблей. (Павленко 1994, 94.)

Одна причина для создания флота была также, что Петр хотел избавиться от шведов в Северном море. И вот это они сделали немного позже.

Сразу после заграничной поездки Петра, где он учился кораблестроению, начинали строить верфи; первая была в городе Воронеже, на берегу реки Дона, откуда корабли по течению спустили на Черное море. (Lindeqvist 1896, 105. (перевод К.Я.))

И так А. Толстой пишет о первой верфи:

” После азовского невзятия Петр только показался в Москве, где все хихикали: ”Это тебе, мол, не кожуховская потеха”, – тотчас уехал в Воронеж. Туда со всей России начали сгонять рабочих и ремесленников. По осенним дорогам потянулись обозы. В лесах по Воронежу и Дону закачались под топорами вековые дубы. Строились верфи, амбары, бараки. Два корабля, двадцать три галеры и четыре брандера заложили на стапелях.”
(Толстой 1985, 195.)

Петр стремился прежде всего иметь торговый флот и, верный своей манере добиваться намеченной цели, он допускал возможность приобрести его сразу, превратив свое желание в повеление, и прибегнув к властным приемам. (Валишевский 1990, 324.)

При отсутствии или почти отсутствии денег в казне царь решил финансовую проблему оригинальным способом – велел организовать так называемые кумпанства и поручить каждому из них в двухлетний срок – к апрелю 1698 г. – соорудить, оснастить и воору-

жить корабль, вполне пригодный для боевых действий. Принцип организации кумпанств был столь же прост, как и рационален: на воду надлежало спустить один корабль от 10 000 крестьян, принадлежавших светским феодалам. (Павленко 1994, 94. ; Lindeqvist 1896, 106. (перевод К.Я.))

А. Толстой пишет интересно о том, как жили крестьяне на верфи, и что они делали, чтобы им не было надо ехать туда:

”... Люди гибли сотнями. Во сне не удивать такой неволи, бежавших – ловили, ковали в железо. Вьюжный ветер раскачивал на виселицах мерзлые трупы. Отчаянные люди поджигали леса кругом Воронежа. Мужики, идущие с обозами, резали солдат-конвоиров; разграбив что можно, уходили куда глаза глядят.... В деревнях калечились, рубили пальцы, чтобы не идти под Воронеж. Упиралась вся Россия, – воистину пришли антихристовы времена: мало было прежней тяготы, кабалы и барщины, теперь волокли на новую непонятную работу. Ругались помещики, платя деньги на корабельное строение, стонали, глядя на незасеянные поля и пустые житницы. Весьма неодобрительно шепталось духовенство, черное и белое: явственно сила отходила от них к иноземцам и к своей всякой нововыiskanной и непородной сволочи...”
(Толстой 1985, 195-196.)

Более серьезным казалось создание северного флота, вызванное войной со Швецией. В 1703 г. после победы у устья Невы, в Оло-нецке на Олонке были устроены кораблестроительные верфи. Год спустя, было основано С.-Петербургское Адмиралтейство. Поначалу Адмиралтейству было поручено спустить на воду 6 кораблей и 40 бригантин, но затем эту норму дважды повышали, так что в итоге ему довелось поставить 16 кораблей и 60 бригантин. Впрочем, правительство повысило норму поставки кораблей и частным кумпанствам. От обязанности их строить гостям все же удалось уклониться – вместо кораблей казна согласилась принять от них деньги: по 12 000 рублей за каждый корабль.
(Валишевский 1990, 326. ; Павленко 1994, 94.)

И как мы уже раньше упомянули, Петр надеялся на знание иностранцев, он же сам получил свое учение из-за границы. Но в те времена не было общепринятой теории кораблестроения и в каждой стране корабли сооружались в соответствии со своими вековыми традициями и навыками. Именно поэтому приемы кораблестроения в Голландии отличались от английских, а последние – от датских

или итальянских. Сооружение воронежского флота велось под руководством мастеров разных национальностей, что нередко приводило к конфликтам и недоразумениям: то, что считал правильным датчанин, отвергалось англичанином. А если последнему была предоставлена административная власть, т. е. присмотр за несколькими кораблестроителями, то датчанин часто не мог взять в толк, что от него требует англичанин. (Павленко 1994, 95.) Но больше всего Петр надеялся на голландцев. Например, прибегнув к содействию голландских кораблестроителей, он уже облагодавал в 1694 г. тремя судами: кораблями одинаково пригодными для двух целей – военной и торговой – выстроенными по типу, выработанному первыми судохозяевами из опасения волжских разбойников и надолго сохранившемся в отечественном судостроительстве. (Валишевский 1990, 324.)

Об этом доверии к голландцем пишет и А. Толстой:

”... На корме, на мостике, перекрикивая грохот катящихся по палубе бочек, визг блоков, ругался по-русски и по-португальски коричневомордый капитан Памбург – усищи дыбом, глаза – как у бешеного барана, ботфорты – в грязи, поверх кафтана – нагольный полушубок, голова стянута шелковым красным платком. ”Дармоеды! Шукины дети! Карраха!”....

.... Вице-адмирал Корнелий Крейс спал за столом, уткнув лицо в расшитые золотом обшлаги. Шаутбенахт (чин, соответствующий контр-адмиралу) русского флота, голландец Юлиус Рез, – отважный морской бродяга, с головой, оцененной в две тысячи английских фунтов за разные дела в далеких океанах, – тянул анисовую, насупившись на свечу одноглазым свирепым лицом. Корабельные мастера Осип Най и Джон Дей, обросшие щетиной за эти горячие дни, попыхивали трубками, насмешливо подмигивали русскому мастеру Федосею Склеяву.... ” (Толстой 1985, 263-264.)

Но хорошие рабочие не значат все. Требовали также хороших принадлежностей. В этих делах у Петра было больше всего проблем. Едва ли не самый пагубный результат спешки состоял в том, что корабли строили из непросушенного леса. На верфях отсутствовали крытые элинги, и сооружавшиеся корабли подвергались воздействию непогоды, из-за отсутствия железа вместо железных креплений употреблялись деревянные. Невысокое качество воронежского флота объяснялось не только качеством используемого леса, но и, видимо, невысокой квалификацией некоторых мастеров-иностранцев. Совершенно очевидно, что мастерам высокой квалификации была

обеспечена работа на родине и в Россию нанимались не лучшие специалисты. (Павленко 1994, 96.)

Не менее серьезные трудности подстерегали воронежских кораблестроителей и при укомплектовании флота артиллерией. Если металла не всегда доставало для изготовления гвоздей, то с его дефицитом тем более приходилось считаться при литье пушек. (Павленко 1994, 96.) Вот эти трудности видели также иностранные гости Петра в книге А. Толстого:

” – Русский царь владеет тремя четвертями дегтя всего мира, лучшим мачтовым лесом и всей коноплей... Но это так же трудно взять, как с луны.... О нет, сэр, вы много не наживете на вашей концессии... Север пустынен, разве – приучите медведей рубить лес... Кроме того, из трех ваших кораблей, сэр, два утопят норвежцы, или шведы, а третий погибнет от плавучих льдов. Да, да, эта страна богата, как Новый Свет, богаче Индии, но, покуда ею правят бояре, мы будем терпеть убытки и убытки.... ” (Толстой 1985, 132.)

В общем, как с точки зрения военной, так и с точки зрения торговой Петр приложил много бесплодных стараний, чтобы обратить русский народ в мореплавателей. Жители обширного пространства, окаймленного морями, далеко негостеприимными, не были виноваты, что не сумели приспособиться к фантазии своего царя. Неумеренность и поспешность – два недостатка, свойственные всем созданиям великого мужа, – здесь, как и в других случаях, помешали успеху стараний лес, употребленный в дело, было слишком сыро, оснастка плохого качества, матросы не были обучены. (Валишевский 1990, 328.)

Но, несмотря на все неудачи Петр создал флот, который хозяйствовал во всех частях Балтийского моря. Постоянная тоска молодого человека по морю и строгая работа сделали большое изменение, с которым русский народ повел дела, хотел он или нет. Отрывок о победоносном флоте из книги А. Толстого:

” Вбивали первую сваю для набережного укрепления маленького острова Янни-саари, – по-фински – Заячий остров. Три недели тому назад русские войска взяли на аккорд, – верстах в двух выше по Неве, – земляную крепость Ниеншанц. Шведы, оставив невиские берега, ушли на Сестру-реку. Шведский флот из боязни мелей темнел парусами за солнечной зыбью вдали залива. Два небольших корабля отважились войти в устье Невы – до острова Хиври-саари, где в лесной засеке скрывалась

батарея капитана Васильева, – но их облепили галеры и взяли на abordaj. ” (Толстой 1985, 421-422.)

Понадобилось 12 лет чтобы создать такой победоносный флот, но Петру, и другим также, это стоило делать. Можно сказать, что настоящее величие России возникло при его помощи.

4.3 Политика

4.3.1 Административная система

Петр I так сильно сосредоточился на создании флота и армии, и на достижении господства на Балтийском море, что политические преобразования оказались на заднем плане.

Так как очень часто говорят о Петре I как основателе огромной русской армии, мы совсем мало знаем о политических изменениях, которые он сделал. Или много знаем, но он так мало их сделал. Это также причина, почему и А. Толстой так мало пишет об этом. Но есть некоторые примеры какая жизнь была перед Петром. Здесь один из них. Так Василий Васильевич Голицын рассказал своему иностранному другу, де Невиллу:

” –Поясню вам, господин де Невилль. Нашего государства основа суть два сословия: кормящее и служилое, сиречь – крестьянство и дворянство. Оба сии сословия в великой скудости обретаются, оттого государству никакой пользы от них нет, ниже одно разорение. Великим было бы счастьем оторвать помещиков от крестьян, ибо помещик ныне, одной лишь корысти ради, без пощады пожирает крепостного мужика, и крестьянин оттого худ, и помещик худ, и государство худо..... ”

... –Господин канцлер, – воскликнул де Невилль, – история не знает примеров, чтобы правитель замышлял столь великие и решительные планы. (Василий Васильевич сейчас же опустил глаза, и матовые щеки его порозовели.) Но разве дворянство согласится безропотно отдать крестьянам землю и раскабалить рабов?” (Толстой 1985, 52.)

И во втором примере из книги Толстого видна причина, почему западные страны не могли понять Россию; почему она живет по-старому, почему она не могла преобразаться:

” Если верхние бояре, думавшие в кремлевском дворце государеву думу, все еще надеялись жить, как бог пошлет, – ”молодой-де царь перебесится, дела образуются, тревожится незачем, что бы ни стряслось, – мужики всегда прокормят”; если в Преображенском Петр со всякими новыми алчущими людишками, с купцами и дворянами, променявшими деловскую честь на алонжевый парик, – теперь, безовсякого удержу, истощал казну на воинские и другие потехи, на постройку кораблей, солдатских слобод и дворцов для любимцев, бесстыдничал, веселился беспечно; если государство по-прежнему кряхтело, как воз в трясине, – на западе (в Венеции, в Римской империи, в Польше) так поворачивались дела, что терпеть московскую дремоту и двоедушие более не могли.”
(Голстой 1985, 172.)

Но когда нашли время, делали также работы. Как раньше, так и теперь Петр надеялся на помощь иностранцев. Петр воспользовался помощью иностранцев для создания новой административной системы, но новые учреждения заимствовали у западных образцов только форму. Дух оставался чуждым для них. Он слишком сильно противоречил бы сущности, душе политической организации, продолжавшей действовать и сохранявшей свой принцип. Он просто хотел придать английскую или немецкую внешность старинным приказным избам, существовавшим в городах и ведавшим не интересы обывателей, а интересы государя. Он стремился создать сборщиков податей более энергичных и снабженных лучшими средствами, и его обычная вера, несколько наивная, в значение одеяния, внешнего облика, побуждала его к такой подделке автономного управления. Но, помимо избирательного принципа, вложенного в их организацию (и применение этого принципа не было новостью для России), новые магистратуры во всех отношениях напоминали старые. Их назначение было делать то же, что делалось раньше – только более строго. (Валишевский 1990, 286-287.)

Так, Петр не мог подействовать на душу и сущность народа, и Петр организовал администрацию так, что мощь правительства становилась значительнее, чем раньше. Прежде в составе служащих не хватало связи и систематической деятельности, что делало силу правительства слабее и администрацию распущеннее. Теперь это организовали следующим образом: бывшая восточная патриаршая административная система становилась регулярной. (Lindeqvist 1896, 111.(перевод К.Я.))

Реформы государственного аппарата при Петре I явились важным шагом на пути превращения русского самодержавия XVII в. в чиновничье-дворянскую монархию XVIII в. с ее бюрократией и служилыми сословиями. Место Боярской думы занял Сенат, вместо приказов учреждены коллегии, контрольный аппарат представляли сначала фискалы, а затем прокуроры во главе с генерал-прокурором. (Гребельский 1992, 33.)

Об этих изменениях пишет также А. Толстой.

" По миновании военной и прочей надобности новые министры, - так начали называть их тогда иноземцы, - выбили из приказов одних дьяков с подьячими и посадили других и стали думать и править по прежнему обычаю. Перемен особенных не случилось. Только в кремлевском дворце ходил в черных соболях, властно хлопал дверями, шепотно стучал каблуками Лев Кириллович вместо Ивана Милославского.....

Это были люди старые, известные, - кроме разорения, лихоимства и беспорядка и ждуть от них было нечего. В Москве и на Кукуе - купцы всех сотен, откупщики, торговый и ремесленный люд на посадах, иноземные гости, капитаны кораблей - голландские, ганноверские, английские - с великим нетерпением ждали новых порядков и новых людей. Про Петра ходили разные слухи, и многие полагали на него всю надежду. Россия - золотое дно - лежала под вековой тиной.... Если не новый царь поднимет жизнь, так кто же?"

(Толстой 1985, 129.)

Учреждение Сената в 1711 г. является другим важным шагом на пути постепенного уничтожения прежних административных органов или их внешнего приспособления к типу западному. Однако, напрасно Петра восхваляли за замену новым собранием старинной Боярской думы. На Сенат вначале только возлагалось поручение избавить от нее государя. (Валишевский 1990, 293.)

Сенат был самое высокое чиновничество в государстве: все другие административные ведомства подчинялись ему. Но намерения не было, чтобы он работал самостоятельном заодно с царем, а Сенат должен заботиться и проводить законы от царя. Область деятельности Сената была весьма широкая : он должен быть нейтральным судьей, заботиться о денежном деле, военном ведомстве, и еще о торговле, подати и т.д.: "короче говоря"- скажет Петр -"Сенат должен неумолимо работать на пользу народа и государя, делать добро и изгнать дело, которое может быть вредное."

(Lindeqvist 1896, 112.(перевод К.Я.))

Реформа 1708-1710 гг., ничего не придумала для согласования новой провинциальной организации со старой администрацией, сосредоточенной в Москве; она лишь содействовала ее уничтожению.

"Ближняя канцелярия" сделалась (таким образом) единственной центральной властью и оказалась явно неспособной выполнять свою задачу. С 1711 по 1718 г. взаимные полномочия обоих органов, Канцелярии и Сената, оставались неопределенными. Не зная к которому из двух обращаться с донесениями и просьбами, остальные общественные учреждения предпочитали держаться в стороне.

Пока же все было в руках сенаторов. При назначении сенатором, как впрочем, и на другие должности, Петр руководствовался не породой, а совсем иным принципом – служебной годностью.

(Валишевский 1990, 293-295; Павленко 1994, 436.)

К сенату был приставлен *обер-фискал* или главный контролер. Его должность, замененная в 1722 г. должностью "прокурора государственного контроля", представляла действительный залог успеха, поскольку она содействовала согласованию отдельных проявлений власти, долго действовавших без всякой внутренней связи между собой: царя, Сената и различных исполнительных органов.

Прокурор государственного контроля, сносясь с этими последними через посредство прокуроров, состоявших под его начальством, и служа сам посредником между царем и Сенатом, являлся связующим звеном. (Валишевский 1990, 297.)

XVII век для приказных дельцов представлял своего рода начальные классы, оканчивая которые они вступали на новую стезю своей деятельности, приобретая качественно новые черты. Они были отмечены во многих законодательных актах, но главнейшим из них несомненно является Генеральный регламент, изданный Петром в 1720 г.

Генеральный регламент – средоточие бюрократической мудрости. Он определил по крайней мере три исходных положения бюрократической системы. Например, он установил строгую подчиненность нижестоящих учреждений вышестоящим, учел исключительную ситуацию, когда Сенат повелевает коллегии выполнять указ, который по мнению коллегии, "высокому интересу противен". В этом случае коллегия, задержав исполнение указа, письменно извещает Сенат о

своих сомнениях. Если Сенат опять-таки письменно подтвердит свой указ, то коллегия обязана и выполнять его, и обязательно донести об этом царю. (Павленко 1994, 437-438.)

Под Сенат организовали в 1717 г. вместо прежних "приказов" нижние учреждения или коллегии, в которых, как и в Сенате, были несколько членов. Главным должностным лицом канцелярии (или Камер-коллегия) являлся секретарь. Он обязан был докладывать присутствию коллегии о всех поступивших бумагах, он же вел учет завершенным и незавершенным делам. Поскольку секретарь руководил канцелярией, то раннее его появление в коллегии было обусловлено необходимостью распределить между служителями канцелярии поступившие бумаги для исполнения.

Следующим должностным лицом в коллегии был нотариус. Его обязанность – вести протокол заседания коллегии.

Ниже нотариуса стоял актуариус. Он регистрировал поступающие в коллегия документы, составлял им реестр и разносил их непосредственным исполнителям, назначенным секретарем.

Следующее должностное лицо канцелярии коллегии – регистратор. Он отвечал за оформление указов, исходивших из коллегии.

(Павленко 1994, 438; Валишевский 1990, 300; Lindeqvist 1896, 112.(перевод К.Я.))

Первая заметка царя о количестве коллегии относится к 23 марта 1715 г. В списке значится всего лишь шесть коллегий без расшифровки их обязанностей: Юстиции, Иностранных дел, Адмиралтейская, Военная, Камер- и Коммерц-коллегии. Следующий список коллегий, тоже составленный Петром, не датирован, но скорее всего относится к 1719 г. В нем значится уже девять коллегий, причем царь наряду с их перечнем коротко изложил компетенцию каждой из них. В список включены четыре новые коллегии: Штатс-контор-коллегия, Берг- и Ревизион-коллегии и "Политическая коллегия, отколь все указы и потенты, наряды людям". Зато в списке отсутствует коллегия Иностранных дел.

Начальники или президенты были русские, но нижние служащие были по большей части иностранные, которых наняли для этого. (Павленко 1994, 444; Lindeqvist 1896, 113.(перевод К.Я.))

Но что делали разные коллегии? Что они блюли?

Коллегия Иностранных дел была единственной, не располагавшей регламентом. Вся деятельность коллегии должна была протекать в глубокой тайне, поэтому указ определял пути ее достижения.

Воинская коллегия занималась комплектованием, вооружением, снаряжением, экипировкой и обучением армии.

Адмиралтейская коллегия – надобность в этом органе возникла в связи с превращением России в морскую державу и созданием военно-морского флота.

Две финансовые коллегии – Камер- и Штатс-контор – заменили многочисленные приказы, ведавшие в XVII в. доходами и расходами государства: приказ Большого прихода, приказ Большой казны, приказ Новой чети.

Ревизион-коллегия контролировала расходование денежных средств.

Три коллегии ведали торговлей и промышленностью страны: Берг-, Мануфактор- и Коммерц- коллегии. Регламент Берг-коллегии получил название Берг-привилегии и определял льготы и привилегии владельцев металлургических заводов. Мануфактур-коллегия ведала предприятиями легкой промышленности.

Регламент Мануфактур-коллегии отличается от Берг-привилегии 1719 г.

Задача Коммерц-коллегии, как ее определил регламент 1719 г., состояла "в двух важных вещах, сиречь в морском хождении и купечестве". Она осуществляла "дирекцию" над всеми таможенями; поощряла отечественное кораблестроение; опекала русских и иноземных купцов, занятых во внешней торговле....

Юстиц-коллегия ведала надворными и нижними судами и по отношению к ним являлась апелляционной инстанцией.

Читая книгу Толстого, мы может быть думаем (как и думают иностранцы в книге) как народ может жить в такой стране, где законодательство было: глаз за глаз, зуб за зуб и *жизнь за жизнь*.

И где приговоры приводили в исполнение как можно строже и публичнее. Это было хорошо, что Петр преобразовал законодательство

и создал такую Юстиц-коллегию, она действовала для народа. Из книги А. Толстого пример о законодательстве для обыкновенного народа:

” Лесоторговец, англичанин Сидней, прямой и сдержанный, но с покрасневшими и косящими глазами, говорил Петру: – Его величество король Англии и почтенные лорды никогда не утверждают ни одну биль, если только он может повредить торговле.... И поэтому казна его величества полна... Английский купец – уважаемое лицо в стране. И мы все готовы пролить кровь за Англию и нашего короля... Пусть его величество молодой государь не сердится, если я скажу, что в России много дурных и не полезных законов. О, хороший закон – это великая вещь! И у нас есть суровые законы, но они нам полезны, и мы их уважаем....

..... –Ладно, – сказал Петр, – но пусть назовет, что у нас гадкое?

– Хорошо, – Сидней передохнул опьянение. – По пути к нашему любезному хозяину я проезжал по какой-то площади, где виселица, там небольшое место расчищено от снега, и стоит один солдат.

– За Покровскими воротами, – подсев со стулом, под-сказал Алексашка.

– Так... И вдруг я вижу, – из земли торчит женская голова и моргает глазами. Я очень испугался, я спросил моего спутника: ”Почему голова моргает?” Он сказал: ”Она еще живая. Это русская казнь, – за убийство мужа такую женщину зарывают в землю и через несколько дней, когда умрет, вешают кверху ногами....”

Алексашка ухмыльнулся: ”Гы!” Петр взглянул на него, на нежно улыбающегося Лефорта.

– А что? Она же убила... Так издавна казнят.... Миловать разве за это?.....”

(Толстой 1985, 134-135.)

Особое место в правительственном аппарате занимала Духовная коллегия, или Синод. Образование Синода в 1721 г. завершало процесс подчинения духовной власти светской и являлось важнейшей вехой в становлении абсолютизма.

(Павленко 1994, 445-446; Lindeqvist 1896, 116(перевод К.Я.))

Западные изменения однако не действовали в старой системе. После обобщения в принципе, приступили к специализации доходов и расходов, предназначая известный источник доходности на определенный расход. И беспорядок распространился на администрацию. Подчинив коллегии Сенату, для трех из них сделали исключение, а именно для воинской, адмиралтейской и иностранных дел, получивших право непосредственного сношения с государем, занимая таким образом иерархически положение выше Высокого Собрания. И

децентрализация снова появилась вместе с отсутствием дисциплины и беспорядком. (Валишевский 1990, 301)

Создание в 1708 г. восьми крупных административных центров, названных губернаторствами, составляет другую такую меру, явившуюся последствием войны, как все в ту эпоху было ее последствием. Для Петра это было сознательное расчленение, потому что на военные действия требуются деньги, и вот эти деньги он получил бы в образе налогов из разных губернаторств.

Создание воронежского флота и учреждение Азовского порта положили начало первому центру военному и финансовому; покорение Ингрии и Карелии привело к образованию первого губернаторства в побежденной стране.

С точки зрения территориальной, восемь губернаторств соответствовали отчасти старинным военным финансовым округам, созданным для местных нужд, даже имея начальников таких округов, воевод. Издавна знали, что эти воеводы были притеснителями и мучителями народа. У них была огромная власть, потому что и администрация и юстиция были в их руках, и очень редко наблюдали за их занятиями. В один ряд с воеводами поставили совет, который состоял из дворян провинции. Теперь воеводам надо было спросить их мнения также. Занятия воевод были также под постоянным наблюдением, выше упомянутых, коллегий.

(Валишевский 1990, 287-288; Lindeqvist 1896, 113(перевод К.Я.))

С 1715 г. для губернии было установлено новое деление: провинции как административные единицы сохранились (их насчитывалось 50), но стали делиться не на уезды, а на доли, образованные по статистическому принципу: каждая доля во главе с ландратом имела 5536 дворов. Доли несколько позже были переименованы в дистрикты.

Организация коллегии была дополнена присоединением шведских финансовых провинций. Мысль превосходная; только провинции эти оказались двойниками губернаторств, представлявших уже округа одновременно финансовые и административные и продол-

жавших свое существование. Сами коллеги во многих отношениях являлись двойниками Сената. Теперь был избыток колесных систем, но ощущался недостаток в людях, чтобы пустить их в ход. Для заполнения безконечно размножившихся канцелярий пришлось прибегнуть к услугам шведских пленников.

Ко времени проведения второй областной реформы областная администрация имела трехчленное деление: губерния – провинция – дистрикт. Реформа 1719 г. установила двухчленное деление: провинция – уезд. Губернаторы сохранились, но их власть простиралась лишь на провинцию, возглавляемую губернским городом. Провинция была наводнена учреждениями и многочисленными правительственными чиновниками. Главными из них, как уже упоминали выше, были воевода, камерир, ведавший сборами налогов, и рентмейстер, возглавлявший рентерею, или казначейство, куда стекались все прямые и косвенные налоги с населения провинции. Кроме того, в провинции существовали канцелярии: вальдмейстерских дел (охрана лесов), рекрутских дел, розыскных дел, таможенная изба, магистрат, фискалы и др.

Во главе управления дистриктами, на которое подразделялась провинция, стояли земские комиссары. Они отвечали за своевременный сбор налогов и непосредственно подчинялись камериру. Земские комиссары, кроме того, выполняли полицейские функции: вылавливали беглых крестьян и дезертиров, бродяг и преступников, а также должны были следить за состоянием дорог, мостов, постоялых дворов.

(Валишевский 1990, 301-302; Павленко 1994, 452-453.)

Контроль за деятельностью государственного аппарата, по идее, должен был свести до минимума независимость государственного механизма. Для достижения этой цели, оказавшейся, естественно, эфемерной, Петр создал два параллельно действовавших института контроля – фискальную службу и прокуратуру. Делали они общее дело – контролировали бюрократический аппарат, но разными средствами: прокурорский надзор осуществлялся в стенах канцелярий, фискальный – преимущественно за их пределами. Но это исключение, однако, не меняло бюрократического существа той и другой

службы. Царь отдавал предпочтение прокурорскому надзору, подчинив ему фискалов. (Павленко 1994, 473.)

Но надо сказать, что Петр I действовал не как политик, а как военный начальник. Подобно армии, Петру удалось создать администрацию, по внешности напоминающую европейскую. Но ему легче было набрать солдат, чем администраторов. Заимствовав у Европы форму коллегии, преобразователь не сумел, да и не старался, усвоить также ей живительного духа; принципа работы сообща, разделения ответственности – "плода слишком экзотического, чтобы привиться в России", как выразился русский писатель Милюков. (Валишевский 1990, 289/303-304.)

Еще надо отметить, что созданная при Петре новая система управления стала шагом вперед в государственном строительстве: она заменила отличавшийся архаизмом приказной строй, явилась одним из важнейших элементов европеизации России и, наконец, в условиях феодального правопорядка положила начало законности. Общее мнение в других странах в Петровском веке было, что без бюрократии не могло существовать ни одно государство Нового времени, какую бы форму правления оно не имело. Сказались такие черты бюрократии, как консерватизм, косность, неспособность генерировать новые идеи. (Павленко 1994, 474.)

Создание армии и флота отняло все силы у Петра, что администрация осталась на плечах чиновников, которые вели дела очень по старому. Хотя Петр пытался преобразовать механизм с помощью иностранцев, все же быстро заметили, что один человек не может делать это все. Только один старинный служебный аппарат не могут винить, сам составитель сделал ошибки. Большие приказания от Петра для административных преобразований и прояснение дел чиновникам может быть помогли бы.

Возникает вопрос: что Петр считал важнейшим в своей стране – армию и флот или администрацию?

4.3.2 Налогообложение, торговля и промышленность

Интерес Петра к преобразованию налогообложения, торговли и промышленности относился совсем к другой категории, чем к преобразованию административных дел. Теперь же мы говорим о получении денег в казну, из которых большинство могут расходовать для улучшения и развития, ему так дорогих, армии и флота. Чтобы получить деньги, надо собирать очень много налогов и таможенных сборов. Это не было проблемой: были удивительные дела, откуда взять налоги. Это конечно обременяло народ, у которого взяли небольшое имущество, что еще было. А. Толстой пишет в своей книге о жалком существовании народа:

" Хуже не станет, думать надо, станет хуже для Софьи и Василия Васильевича: за зиму бояре окончательно пересорятся, начнут перелетать в Преображенское: жалованья стрельцам выдано не будет, – казна пуста. Народ голодает, посады, ремесленники разорены, купечество стонет." (Толстой 1985, 109.)

Но если есть что-то плохое, есть и хорошее. Преобразования Петра в торговле и промышленности были крупные. Уже то, что он основал город Санкт-Петербург, чтобы создать с России самую большую торговую страну в Европе (конечно, были и другие причины) – очень хорошее проявление его тщеславия, честолюбия, а также и желание улучшить условия своего народа. Первым ознакомимся с жалким существованием, от которого народ очень мучается: с налогом.

Законодательство встало на путь изъятия посадского населения из-под контроля воевод в 1679-1681 гг., когда финансовая реформа заменила многочисленные мелкие прямые налоги двумя податями – стрелецкой и ямской, причем стрелецкую подать, самую обременительную, взыскивали с посадских людей и черносозных крестьян Севера. На плечи посадского населения, кроме того, был положен сбор важнейших косвенных налогов, составлявших до 45% доходов казны: таможенных и кабацких денег. В итоге реформы 1679-1681 гг. посадское население стало основным сборщиком прямых и косвенных налогов, а воевод отстранили от вмешательства в эти сборы. Выборные от посадов, осуществлявшие эти сборы, общались

с двумя приказами: Стрелецким, где решалось все, что было связано со сбором стрелецких денег, и приказом Большой казны, ведавшим сбором косвенных налогов. Таким образом, проведением финансовой реформы 1679-1681 гг. правительство частично реализовало обещание оградить посадское население от воеводского своеволия. Однако за воеводами сохранялась судебная власть над этим населением. Городская реформа 1699 г. завершила процесс изъятия посада из-под власти воевод, лишив их и судебной власти. (Павленко 1994, 104-105.)

При воцарении Петра, сельское население состояло, кроме земельных собственников, из двух главных разрядов крестьян, положение которых представляло с точки зрения политической, юридической и экономической, глубокое различие, из – крестьян и холопов. Класс свободных людей, обрабатывавших землю и не принадлежавших к этим разрядам, начинал исчезать. У крестьян было два хозяина: государство и их собственники. Они уплачивали оброк и отбывали барщину в той и другой стороне, были закрепощены навеки и могли быть проданы вместе или отдельно от земли, ими возделываемой. Холопы ничем не были обязаны государству, и были связаны с собственниками земли ими обрабатываемой узами личными – кабалой – простиравшейся на их личности и прекращавшейся со смертью владельца. Законодательство неизменно клонилось к смешению обеих категорий крестьян, затягивая, все туже вокруг их шеи пути рабства.

Поземельный налог в то время заменила подушная подать, и для государя было необходимо найти как можно больше платежных голов или *душ*. Как этого достигнуть? Земельные собственники, призванные играть роль представителей фиска, ответственных сборщиков нового налога, могли отвечать только *за души*, им принадлежавшие, находившиеся в полном их распоряжении. Конечно, они старались уменьшить их количество на переписных листах. Государство, напротив, стремилось заполнить эти листы. (Валишевский 1990, 253-254.)

В 1708 г. набирали десятки тысячи крестьян и тысячи ремесленников построить город Санкт-Петербург. Так они платили налоги в казну. Об этом налогообложении заботились воеводы провинции.

(Lindeqvist 1896, 99.(перевод К.Я.))

Ничто так не угнетало крестьян, как появление многочисленных новых налогов. Им не было числа. Введение их носило беспорядочный характер, назначались они по мере надобности в деньгах на покрытие возникавших одна за другой прорех в бюджете. Налоги имели целевое назначение: одни из них взимались на приобретение лошадей для драгунских полков, другие – на покупку амуниции, третьи – на сооружение кораблей, четвертые, пятые – на обеспечение полков хомутами, уздечками и т.д.

Нет нужды распространяться о том, что налогоплательщики, уклоняясь от тягот повинностей, оставляли насиженные места и уходили либо от одного помещика к другому, либо на окраины государства, особенно в Сибирь, где они оказывались недоступными для воевод и прочих представителей администрации. Проблема борьбы с бегством стала остро волновать дворянство с середины XVII в. Правительство пошло навстречу пожеланиям дворянства: оно наводнило провинции, где скапливались беглые, командами сыщиков, возвращавших беглых владельцам поместий и вотчин, из которых они бежали. В 1698 г. правительство увеличило штраф за задержание беглого – от 10 рублей до 20 рублей. (Павленко 1994, 486; Lindeqvist 1896, 136.(перевод К.Я.))

О условии беглых А. Толстой пишет так:

” Люди легкие, бежавшие от нужды и неволи в леса промышлять воровством, подавались понемногу туда, где теплее и сытнее, – на Волгу или Дон. Но и там еще пахло русским духом, залетали царские указы и воинствовали православные попы, и многие вооруженными шайками уходили еще далее – в Дагестан, в Кабарду, за Терек, или просились под турецкого султана к татарам в Крым. На привольном юге не в сумеречного домового – верили больше в кривую саблю и в доброго коня.

Не мила, не уютна была русская земля – хуже всякой горькой неволи, – за тысячу лет исхоженная лаптями, с досадой ковыряемая сохой, покрытая пеплом разоренных деревень, непомянутыми могилами. Бездолье, личь.”

(Толстой 1985, 153.)

Но крестьяне не были одни, которые платили налоги. Только для них это было очень строго; они были самые несчастные и от них взяли большинство из налогов казни. Но денег надо было собирать больше и так надо было придумывать новые источники дохода.

Для того Петр поставил мужчин на должность. Они проявили заботу о налогообложении. У А. Толстого было описание одного способа крестьян уплатить свои налоги. Он пишет так:

” Ивашка Бровкин «Алешкин отец» привез по санному пути в Преображенское воз мороженой птицы, муки, гороху и бочку капусты. Это был столовый оброк Василию Волкову, – домоправитель собрал его с деревеньки и, чтобы добро не гнило, приказал везти господину на место службы, где у Волкова, как у стольника, во дворце имелась своя каморка с чуланом.” (Толстой 1985, 81.)

Уже ранее упомянули, что прибывающий за границей, Петр хотел, чтобы Россия была одной цивилизованной страной в мире. Чтобы это случилось, он начал собирать налог с того, что он хотел изменить. Это были: налоги с бороды и со старой одежды.

После прибытия в Россию из заграницы Петр напал на самых высоких чиновников, чтобы они сбрили бороду. Для того сделали даже указ. Некоторые слушались Петра, но борода была очень “дорогая” для тех, кто ее носил, дело в том, что церковь считала, что мужчина без бороды – грешный.

А. Толстой пишет так:

” В длинных шубах, бороною вперед, выкатывая глаза, люди, бояры, подходили к царю, кланялись по иному, – в ноги или в пояс, и тут только замечали у ног Петра двух богопротивных карлов, Томоса и Секу, с овечьими ножницами.

Приняв поклон, Петр их поднимал и целовал, других похлопывал по плечу и каждому говорил весело: –Ишь – бороду отрастил! Государь мой, в Европе над бородами смеются... Уж одолжи мне ее на радостях... Боярин, князь, воевода, старый и молодой, опешив, стояли, разведя рукава... Томос и Сека тянулись на цыпочках и овечьими ножницами отхватывали расчесанные, коленные бороды. Падала к царским ножам древняя красота. Окромсанный боярин молча закрывал лицо рукой, трясся, но царь сам подносил ему не малый стакан тройной перцовый:

– Выпей наше здоровье на многие лета... И Самсону волосы резали... (Оглядывался блестящим взором на придворных, поднимал палец.) Откуда брадобритие пошло? Женской породе оно любезно, – сие из Парижа. Ха, ха! (Два раза – деревянным смехом.) А бороду жаль, – в гроб вели положить, на том свете пристанет...

Будь он суров или гневен, кричи, таскай за те самые бороды, грози чем угодно, – не был бы столь страшен... Непонятный, весь чужой, подмененный, – улыбался так, что сердца захватывало холодом....

В конце стола суетился полячок – цирюльник, намыливая остриженные бороды, брил... Зеркало подставлял, проклятый, чтоб изувеченный боярин взглянул на босое; с криком режачьим ртом, срамное лицо свое... Тут же, за столом, плакали пьяные из обритных... Только по платью и узнавали – генералиссимуса Шеина, боярина Троекурова,

князей Долгоруких, Белосельских, Мстиславских... Царь двумя перстами брал обритых за щеку:
 - Теперь хоть и к цесарскому двору - не стыдно..."
 (Толстой 1985, 227.)

В 1701 г. определили налог с бороды и в 1705 г. сделали новое распоряжение о том, что мужчины, прибывающие в город, должны всегда платить налог за свои бороды. Платеж, например, для состоятельного купца был 1.000 рублей.

Так тоже случилось для тех, кто носил старинные, восточные, длинные плащи. В 1700 г. объявили указ, что все чиновники должны одеваться в заграничные, особенно венгерские одежды.

(Lindeqvist 1896, 45-46;131 (перевод К.Я.)).

О одеждах и с них собранных налогах за воротами города пишет А. Толстой так:

" У ворот Китая и Белого города прибили второй царский указ: "Боярам, царедворцам, служилым людям приказным и торговым ходить отныне и безотменно в венгерском платье, весной же, когда станет от морозов легче, носить саксонские кафтаны".

На крюках вывесили три кафтаны и шляпы. Солдаты, окривевшие их, говорили, что скоро-де прикажут всем купчикам, стрельчикам, посадским женкам, попадьям и дяконницам ходить простоволосыми, в немецких коротких юбках и под платьем накладывать на бока китовые ребра... У ворот стояли толпы в смущении, в смутном страхе." (Толстой 1985, 326.)

Как быстро собирали деньги, так быстро они также пропадали, ничего не осталось. Надо было придумать больше налогов. Так и сделали: маркировали все мельницы и мосты, и с них собирали налог. Если хотели попасть в порт или на рынок города, то надо было платить пошлину. Уже при Алексее Михайловиче, а может быть и раньше, право ввоза оплачивалось на русской таможне венгерскими червонцами или голландскими талерами. Петр сохранил, усилив ее, эту систему, удержавшуюся до наших дней. В начале 1700-годов ситуация была такая плохая, что почти со всех дел платили налог: с бань, пчелиных гнезд, ремесленники со своих инструментов, с дымовых труб, подвалов, дубовых гробов и т.д. Петр также хотел извлечь пользу за счет почты, и увеличивал оплату писем и других отправлений в небо. Но это не приносило дохода, потому что народ прекратил пользоваться почтой.

(Lindeqvist 1896, 132.(перевод К.Я.))

Также иностранцы приносили деньги в казну, именно после основания города Ст.-Петербурга. Река была отличным способом получения денег, потому что товар надо было возить не только в район Ст.-Петербурга, но и другим городам. Но вначале будем знакомиться с основанием города Ст. Петербурга и как он содействовал торговле.

Петр начинал строить новую столицу в устье реки Невы, после того, как он в 1703 г. отвоевал эти края у шведов. А. Толстой хорошо пишет об этом:

” Туда, на овладение Невой, и обратились усилия с осени семьсот второго года. Апраксин – сын адмирала – все лето разорял Ингрию, дошел до Ижоры и на берегу быстрой речки, вьющейся по приморской унылой равнине, разбил шведского генерала Кронгиорта, отбросил его на Дудергофские холмы, откуда тот в конфузии отступил за Неву в крепость Ниеншанц, что на Охте.

.... В конце сентября, в непогожие дни, три войска, соединясь на берегах Назни, двинулись к Нотебургу. Древняя крепость стояла на острове посреди Невы, у самого выхода ее из Ладоги. Судам можно было попадать в реку по обоим рукавам мимо крепости не иначе, как саженьях в десяти от бастионов, под жерлами пушек.

Войска вышли на мыс перед Нотебургом. Сквозь низко летящие дождевые облака виднелись каменные башни с флюгерками на конусных кровлях. Стены были так высоки и крепки – русские солдаты, рывшие на мысу апроши и редуты для батарей, только вздыхали. Недаром при новгородцах, построивших эту крепость, называлась она Орешек – легко не раскусишь. Шведы, казалось, долго раздумывали. На стенах не было видно ни души. Хмурыми облаками заволакивались свинцовые кровли. Но вот на круглой башне замка на мачту поползло королевское знамя со львом, – захлестало по ветру. Медным ревом ударила тяжелая пушка, ядро шипя упало в грязь на мысу перед апрошами. Шведы приняли бой.

..... – Петр Алексеевич, а вед никак белый флаг выкинули, – сказал Борис Петрович. – Уж пора бы, – тринадцать часов бьемся... ..

... Вбивали первую сваю для набережного крепления маленького острова Янни-саари, – по-фински – Заячий остров. Три недели тому назад русские войска взяли на аккорд, – верстах в двух выше по Неве, – земляную крепость Ниеншанц. Шведы, оставив невские берега, ушли на Сестру-реку. Шведский флот из боязни мелей темнел парусами на солнечной зыбью вдали залива. Два небольших корабля отважились войти в устье Невы – до острова Хиври-саари, где в лесной засеке скрывалась батарея капитана Васильева, – но их облепили галеры и взяли на абордаж. Кровавыми усилиями проход из Ладоги в открытое море был открыт. С востока потянулись бесчисленные обозы, толпы рабочих и колодников. (Петр писал Ромодановскому: ”...в людях зело нужда есть, вели по всем городам, приказам и ратушам собрать воров, – слать их сюда”). Тысячи рабочих людей, пришедших за тысячи верст, перевозились на плотках и челнах на правый берег Невы, на остров Койбусаари, где на берегу стояли шалаши и землянки, дымили костры, стучали топоры, визжали пилы.

Сюда, на край земли, шли и шли рабочие люди без возврата. Перед Койбусаари - на Неве - на болотистом острове Яннисаари, в обережение дорого добытого устья всех торговых дорог русской земли, - начали строить крепость в шесть бастионов. ("... Строить их шести начальникам: первый бастион строит бомбардир Петр Алексеев, второй - Меньшиков, третий - князь Трубецкой, четвертый - князь-папа Зотов...")

После закладки, - на большом шумстве в землянке у Петра, при заздравных стаканах и пушечной пальбе, крепость придумано было назвать Питербурх."

(Толстой 1985, 407;410;413;421;422)

История добавляет, что впоследствии на работе трудились шведские пленники и умирали тут тысячами. До Полтавской битвы Петр не думал еще превращать его в свою новую столицу. Он удовлетворялся постройкой крепости и устройством гавани. Он еще не чувствовал себя вполне хозяином местностей, прилегающих к этому завоеванному уголку, не имел достаточной уверенности в том, что сможет удержать за собой эти владения, и по тому не решался сосредоточить здесь свое правительство и перенести сюда свою резиденцию. На этой мысли он остановился окончательно только после великой победы. Его решение в особенности со стороны иностранных критиков подверглось ожесточенным нападкам; его судили строго и осудили безповоротно. (Lindeqvist 1896, 107 (перевод К.Я.); Валишевский 1990, 176-177.)

Значит именно великая победа уменьшила стратегическое значение Петербурга и свела почти к нулю его значение как гавани; превращение его в столицу всегда было безумием. Сделавшись неоспоримым властелином всего Балтийского побережья, Петр мог не опасаться более нападения шведов со стороны Финского залива; они прежде постарались бы овладеть Ригой или Нарвой. И затем они направятся на Петербург, это будет лишь следствием приобретения этим городом политического значения, приданного ему совершенно напрасно. Против такого значения на лицо все данные, потому что, представляя собой превосходный пункт для нападения, город не обладает средствами обороны; здесь невозможно сосредоточить войска, потому что на сорок верст в окружности местность представляет из себя бесплодную пустыню. В 1788 г. Екатерина II жаловалась, что чувствует себя слишком близко от шведской границы и слишком беззащитной от неожиданного нападения, чуть было не удавшагося Густаву III. Так дело обстояло с военной точки зрения.

С точки зрения торговой Петербург владел системой водных сообщений, представляющих известную ценность. Но Рига владела другой, гораздо более значительной. На расстоянии одинаковом от Москвы и Петербурга и значительно меньшем от коммерческих центров Германии, обладая климатом более мягким, гавани Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, Рига, Либав и Ревель, являлись после покорения этих областей естественными пунктами сношения России с Западом. Они красноречиво подтверждают это в наши дни, из года в год увеличивая свою торговлю в ущерб Петербургу, торговля которого искусственным образом развитая и поддерживаемая, клонится к упадку. Впрочем, как гавань, Петербург при жизни своего основателя остался еще в виде предположения или приблизительно так. (Валишевский 1990, 177-178.)

Из этого замысла Петр хотел делать единственным. И порт делает от города очень влиятельным.

Петр стремился превратить Петербург в главный порт России задолго до окончания Северной войны. Вряд ли с точки зрения здравого смысла и экономических расчетов можно оспорить целесообразность этого намерения царя. Петру хотелось достичь желаемых результатов в кратчайшие сроки. С одной стороны, порт ускорил бы развитие столицы, увеличил бы приток туда населения. С другой стороны превращением столицы в главный порт России, царь преследовал внешнеполитические цели. Он понимал, что эта попытка встретит решительное противодействие Швеции, каперские корабли которые бороздили воды Балтики, чтобы препятствовать проникновению в Петербург торговых судов морских держав. В этих условиях, рассчитывая Петр, Англия и Голландия, крайне заинтересованные в русских припасах для флота, встретив противодействие Швеции в налаживании нормальных торговых связей с Россией, неизбежно вступят в конфликт с Карлом XII и в конце концов прекратят ему помогать.

31 октября 1713 г. Петр издал указ, пунктуальное выполнение которого должно было радикально изменить роль новой столицы во внешней торговле России: в Архангельск запрещалось доставлять не только главные товары русского экспорта – пеньку и юфть, но и некоторые другие товары, пользовавшиеся спросом за границей:

икру, клей, поташ, смольчуг, щетину и ремень. Перечисленные товары надлежало доставлять в новую столицу.

Но экспорт не был один. Петр хотел развивать и импорт. В 1714 г. в Санкт Петербург пришло только шестнадцать иностранных кораблей, год спустя уже пятьдесят, сто девятнадцать в 1722 г., сто восемьдесят в 1724 г. Петр положил основание систем водных сообщений, которые его преемники, в том числе и Екатерина II, старались закончить и усовершенствовать, и которая, соединяя бассейны Волги с бассейнами Невы и Двины, т.-е. море Каспийское с морем Балтийским и Белым, заключала на занятом каналами пространстве в триста две версты, семьдесят шесть озер и сто шесть рек. (Павленко 1994, 537-538; Валишевский 1990, 268-269)

О важности торговли А.Толстой пишет так:

” ... Паткуль добрался до трудного места. Царь, свесив руку, постукивал по столу ногтями, на круглом лице его не выразилось ни желания, ни противности. Начинались сумерки, за окном усиливался ветер, скрипя ставнями. Анхен хотела было зажечь свечи. Петр – сквозь зубы: “Не надо”.

– Государь, не было столь удобного времени для вас утвердиться на Балтийском море, обратно взять у шведов исконные вотчины – Ингрию и Карелию. Поразив шведов и утвердись при море, достигнуть всемирной славы, завести торговлю с Голландией, Англией, Испанией и Португалией, со всеми северными, западными и южными странами и сделать то, чего ни один монарх Европы не в состоянии был сделать, – открыть через Московию торговый путь между Востоком и Западом. Войти в связь со всеми монархами христианскими, иметь слово в делах Европы... Заведя грозный флот на Балтике, стать третьей морской державой... И всем этим скорее, нежели покорением турок и татар, прославиться в свете. Сейчас или никогда... Паткуль поднял руку, будто призывая бога в свидетели. Кенигсек шопотом повторил: “Сейчас или никогда”. Генерал Карлович значительно засопел...” (Толстой 1985, 293.)

Петербург – окно в Европу. Сюда из отдаленных районов страны доставлялись товары для продажи за границу. Отсюда растекались по разным направлениям товары, привезенные из западноевропейских стран. Жизнь порта отражала экономическую жизнь России и новые явления в ней.

Внутренняя и внешняя торговля тесно связана с состоянием путей сообщения. Эту мысль хорошо усвоил Петр и немало сделал для улучшения путей сообщения прежде всего водных. Здесь первостепенное значение он придавал прорытию каналов. Обращают на себя внимание поразительная быстрота принимаемых царем реше-

ний о сооружении каналов и столь же быстрое начало работ: Азов был завоеван в 1696 г., а уже в следующем году приступили к сооружению Волго-Донского канала; устьем Невы овладели в 1703 г. и в том же году началось сооружение Вышневолоцкого канала. Во время пребывания в Англии Петр нанял на русскую службу инженера Джона Перри, который должен начинать работы Волго-Донского канала. Велись они недостаточно интенсивно – вместо требуемых Перри 30000 работников удалось наскрести только половину. В связи с Нарвским поражением и финансовыми затруднениями работы в 1701 г. пришлось прекратить. Но главная причина того, что результаты трехлетнего труда были заброшены, состояла в том, что Петру пришла в голову мысль соединить Волгу с Доном в другом месте – у истоков Дона. Для улучшения движения он хотел также соединить Волгу с Невой. В 1718 г. началось сооружение обводного Ладожского канала. Его необходимость была вызвана гибелью огромного количества барок, следовавших в столицу через Ладожское озеро, где они разбивались о каменистое дно. (Павленко 1994, 539-540; Lindeqvist 1896, 120-121.(перевод К.Я.))

История торговли при Петре, почти целиком история отечественной торговли. При восшествии на престол Петр имел сильное желание отказаться от царских прав, превращавших его в самого крупного и даже единственного крупного купца государства. Но ему пришлось покориться закону войны: он остался купцом, чтобы зарабатывать деньги, и, ничего не делая наполовину, он увеличил количество своих дел, монополизировав более чем прежде, поглотив окончательно, всецело весь рынок внутренний и внешний. Создавая новые отрасли торговли, он лишь увеличивал список монополий.

Петр преобразовал торговлю внутренней части страны с помощью монополии. Под этим подразумевалось, что, например, изготовление и продажа спиртных напитков, как и соль были частным правом государства. В продаже нескольких других товаров передали каким-то людям привилегии, но им надо было платить какую-то плату от этого в казну. Так, например, продажа ворвани, рыбного жира, смолы и живицы отдавали в аренду разным обществам. Монополия дала хороший доход в казну, потому что всегда,

когда государству требуются деньги, поднимали цены на соль или спиртные напитки. Народ много мучился из-за того, что в 1717 г. торговля хлебом была объявлена свободной, а в 1719 г. были уничтожены все монополии.

(Валишевский 1990, 266; Lindeqvist 1896, 121.(перевод К.Я.))

Заграничная торговля была раньше в руках иностранцев, особенно голландцев и англичан. Петр хотел поручить это русским купцам. Он дал указы, по которым приказал русским создать торговые общества как и в западных странах. Царь сам был примером, когда он принялся за торговлю с иностранцами.

И также Торговая коллегия, существовавшая с 1715 г., стала проявлять плодотворную деятельность, занимаясь между прочим коммерческим образованием торгового класса, посылая десятками за границу, в Голландию и в Италию, молодых людей, избранных среди сыновей крупных московских купцов, число которых быстро увеличивалось. Дипломатия государя работала в свою очередь над расширением международных сношений.

Но торговля с иностранцами не удалась, потому что русские купцы не были достаточно умны и просвещены для конкуренции с ними.

(Lindeqvist 1896, 119-120 (перевод К.Я.); Валишевский 1990, 266-267.)

Об этой ситуации рассказывает хорошо также А. Толстой:

” Торговлишка плохая. Своему много не продашь, свой – гол. За границу не повезешь, – не на чем. Моря чужие. Все торги с заграницей прибрали к рукам иноземцы. А послушаешь, как торгуют на иных землях, – голову бы разбил с досады. Что за Россия, заклятая страна, – когда же ты с места сдвинешься?” (Толстой 1985, 39.)

Заслуга Петра в создании русской промышленности была больше чем в области торговли.

При воцарении Петра русской промышленности, собственно говоря, не существовало и в России был только один крупный негодант: царь. Во времена когда Петр и Иоанн вместе царствовали, крупное вознаграждение было обещано капитану французского корабля за ввоз в страну белой бумаги, вина и еще некоторых других товаров, которые трудно было получить иным способом.

В области промышленности он сам был очень знающий и мог работать учителем. При Петре I возникло большое количество мануфактур и горных предприятий, было положено начало освоению новых железорудных месторождений (Урал, Олонецкий край, Липеци), добыче цветных металлов). Петр заметил и другие богатства. Он понимал большой эффект, который будет в России в будущем от припрятанных каменно-угольных слоев в земле. О сбережении лесов отдали строгие указы. (Валишевский 1990, 259-260; Lindeqvist 1896, 121/123 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 33.)

В предыдущих главах я уже упомянула, как важно Петру была помощь иностранцев. В области промышленности это надо было больше, чем в других. И что важно: от этого получили большую пользу. Между прочим английских фабрикантов и шведских военнопленных взяли в учителя. Из них даже сделали директоров для самых больших предприятий. У А. Толстого есть мнение о иностранных предприятиях в России:

” – Ну, а все-таки... Скоро ли? (Свешников влез ногтями в проволочную бороду.) В самый бы раз теперь нам заводик поставить. Дорого государю не то, что дешевле гамбургского, а то, что ведь свое будет сукно. Границы могут закрыть, а тут – сукно свое... Дело золотое. Вокруг народу что закрутилось, – тот же Мартисен...”

” Вот они про что пронюхали”, – понял Иван Артемич, усмехаясь в горсть.

На днях этот Мартисен, иноземец, был у Бровкина с переводчиком Шафировым, предлагал поставить суконный завод: часть денег государя, часть – Бровкина, он же, Мартисен, войдет в треть всех доходов, за это обязуется выписать из Англии ткацкие станы, мастеров лучших и вести все дело. Свешников и Шорин, со своей стороны, давно предлагали Бровкину войти интересаном в кумпанию для устройства суконного завода. Но куда шли только разговоры. Вчера, видимо, что-то случилось, вернее всего – Мартисен сам дошел до государя.

– Неужто дело такое великое отлать иноземцам? – горя глазами, сказал Свешников.” (Толстой 1985, 300.)

Последствием этого было, что заинтересовались отраслями промышленности, которых раньше не было в России: седельник, токарь по металлу, делающий шпагы.

Можно сказать, что настоящая промышленность России началась с Петра. Возникали заводы, некоторые субсидируемые, другие эксплотируемые непосредственно государем, другие, наконец, существовавшие собственными средствами. Императрица содержала фабрику тюля и фабрику крахмала в Екатерингофе. Петр, ограни-

чивший сначала свою деятельность производством предметов, относящихся к мореплаванию: парусного полотна, селитры, серы, кожи, оружия, постепенно и отчасти помимо воли, тоже расширил свою сферу.

Но развитие не происходило без рабства, как мы можем читать из книги А. Толстого:

” Иван Артемич за эту широко развернул дела. Через Меньшикова добился права - брать из тюрем Ромодановского колодников под крепкие записки, сажал их, кого на цепи, а кого и так, на свои суконные и полотняные заводы, шумевшие водяными колесами на Язуе. За семьсот рублей выкупил состоявшего за Разбойным приказом знаменитого кузнечных дел мастера Жемова (на тройке привез его из Воронежа), и тот сейчас ставил на новом лесопильном заводе Ивана Артемича, в Сокольниках, невиданную огненную машину, работающую от котла с паром. Рабочих рук не хватало везде. Из приписных деревенек много народа бежало от новой неволи на дикие окраины. Тяжко работать в деревне на барщине, иной лошади легче, чем мужику. Но еще безнадежней казалась неволя на этих заводах, - хуже тюрьмы и для колодника и для вольнонаемного. Кругом - высокий тын, у ворот - сторожа злее собак. В темных клетях, согнувшись за стучащими стенами, и песни не запоешь, - ожжет тростью по плечам иностранец-мастер, пригрозит ямой. В деревне мужик хоть зимой то выпится на печке. Здесь и зиму и лето, день и ночь махай челноком. Жалованье, одежда - давно пропиты, - вперед. Кабала. Но страшнее всего ходили темные слухи про уральские заводы и рудники Акинфия Демидова. Из приписанных к нему уездов люди от одного страха бежали без памяти.” (Толстой 1985, 419)

Изучение торгово-промышленной политики Петра Великого позволяет уточнить представления о ее содержании и последствиях. Считалось, что Петр на всем протяжении своего царствования, особенно в первой четверти XVII в., поощрял развитие торговли и промышленности. В действительности дело складывалось иначе: на первом этапе, продолжавшемся до 1718-1719 гг., единственным средством поощрения развития промышленности была передача купцам казенных мануфактур на льготных условиях.

Успех Петра предприятия был отчасти испорчен досадным совпадением и коренной ошибкой. Совпадением - была война с ее последствиями и неизбежными требованиями. Она превратила Петра, убежденного противника монополий, в создателя новых монополий, разрушавшего одной рукой то, что творила другая. Ошибкой была его уверенность в возможности создать жизнь торговую и промышленную, снабдить это создание органами, соответствующими его нуждам, придать ему плоть и кровь, затем управлять его движениями.

За шесть-семь лет до своей кончины Петр принимает энергичные меры для создания благоприятных условий купцам, вложившим капиталы в мануфактурное производство. К ним относится предоставление крупным промышленникам права беспошлинной торговли изделиями своих предприятий и права покупать крепостных крестьян к мануфактурам. Дворы владельцев мануфактур, кроме того, освобождались от постоев воинских команд и подводной повинности. В 1717-1719 гг. правительство отказалось от монопольных прав на продажу за границу ряда ходовых товаров. "Общая польза" для посадского населения выражалась в его способности пополнять бюджет государства доходами от торгов и промыслов. Чем большим был вклад отдельных категорий горожан в казну, тем большими льготами и привилегиями они пользовались, тем теснее они были связаны с абсолютным режимом. (Lindeqvist 1896, 122. (перевод К.Я.); Валишевский 1990, 260-263; Павленко 1994, 491.)

Можем заметить, что Петр серьезно пробовал сделать все, чтобы Россию возвести в европейскую элиту, когда речь идет о торговле и экспортных товарах. Народ, именно крестьяне, иногда претерпевали очень много, чтобы следовать за преобразовательными мерами Петра. Но надо отметить, что если было что-то плохое, было также хорошее. Именно с деятельности Петра началось важное создание промышленности, что мы можем видеть и сегодня.

Последствием разрушения Москвы Петр построил новую столицу, Санкт-Петербург. Первым он завоевал болотистые местности у шведов, и камень на камне, потихоньку в устье реки-Нева вырастил новую величественную столицу. Это была одна из грез Петра, и духовно и финансово. Иностранцы принесли денег в казну и Россия стала общеизвестной везде в Европе. Выражение "Ст. Петербург - окно в Европу" соответствует действительности!

5. НИКОЛАЙ ВТОРОЙ КАК ПРОДОЛЖАТЕЛЬ РАБОТЫ ПЕТРА ПЕРВОГО

Между Петром Первым и Николаем Вторым примерно 200 лет, так что нам хорошо рассматривать, что случилось между ними.

После смерти Петра Первого на престол вступила его вторая жена, Екатерина I . Екатерина Алексеевна по причине, что Петр изгнал первую жену в монастырь, но после смерти Петра ее переместили в Петрокрепость. Их сын Алексей еще при своей жизни отказался от трона. И сын Петра I и Екатерины умер, еще когда был молодой.

По закону престолонаследия следующим императором должен быть внук Петра I, десятилетний Петр Алексеевич. Но у Екатерины были высокопоставленные союзники – например ее бывший любовник и "правая рука" Петра – князь Меншиков. Говорят, что Екатерина была только номинальной императрицей, настоящий император был князь Меншиков, который нагло использовал свое положение увеличить свое богатство.

(Torgnius 1939, 166-169. (перевод К.Я.))

За годы правления Екатериной I согласно предначертаниям Петра I Великого было сделано например следующее: открыта Академия наук, издано подробное объяснение закона о наследстве недвижимого имущества, запрещено постригать в монахи без синодского указа. За несколько дней до смерти Екатерина I подписала завещание о передаче престола внуку Петра I – Петру II. (Гребельский 1992, 44.). Екатерина царствовала 2 года.

Как уже упомянули за Екатериной Первой следовал внук Петра Первого, Петр II. Ему было только 13 лет, когда он вступил на престол, в 1728 г. Он сам себя короновал императором. Все же он был под опекой Верховного тайного Совета. Руководитель этого совета был князь А. Д. Меншиков. Мы помним Меншикова другом и опорой Петра Первого. Меншиков переселил молодого императора к себе во дворец и поменял учителей. Во главе их стал барон А. И. Остерман. Однако влияние Меншикова было непродолжительным. Подчинение, в которое Меншиков поставил императора по отношению к себе, раздражало самолюбивого и упрямого мальчика. Он не хотел учиться, страстно любил охоту. (Гребельский 1992, 47; Tornius 1939, 174/180. (перевод К.Я.))

Все равно Петр II не забыл судьбу своего отца. И вероятно он хотел отомстить за это Меншикову. Так с помощью Долгоруких Петр II приказал арестовать Меншикова, и взял также его богатство. Этот на своем веке действительный жил последние дни в жалкой лачуге. Он умер в 1729 г. (Tornius 1939, 176. (перевод К.Я.))

Говорить о самостоятельной деятельности Петра II, умершего на 16-м году жизни, нельзя; он постоянно находился под тем или иным влиянием, являясь орудием в руках какой-либо из многочисленных дворцовых партий того времени. После ссылки в сентябре 1727 г. Меншикова, Петр II под воздействием старой боярской аристократии во главе с Долгоруковым объявил себя противником преобразований Петра Первого. Уничтожались созданные его дедом учреждения.

Со смертью Петра II пресекся род Романовых по мужской линии. (Гребельский 1992, 48.)

После смерти Петра Второго была опять ситуация, что не знали кто будет следующим императором. Все же решили, что двоюродная сестра Петра Второго, дочь брата Петра I, царя Иоанна Алексеевича, Анна Иоанновна – следующая императрица. Когда она вступила на престол, она была 37-летняя вдова. Ее муж был герцог Курляндский и Самогипский Фридрих Вильгельм. Вильгельм умер скоро после свадьбы.

Первым делом Анна Иоанновна поменяла высокопоставленных чиновников, которые прежде определяли направление. Так и случилось даже с Долгорукими, которые во времена Петра II занимали очень правящее положение в России.

В царствовании Анны Иоанновны три самых влиятельных мужчины были Остерман, Бирон и Миних, которые все были немецкие. Так как Остерман был умнее и талантливее из этих трех, он назначен министром Кабинета и он занимался делами в Коллегии иностранных дел.

Миних занимался делами в армии и он руководил военным ведомством. Самый влиятельный из этих трех был Бирон. У него не было государственной должности, но он руководил государственными делами из дворца императрицы. По этой причине царствование Анны называют "бионовщина". Почти все решения Анна делала с его помощью.

(Torgius 1939, 191-194. (перевод К.Я.))

Анна образовала Кабинет, которому передала его функции. Сенат занял более значительное положение в делах управления государством, с коллегиальным решением вопросов на общих собраниях. Сенат состоял из пяти департаментов – духовных дел, военных, финансовых, судебных и торгово-промышленных. Анна облегчила положение дворянства в отношении обязательной для всех военной службы. Манифестом от 31.12.1736 г. было разрешено одного из дворянских сыновей (по желанию отца) оставить дома для ведения хозяйства с обучением его грамоте, с тем чтобы он был пригоден для гражданской службы. Военная служба была ограничена сроком в 25 лет. Если во внутренней деятельности правительства заметны

значительные отступления от планов Петра I, то во внешних сношениях оно придерживалось его взглядов. Так, на Украине учредили Совет из шести человек (трех русских, трех украинцев), который управлял краем под руководством Сената. В отношениях с Польшей Россия также действовала в целях подчинения ее своему влиянию.

В связи с тем что союзница России Австрия заключила с Турцией сепаратный мир, Россия также была вынуждена пойти на переговоры и подписать с Турцией Белградский мир, по которому Азов оставался за Россией, но без укреплений, Таганрогский порт не разрешалось восстанавливать, Россия не имела права держать корабли на Черном море, а для ведения торговых операций необходимо было пользоваться турецкими кораблями.

Необычайная роскошь двора, расходы на армию и флот, подарки родственникам императрицы, и т.д. требовали наложения на крестьян все более тяжелых податей и повинностей. Все это, а также голод 1734 г., пожары и разбои разоряли народное хозяйство. Крестьяне бежали из бесхлебных мест, а оставшиеся были вынуждены платить подати за отсутствующих. Для сокращения роста недоимок правительство прибегало к репрессивным мерам.

В 1733 г. учреждена особая комиссия под председательством графа М. Головина для решения вопроса о целесообразности передачи казенных заводов в частные руки и установлено, что выгоднее частное предпринимательство.

Внутреннее положение государства в последние годы правления Анны было тяжелым. Изнурительные походы 1733–1739 гг., жестокое правление и злоупотребления фаворита императрицы Эрнеста Бирона вредно отзывались на народном хозяйстве. Если служебные обязанности дворянства были облегчены, то низший класс эксплуатировался все больше. Участились случаи восстания крестьян.

С 1735 по 1740 г. происходили восстания башкир, поддержанные в 1738 г. киргизами.

(Гребельский 1992, 52-54.)

Анна Иоанновна скончалась 17.10.1740 г., назначив своим преемником малолетнего Иоанна Антоновича, сына своей племянницы Анны Леопольдовны.

Манифестом Анны от 05.10.1740 г. он был объявлен наследником престола. Незадолго до своей смерти Анна подписала манифест, которым до совершеннолетия Иоанна (то есть до исполнения ему 17 лет) регентом при нем назначался ее фаворит герцог Бирон. После смерти Анны Иоанновны ее племянница Анна Леопольдовна произвела дворцовый переворот и провозгласила себя правительницей государства, потому что она считала, что Бирон слишком строго руководил страной. Бирон, арестованный графом Минихом, был отправлен в ссылку.

Через год цесаревна Елизавета Петровна (дочь Петра I) вместе с частью преданных ей офицеров и солдат Преображенского полка арестовала во дворце правительницу с мужем и детьми, в том числе и императора Иоанна VI.

По истории он был отделен от своих других братьев и сестер когда ему было 16 лет. Его заключили в тюрьму в Петрокрепость, где он был только неизвестный пленник. Его убили в 1764 г. в возрасте 24 лет. Он был императором не больше одного года.

(Гребельский 1992, 57; Tornius 1939, 205-216 (перевод К.Я.); Skott 1989, 19-21. (перевод К.Я.))

Следующий император значит не был сюрпризом. Свергнув Иоанна VI с престола Елизавета Петровна вступила императрицей с 25 ноября 1741 г.

Она была дочь Петра Первого и Екатерины Первой. Короновалась она 25 апреля 1742 г.

Заведующим государственных дел у Елизаветы был родом из Шотландии граф А. П. Бестужев-Рюмин. Во внешней политике Бестужев сумел поставить Россию в такое положение, что все державы искали с ней союза. Фридрих II говорил, что Бестужев брал взятки с иностранных дворов, это предположение имело под собой почву, так как деньги брали все советники императрицы – кто со Швеции, кто с Дании, кто с Франции, кто с Англии, кто с Австрии или

Пруссии. Все это знали, но молчали до тех пор, пока над кем-нибудь из них не разражалась гроза. Когда Елизавета вступила на престол, можно было ожидать мира со Швецией, но шведское правительство потребовало возвращения завоеваний Петра I, что повело к возобновлению войны. Шведы потерпели поражение и по миру в Або, в 1743 г., должны были сделать России новые территориальные уступки (часть Финляндии по реке Кюмене). (Tornius 1939, 228 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 63.)

В царствование Елизаветы Петровны Россия приняла участие в Семилетней войне (1756-1763), вызванной столкновением агрессивной Пруссии с интересами Австрии, Франции и России.

Во внутренней политике правительством Елизаветы принимались меры по подавлению недовольства крестьян и ужесточению режима управления в целях его большей централизации: так, Запорожье все более стеснялось новообразованными губерниями – Оренбургской и др.

Хотя Елизавета очень любила и уважала своего отца, она не помнила зло, которое народу надо было выдерживать во времена Петра I. Елизавета любила народ и народ любил ее. Утверждают, что ни одним императором из фамилии Романовых – перед и после нее – не принимал во внимание заботы, мечты, увлечения своих незначительных подданных как Елизавета.

Еще указание о ее любви к народу, что за время ее царствования не был казнен ни один человек.

(Гребельский 1992, 63-64; Tornius 1939, 220/228. (перевод К.Я.))

Через несколько недель по вступлении на престол Елизавета издала именной указ о том, что она усмотрела нарушение порядка государственного управления, установленного ее родителем. При ней Сенат получил значение, которого ранее не имел. Число сенаторов было увеличено. В 1754 г. по предложению графа П. И. Шувалова отменены внутренняя таможня и заставы. Этот акт довершил объединение Восточной России, уничтожив следы удельного деления. Он также способствовал учреждению Коммерческого и дворянского

банков и ряда мероприятий по упорядочению рекрутских наборов. (Гребельский 1992, 63-64.)

Чтобы упрочить престол за собой и потомством своего отца, Елизавета, сразу после вступления на престол, поспешила вызвать в Петербург своего племянника Карла-Петра-Ульриха, сына Анны Петровны. 7 ноября 1742 г. он был провозглашен наследником престола. Перед тем он принял православие с именем Петра Федоровича, и было приказано к его имени добавлять: внук Петра Великого. (Гребельский 1992, 62.)

Петр III Федорович был императором с 25 декабря 1761 г. по 28 июня 1762 г.

Петр III от брака с Софией-Фредерикой-Августой (Екатериной Алексеевной) имел двоих детей: сына, впоследствии императора Павла I и дочь, умершую во младенчестве. (Гребельский 1992, 67.)

Как и Петра I и Петра III интересовало военное дело, но было не столько предметом изучения, сколько забавы. Если его дед, занимаясь со своими "потешными войсками", учился воевать, то Петра Федоровича увлекала только внешняя сторона военной службы: красота мундира, выправка солдат, построения, разводы караулов и т.д. Для него были привезены в Россию несколько полков солдат из Голштинии, которые и были в роли его "потешных войск". (Tornius 1939, 231 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 68.)

Петр III начал свою деятельность с амнистии и возвращения из ссылки Миниха, Бирона и других бывших государственных деятелей, а также опубликования указов, которые при других условиях могли доставить ему расположение правящего класса. Таков Указ от 18 февраля 1762 г. о вольности дворянской, упразднявший обязательную службу дворян, введенную Петром I. Другим указом была уничтожена страшная Тайная канцелярия, ведавшая политическими преступлениями.

Но случилось обратное. Оставаясь в душе лютеранином Петр III с пренебрежением относился к православному духовенству, закрывал

домашние церкви, обращался с оскорбительными указами к Синоду. Кроме того, он стал переделывать на прусский лад русскую армию. Этими действиями он возбудил против себя духовенство, армию и гвардию, а последняя по своему составу была почти исключительно дворянской. (Гребельский 1992, 68.)

После вступления на престол Петр III отказался от участия в Семилетней войне, а также от всех русских завоеваний в Пруссии и тем спас короля. Фридрих II произвел Петра Федоровича в генералы своей армии. То, что император принял этот чин, вызвало всеобщее негодование дворянства и армии. Петр III прислал в Сенат новый свод законов, известных под именем Кодекса Фридриха, которые Фридрих II создал для Пруссии, и дал приказ руководствоваться ими на всей территории России. Кроме того, Петр III решил воспользоваться своей властью над армией и направить ее в Голштинию для сведения старых счетов своих предков с Данией. Все это способствовало созданию оппозиции в гвардии, которую возглавляла Екатерина. Она произвела дворцовый переворот в Петербурге, воспользовавшись тем, что в это время Петр III находился в Ораниенбауме.

В ночь на 27 июня 1762 г. большое войско прогромыхало по улицам по направлению к Казанскому собору, где архиепископ из Новгорода, также заговорщик, объявил Екатерину императрицей и самодержицей. Последнее действие происходило в Зимнем дворце, куда собрались Сенат и Синод: оба одобрили методы гвардии и давали присягу на верность.

(Tornius 1939, 247/253-254 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 69.)

Ничего не зная о ночном событии Петр III приехал в Петродворец. Там он получил письмо, где было написано о событиях ночью. Он пробовал найти решение, и он даже попытался бежать, но так как порта уже были в руках Екатерины, он решился возвратиться обратно в Ораниенбаум. Там он получил от Екатерины письмо об отречении от престола, по которому Петр должен под присягой отказаться от престола добровольно. Петр Федорович собственноручно переписал и подписал отречение. После чего 28 июня 1762 г.

он был отвезен в Ропшу, где его содержали под арестом. (Tornius 1939, 254-256 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 69-70.)

6-ого июля 1762 г. трое из заговорщиков Екатерины задушили Петра III.

Следующая императрица значит Екатерина II, которая лишила своего мужа престола с помощью тайного заговора. Короновалась 22 сентября 1762 г.

Екатерина от природы была одарена большим умом, сильным характером – полная противоположность своему мужу, который был человеком слабохарактерным. Склонная к удовольствиям и вместе с тем трудолюбивая, она была проста в домашней жизни и скрытна в делах политических. По приезде в Россию Екатерина отдалась изучению Русского языка, много читала и скоро от художественной литературы перешла к книгам по истории и философии.

(Гребельский 1992, 74.)

Царствование Екатерины II – одно из значительных в русской истории; и положительные и отрицательные стороны его имели большое влияние на последующие события, в том числе и на научное и культурное развитие страны. Во время своего царствования она сделала много хорошего для своей второй родины – в области юридической и административной, в народнохозяйственном значении, для воспитательных заведений и культурно – просветительных учреждений, она пробовала приспособить условия России согласно с условиями в Европе в то время.

Она любила страну и народ, над который императрицей судьба ее призвала. Даже любила так много, что почти совсем рассталась со своим наследственным немецким существом. Но именно это ее приспособление ко всему русскому, было причиной общего расположения, которым она пользовалась.

(Гребельский 1992, 74; Tornius 1939, 270. (перевод К.Я.))

Усилия для расширения государства увеличивали популярность Екатерины на родине и уважение за границей больше чем внутренние преобразования. В свое время она сделала большие территориальные расширения, которые больше несравненно завоеваний Петра Великого.

Основными объектами русской внешней политики были степное Причерноморье с Крымом и Северным Кавказом – области турецкого господства и Речи Посполитой (Польши), включавшие в себя западно-украинские, белорусские и литовские земли. Екатерина II, проявившая большое дипломатическое искусство, провела две войны с Турцией. Но ее успехи во внешней политике все же не были результатом целеустремленной воли, а происходили и м.пр. от генералов Румянцева и Суворова.

(Torgnius 1939, 270-271 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 74.)

Усиление крепостнического гнета и продолжительные войны легли тяжелым бременем на народные массы, и нараставшее крестьянское движение переросло в крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева 1773-1775 гг.

Екатерина понимала трудное положение сельских жителей, но потому что дворянство помогало ей на престоле, она не могла сердить их. В таком случае отмена крепостного права переходила при следующих поколениях.

В 1775 г. было прекращено существование Запорожской сечи. В том же 1775 г. продолжено преобразование провинциального управления. Таким образом, эта реформа, начатая еще Петром I, была выведена Екатериной II из хаотического состояния и завершена к 1796 г. В 1776 г. она повелела в прошениях слово "раб" заменить словом "верноподданный".

(Гребельский 1992, 75; Torgnius 1939, 267-268. (перевод К.Я.))

Со временем возобновились обвинения в узурпации ею престола, законно принадлежащего Павлу Петровичу. Есть основание предположить, что в 1773 г. или 1774 г. готовилась попытка возвести великого князя на престол, но она не удалась.

С тревогой наблюдая за действиями и образом мыслей сына, Екатерина приняла решение устранить его от престола и передать наследование своему старшему внуку Александру. Этот проект встретил в 1794 г. противодействие, а ее скоропостижная смерть открыла Павлу путь к власти. (Гребельский 1992, 76.)

Екатерина II умерла 6 ноября 1796 г.

Как уже упоминали, Екатерина II предполагала новым императором сына Павла Первого, своего внука Александра, но все же она не успела опубликовать это. Так, на престол вступил сын Екатерины II, Павел I. Его короновали 5 апреля 1797 г.

Чем старше Павел становился, тем яснее у него были свойства, в связи с которыми вспоминался Петр III. В характере Павла Порошин подмечал крайнюю нервность и впечатлительность и непомерную вспыльчивость. Воспитание не только не подавило этих особенностей, но еще способствовало развитию в мальчике воображения и мечтательного самолюбия, соединенного с значительной долей подозрительности по отношению к окружающим людям. Эти опасные задатки природы и воспитания с течением времени развились в сложный характер, в создании которого главное значение принадлежало отношению Павла к матери. (Tornius 1939, 284 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 79.)

Капризность императора, которая всегда менялась из одной крайности в другую, привела только к трудностям с министрами, высокопоставленными чиновниками и военными. Может быть неопытность императора оказывала влияние на дела, потому что за время жизни Екатерины II Павел в правительственных сферах был наблюдателем, сознающим за собой право на верховное руководство делами и лишенным возможности воспользоваться этим правом. Екатерина держала его в точности в стороне от всех государственных дел, она не взяла его с собой не на одно важное государственное решения. (Tornius 1939, 285/292 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 79.)

5-ого апреля 1797 г. совершилась коронация Павла. В этот же день был обнародован Указ о престолонаследии, который устанавливал определенный порядок в наследовании престола (от отца к старшему сыну), и, таким образом, отменялся провозглашенный Петром I произвол государя в деле назначения себе преемника. Порядок престолонаследия был составлен согласно немецким образцам и работает даже в эти дни. (Гребельский 1992, 80; Skott 1989, 25. (перевод К.Я.))

Павел хотел быть как его большие предшественники, но только одно дело соединило его с другими: страстный преобразованный жар.

Воцарение Павла было ознаменовано немедленной ломкой порядков Екатерининского царствования. Первым действием императора было высочайшее повеление от 9 ноября 1796 г. – Гатчинцам вступить в Петербург, причем гатчинские полки распределялись по полкам лейб-гвардии. (Tornius 1939, 294 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 80.)

Желая поднять дисциплину в войсках, Павел I своей строгостью достиг противоположного результата. Подчиненные, видя, как часто меняют их начальников и "выкидывают" из службы достойнейших генералов, потеряли уважение к старшим и стали тяготиться службой, не обращая внимания ни на нее, ни на наказания, большинство из которых были несправедливыми. Вводимые строгости порождали какую-то лихость и молодечество – идти наперекор приказаниям начальства. (Гребельский 1992, 80.)

Внутренняя политика Павла I продолжала курс Екатерины II. Напуганный Великой французской революцией и непрекращающимися крестьянскими выступлениями в России, Павел I проводил политику крайней реакции. Была введена строжайшая цензура, закрыты частные типографии, запрещен ввоз иностранных книг, введены чрезвычайные полицейские меры для преследования передовой общественной мысли. Мелкая придирчивость Павла I, неуравновешенность характера вызвали недовольство среди придворных. Оно

усилилось в связи с изменением внешнеполитического курса, нарушавшего сложившиеся торговые связи с Англией. (Гребельский 1992, 80-81; Tornius 1939, 297. (перевод К.Я.))

Характер и умение царствования Павла I привел к тому, что он все время получал больше и больше врагов. Один из значительных был ливский граф Петер Лудвиг вон дер Пален (позже называют граф Петр Алексеевич Пален, петербургский военный губернатор). Острый взгляд Палена заметил, что политика императора ведет к разрушениям со всем миром и приобретает врагов от старых союзников. И Пален слишком много думал об интересах своей страны, чтобы совершить такое развитие, хотя ему надо было прибегнуть к насилию.

Первым Пален раздобрал себе союзника, графа Никиту Панина, который был патриотом и с Паленом совсем разделял точку зрения на тот вопрос, что принуждение императора оставить трон и отдать его цесаревичу было одной дорогой спасти Россию.

Потом Пален достал разрешение братьям Зубовым возвратиться из места ссылки, куда Павел их послал.

У Павла уже давно была навязчивая идея, что его убьют. Он боялся не напрасно. Кто это сделал и как даже сегодня не знают, но предполагают, что большой Николай Зубов стал драться врукопашную с Павлом и один из заговорщиков, князь Яшвил мог бы задушить его. Вот, что знаем точно: в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. император пал жертвой заговора в Михайловском дворце.

(Tornius 1939, 298-299/305 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 81.)

Следующим императором короновали старшего сына Павла I, Александра I. Его приход к власти был тем немного странный, что он вступил на престол после убийства его отца в результате дворцового заговора, о существовании которого он и его жена знали и дали согласие заговорщикам на устранение Павла I с престола.

(Гребельский 1992, 85.)

В юных годах Александр находился в весьма тяжелом положении между отцом и бабушкой. Необходимость находиться одновременно в двух разных обществах приучила великого князя к скрытности, а то несоответствие, которое он встречал между учебой и действи-

тельностью, вселило в него недоверие к людям и разочарование. Кроме того, по своему характеру наследник престола отличался двухличностью, нерешительностью, подозрительностью и болезненным самолюбием; вместе с тем, обладая несомненным умом и хорошим образованием, был незаурядным дипломатом.

(Гребельский 1992, 85; Tornius 1939, 310. (перевод К.Я.))

Хотя Александр был непохожим на отца (он именно хотел быть другим, он м.пр. отменил законы, которые Павел I создавал) найдут все же соответствия. Утверждают м.пр., что преувеличенная мелочная точность Павла в военной формальности могла бы переходить к сыновьям. Но как они могли бы делать по-другому, принимая во внимание события в Гачине и характер Павла. У них не было других примеров. Далее наследство отца было желание проводить реформы.

Основными реформами были: предоставление купцам, мещанам и казенным поселянам права получать незаселенные земли, издание указа о свободных хлебопашцах, учреждение министерств, Государственного Совета, открытие Петербургского, Харьковского и Казанского университетов и др. Целью их являлось сохранение самодержавия и предотвращение революционного взрыва.

Кроме того, немедленно после вступления на престол Александр отменил целый ряд законов, введенных его отцом, и объявил широкую амнистию изгнанникам предшествовавшего царствования, освободил заключенных, возвратил опальным их должности и права. Но то, что осталось: крепостное право. Позиция Александра I в крестьянском вопросе, настойчивость, с которой он пытался в 1815-1820 гг. осуществить свои конституционные планы, позволяют говорить о не каких-либо "минутных" настроениях, а о вполне сложившемся, и довольно твердо проводившемся в жизнь политическом курсе. Что же вынудило императора отказаться от введения конституционного правления в России и освобождения крепостных крестьян? К сожалению, к преобразованиям в стране стремился очень узкий общественный слой. Даже в 1861 г. против освобождения крестьян от крепостной зависимости было большинство помещиков. Единственно, что могло в этих условиях обеспечить проведение реформ – насилие правительства над своей собственной социальной

платформой, на что Александр пойти не решился. Отказавшись от реформ, самодержавие перешло к реакции.

(Torgnïus 1939, 312-313 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 86.)

В области внешней политики Александр I лавировал вначале между Англией и Францией, заключив одновременно мирные договоры с обеими державами. В 1805-1807 гг. он участвовал в 3-й и 4-й коалициях против наполеоновской Франции. Поражение под Аустерлицем (1805), где фактически Александр I был главнокомандующим, и Фридландом (1807), отказ Англии от субсидирования военных расходов коалиции привели к подписанию Тильзитского мира 1807 г. с Францией, который, однако, не предотвратил нового русско-французского столкновения. Успешно завершившиеся войны с Турцией (1806-1812) и Швецией (1808-1809) укрепили международное положение России. В царствование Александра I к России были присоединены Грузия (1801), Финляндия (1809), Бессарабия (1812), Азербайджан (1813). В начале Отечественной войны 1812 г. царь находился в действующей армии, но ввиду неспособности руководить военными действиями покинул ее. В 1813-1814 гг. император возглавил антифранцузскую коалицию европейских держав. 31 марта 1814 г. он вступил в Париж во главе союзных армий. Русский император был одним из организаторов и руководителей Венского конгресса (1814-1815) и реакционного священного союза (1815), неизменным участником всех его конгрессов.

(Гребельский 1992, 86; Torgnïus 1939, 324. (перевод К.Я.))

После Отечественной войны произошло место поворота в духовной жизни Александра Первого. Беда войны и отчаяние, господствующее везде, потрясли его глубоко. Для своего угнетенного состояния он искал помощь в Библии, и нашел. Новая точка зрения укрепляла его доверие к Богу.

В последние дни своей жизни Александр опять испытал духовное изменение. Он огорчался многими неудачами так много, что он больше и больше терял свою веру и доверие ко всем, которые в юности в нем видели красивого и святого. Он все чаще погружался в тяжелые думы и избегал публичности.

Очевидно, реальная угроза цареубийства (вместе с другими соображениями) повлияла на Александра I: он в присутствии многих лиц, за столом, вскоре заговорил о своем будущем отречении от престола. "Я отслужил 25 лет, – говорил он, – и солдату в этот срок дают отставку."

Решение о отречении от короны наверно не было тяжелым ему. Несмотря на всю честь, которую он приносил, корона была в тягость ему. Царствование ему надоело, и он только хотел вести одинокую жизнь; жизнь, которую он посвятил Богу.

После заболевания жены врачи рекомендовали пребывание в умеренном климате. Александр выбрал Таганрог на берегу моря Азова. Долго Александр не успел насладиться "новой жизни". Он умер 19 ноября 1825 г.

Император хотел, чтобы трон перешел к младшему брату Николаю Павловичу, а не к старшему брату и официальному наследнику цесаревичу Константину Павловичу.

Передача трона Николаю, по всей вероятности, связана еще и с тем обстоятельством, что у последнего были наследники (сыновья), а это обеспечивало преемственность власти в царствующем доме Романовых. Кроме того, Константин Павлович развелся со своей супругой и женился на польской графине, происходившей не из царственного рода, что лишало его потомков права на престол Российского государства. Оформление завещания о передаче престола было совершено втайне, и о нем стало известно только после смерти Александра I. (Tornius 1939, 321-322 /325 /327 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 87; Skott 1989, 29. (перевод К.Я.))

Николай I Павлович был императором с 14 декабря 1825 г. Короновался в Москве 22 августа 1826 г. и в Варшаве 12 мая 1829 г.

Великого князя Николая Павловича как третьего сына к престолу не готовили. Образование он получил с военно-инженерным уклоном, в связи с чем в 20-х гг. занимал пост генерал-инспектора армии по инженерной части. Кроме того, он служил в гвардии и его последней должностью была должность командира 1-й гвардейской дивизии. Уже тогда великий князь обнаруживал пристрастие к ме-

ханической правильности фронта, выправке и маршировке, для достижения чего применялись самые суровые наказания.

У Николая I был настоящий военный характер, как и у отца, и именно он, от всех сыновей Павла, страстнее добивался гатчинского военного идеала.

Таким человеком, военно настроенным, совсем неготовым руководить государственными делами, Николай начал царствовать. И он сильно верил, что фундаментом каждого человеческого коллектива является дисциплина и что содержание дисциплины – условие для успехов государства. Николай I требовал подданных слепого послушания в исполнении обязанностей.

(Гребельский 1992, 91; Tornius 1939, 341. (перевод К.Я.))

Когда вступил на престол, Николай I жестоко подавил восстание 14 декабря 1825 г. и первым мероприятием нового императора была расправа с восставшими. Он казнил пять человек, отправил на каторгу и в ссылку 120 человек и подверг наказанием шпицрутенами (палками) солдат и матросов, разослав их потом по отдаленным гарнизонам. (Гребельский 1992, 91; Skott 1989, 32. (перевод К.Я.))

Политические воззрения императора были цельны – самодержавие представлялось ему незыблемым догматом, понятие о праве оставалось для него недоступным, истиной в последней инстанции являлись его собственные представления. Отсюда основным качеством, которое он требовал от окружающих его людей, было послушание. Все это обуславливало утверждение вокруг него системы лжи, угодничества и лицемерия. Царствование Николая I – период наивысшего расцвета абсолютной монархии в ее военно-бюрократической форме. Усиление и централизация бюрократического аппарата достигли при нем невиданных масштабов. Расходы на чиновников и армию поглощали почти все государственные средства. Казарменные порядки господствовали во всех учреждениях, гимназиях, университетах. За малейшее непослушание чиновники отправлялись на гауптвахту, студенты сдавались в солдаты. Кризис феодально-крепостнической системы во второй четверти XIX в. нашел

свое отражение в экономической политике Николая I. (Гребельский 1992, 91; Tornius 1939, 343. (перевод К.Я.))

Стремясь укрепить существующую политическую Систему и не доверяя чиновничьему аппарату, он значительно расширил функции Собственной Его Императорского Величества канцелярии, контролировавшей все основные отрасли управления и подменившей высшие государственные органы. Наибольшее значение имело "Третье отделение" этой канцелярии – управление тайной политической полиции. Отделение было самым высоким контрольным органом, которым всегда руководил генерал. В его обязанность входило, с помощью гиганского аппарата, который расстилался по всему государству, армии и детективных и тайных агентов, и наемных и добровольных шпионов выуживать сведения были ли где-нибудь ненависть и негодование к императору и недовольство правительством. Если заметили что-нибудь, им надо было сразу взяться за дело и привлечь виноватых к ответственности.

В начале царствования Николай I стремился реформировать существующие государственные учреждения. Он изменил законодательство, создав "Комитет 6 декабря 1826 г.". В годы его правления был составлен "Свод законов Российской империи" – кодекс всех существующих к 1835 г. законодательных актов.

(Гребельский 1992, 91; Tornius 1939, 344. (перевод К.Я.))

Наиболее важным вопросом внутренней политики являлся крестьянский. Император понимал необходимость отмены крепостного права, но не мог осуществить этого из-за противодействия дворянства и боязни "общего потрясения". В силу этого он ограничивался такими незначительными мерами, как издание закона об обязанных крестьянах, частичным проведением реформ государственных крестьян.

Владельцы имели возможность освободить своих крестьян от крепостного права, но редко так делали. Крестьяне устали ожидать улучшений своего положения, они поднялись против владельцев, убили некоторых из них, и поджигали дворцы своих хозяев. Везде, во всем государстве, крестьянские восстания загорелись ярким

пламенем, но правительство подавило их. (Гребельский 1992, 91; Tornius 1939, 346. (перевод К.Я.))

В области внешней политики, которой в царствование Николая I бессменно руководил К. В. Нессельроде, основным вопросом являлся Восточный. Суть его заключалась в обеспечении благоприятного для России режима в черноморских проливах, что было крайне важно как для безопасности Южных границ, так и для экономического развития государства. Однако за исключением Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., это решалось императором в захватническом плане, путем разделения Османской (Турецкой) империи. Следствием такой политики и явилась Крымская война 1853-1856 гг.

Важной стороной внешней политики Николая I явился возврат к принципам Священного союза, провозглашенного в 1833 г. после вступления его в союз с императором Австрии и королем Пруссии для борьбы с революцией в Европе.

Осуществляя принципы этого Союза, Николай I разорвал в 1848 г. дипломатические отношения с Францией, предпринял вторжение в Дунайские княжества, жестоко подавил Революцию 1848-1849 гг. в Венгрии. Он проводил политику энергичной территориальной экспансии в Средней Азии и Казахстане. Поражение в Крымской войне привело к краху николаевской системы и к внезапной смерти самого императора.

(Гребельский 1992, 91-92; Tornius 1939, 348-349. (перевод К.Я.))

Николай I умер от гриппа 18 февраля 1855 г., после 29-летнего царствования, но вовсе не большим человеком, которым его считали многие современники, и русские и иностранцы, потому что он царствовал силой железного кулака. Он был как какой-то бойкий мужчина в это время правильно заметил, только "фасад большого мужчины". (Tornius 1939, 351. (перевод К.Я.))

Следующим императором был старший сын Николая I Александр II Николаевич. Он был императором с 18 февраля 1855 г. Его короновали 26 августа 1856 г.

Александр, старший из четырех сыновей Николая, получил такое образование, что будущий император не мог получить тщательнее и лучше. Уже молодым, когда воспитание мальчика привели к концу, отец ознакомил его с государственными делами, дал ему выполнить ответственные дела и так сделал его самым близким сослуживцем. Так, когда Александр вступил на престол, у него были широкие сведения, много опыта и характер, который принял готовую форму. (Tornius 1939, 352. (перевод К.Я.))

Александром II были проведены в 1860-1870 гг. ряд важных реформ: отмена крепостного права, земская, судебная, городская, военная и др. Наиболее значительной из этих реформ была отмена крепостного права. В марте 1856 г. Александр II обратился к московскому дворянству с речью, в которой доказывал необходимость реформы; но ответом было упорное молчание. Только в 1857 г. генерал-губернатору Назимову удалось убедить литовское дворянство подать желаемый адрес императору и в ноябре 1857 г. был опубликован рескрипт, в котором Александр II выражал намерение освободить крестьян. Как только разнеслась весть о воле, восстания почти совершенно прекратились. Крепостные крестьяне получили личную свободу 19 февраля 1861 г. и стали собственниками своей избы и усадьбы, но землю должны были выкупить у своего бывшего помещика. Причем размер выкупа менялся в зависимости от местности. (Гребельский 1992, 95; Tornius 1939, 354. (перевод К.Я.))

В области внешней политики Александр II стоял на германофильской позиции, благоговей перед своим дядей Вильгельмом I, королем прусским. Большое место занимала борьба за отмену условий Парижского мирного договора 1856 г. (после поражения России в Крыму). В 1877 г. Александр II, стремясь к усилению Русского влияния на Балканах, начал войну с Турцией. Помощь болгарам в освобождении от турецкого ига принесла и дополнительные территориальные приобретения России.

При Александре II был окончательно присоединен Кавказ, сначала восточный (1859), а затем и западный (1864). По Айгунскому договору с Китаем к России был присоединен Амурский край (1858), а

по Пекинскому – Уссурийский (1860). В 1867 г. были проданы США Аляска и Алеутские острова.

Сразу после войны в Крыму (1864), император обнародовал манифест, где сообщали о исполнении многих значительных преобразований. В этот раз они не только были на бумаге, их исполнили. Между прочим: создали земство, где совещались о экономических вопросах и куда владельцы, купцы, ремесленники и селения послали своих представителей. Это был многообещающий шаг на пути к самоуправлению. Города получили городские порядки по образцу прусского.

Преобразовали юстицию, когда отменили многие грубые наказания. К образованию относилась общая воинская обязанность, экономика страны достигла равновесия, торговля и транспорт развивались. Народное просвещение развернулось, цепи цензуры, от которых именно университеты и пресса мучились, значительно ослабли. (Tornius 1939, 353-354. (перевод К.Я.))

Все, что Александр сделал в первые годы своего правления отличалось так заметно от методов его предшественника, что поневоле пришли к результату, что отец и сын были по характеру и наклонностям совсем разные.

Молодой Александр показался задумчивым, мужчиной, ориентированным внутрь, который думал, также как его дядя Александр I, что какое-то мистическое назначение относилось к призванию быть императором. Под старость характер Александра стал многогранным. Он был чувствительным к чужому влиянию. Это значило, что он мог скоро расторгнуть свое решение. Он мог вдруг увлечься каким-нибудь делом, но увлечение гасло так быстро как загоралось.

В его груди жили две противоречивые души. Под старость эта двойственность характера стала ясной.

Изменение Александра от свободомыслящего преобразователя в крутого реакционера случилось постепенно, и не от убеждения, а скорее от чувства ушиба, потому что народ не достаточно ценил эти хорошие работы, которые он думал сделать для него.

(Tornius 1939, 355-362 (перевод К.Я.); Skott 1989, 37. (перевод К.Я.))

В 1881 г. Александр II стал объектом шести покушений. Император, для которого суеверие было незнакомо, он однажды слышал от некоторой предсказательницы, что он остался бы в живых от семи покушений – значит теперь осталось одно. Те, которые пробовали убить императора были совсем разные: поляк, нарушенный студент, рабочий, который провозил контрабандой динамит в квартиру, находящуюся под столовой Зимнего дворца.

О личной храбрости императора можно судить по его поведению во время покушений на его жизнь: когда он встретился с А. К. Соловьевым и последний выстрелил в него почти в упор и промахнулся (2 апреля 1879 г.), Александр II сохранил присутствие духа настолько, что побежал к ближайшему подъезду не по прямой линии, а зигзагами, в течение всего времени пока Соловьев продолжал стрелять. Таким образом он остался невредимым. Только одна пуля слегка разорвала шинель. В день его смерти (1 марта 1881 г.) Александр II тоже проявил несомненное мужество: утром он отправился на развод караула. На обратном пути около трех часов на Екатерининском канале под его карету была брошена бомба, убившая и ранившая казаков его конвоя и несколько случайных прохожих. Император не пострадал. Он наклонился над умирающим мальчиком и убитым казаком-конвойцем и направился к неподвижно стоящему у решетки канала человеку, который неожиданно поднял руки вверх и с силой бросил между собой и императором сверток с бомбой, чтобы убить их обоих.

(Skott 1989, 42 (перевод К.Я.); Гребельский 1992, 96.)

Жестокий трагизм судьбы! Именно вот этот царь, который сделал своему народу самое хорошее доброе дело и получил титул "освободитель" умер жертвой бомбы фанатика!

Следующий император был сын Александра II, Александр III. Он был императором со 2 марта 1881 г. Он вступил на престол после убийства народовольцами своего отца Александра II. Его короновали 15 мая 1883 г.

Старший брат Александра III, Николай, умер в 1865 г., и только после его смерти цесаревичем был объявлен Александр Александрович. В связи с тем что он стал наследником в двадцать лет, Александр не получил даже того минимального образования, которое считалось необходимым наследнику престола. (Гребельский 1992, 99; Tornius 1939, 370. (перевод К.Я.))

Александр II был настоящий Романов, как своим размером так и душой. Но не могут называть его прогрессивным. Могут удивляться, что как у такого прогрессивного царя как Александра II был такой реакционный сын?! Причины могут быть многие, но первая из них восстание против отца. Он так и жил по-другому как его отец, он ненавидел всю пышность, и жил нетребовательно, могут даже сказать, что буржуазно. И кроме этого их идеи отличались друг от друга, в чем отчасти виноват может быть домашний учитель Александра III, Константин Победоносцев, который сам был крайним реакционным и националистическим человеком. Девизом Победоносцева было, что Россию нужно заморозить, потому что иначе эта гниль, которая уже была в стране, распространялась бы и испортила бы ее совсем. Он не хотел видеть, что замораживание было только привычкой откладывать проблемы, пока работа с ними сделается невозможной.

Если Александр был бы умнее, он не совсем без оговорок держался бы идей своего учителя. Но сообразительность не была его сильной стороной. Почти совсем он не ценил науки и образования. Но вместо того честолюбие воодушевляло его; он хотел быть примером, достойным следования для своих подданных в набожности, честности, прямотушии и в хороших буржуазных добродетелях и достоинствах, и в этом отношении он действительно был примером, отцом страны, особенно по семейной жизни.

(Tornius 1939, 370-372 (перевод К.Я.); Skott 1989, 44-46. (перевод К.Я.))

Выше указанный мир идей приводил к тому, что Александр III относился с презрением к другим властелинам Европы. По нему они все были дергунчики, которым надо было плясать под дудку института народного представительства. С железной метлой Алек-

сандр III мел из своей страны нигилизм и анархизм и душил все, что казалось сомнительным и либеральным.

От мира идей Александра все хуже мучились университеты и пресса. Университетов лишили самоуправления, прессу отдали под подчинение строгой цензуры. Их считали враждебным государству, потому что они защищали прогресс. И такой прогресс, который не происходил от почина самого императора, был уже заранее запрещен под угрозой штрафа.

Также инородцы, которые жили внутри государственных границ – и их была треть всего населения, получили свои доли. В Остзейских провинциях, где был немецкий привилегированный класс и немецкая культура, начиналась строгая русификация, и также для Финляндии, Польши и других чужих национальностей, наступили годы страдания в бою за национальное особое положение. Так зрел урожай, который Победоносцев посеял в душе своего студента.

(Tornius 1939, 373-375 (перевод К.Я.); Skott 1989, 47. (перевод К.Я.))

В первые месяцы царствования Александра III проводил политику лавирования между либерализмом и реакцией, что определяло борьбу группировок внутри правительственного лагеря. 29 апреля 1881 г., когда выявилась слабость революционных сил, Александр III выступил с манифестом об утверждении самодержавия, который означал переход к реакционному курсу во внутренней политике. Однако в первой половине 1880-х гг. под влиянием экономического развития и сложившейся политической обстановки правительство Александра III было вынуждено провести ряд реформ (отмена подушной подати, введение обязательного выкупа, понижение выкупных платежей).

С отставкой министра внутренних дел графа Н. И. Игнатьева (1882) и назначением на этот пост графа Д. А. Толстого начался период открытой реакции. В конце 1880 – начале 1890-х гг. были проведены так называемые контрреформы (введение института земских начальников, пересмотр земского и городского положения и др.). В годы царствования Александра III значительно усилился административный произвол. В 1880-х гг. происходило постепенное ухудшение русско-германских отношений и сближение с Францией, закончившейся заключением франко-русского союза (1891-1893).

Александр совсем не был другом немцам, как его ближние предшественники. Причиной этому могла быть его жена, Мария Федоровна, которая не была немецкой принцессой, как у предшественников, а была датчанка. У Марии Федоровны было большое влияние по линии внешней политики Александра III.

Может быть курсы внешней политики Марии Федоровны оказывали влияния на то, что Александр III, был единственным царем из рода Романовых, который не вел ни одну войну. Он был императором мира своего государства. Если бы он не занимался реакционной внутренней политикой, была бы его симпатичная линия мира, которую он использовал во внешней политике, и его личные качества сделали бы его неодолимым. (Гребельский 1992, 99-100; Tornius 1939, 372/379 (перевод К.Я.); Skott 1989, 52. (перевод К.Я.))

Александр III умер сравнительно молодым (49 лет) 20 октября 1894 г.

200-летний период между т.н. первым и последним царем был очень красочный. В число их вошли и хорошие и плохие цари, и у каждого был свой самостоятельный стиль заниматься делами своей страны; некоторые преобразовали дела, а для некоторых преобразование было злом. Но несмотря ни на что страна все равно держалась на ногах и цари вместе с ней. Я желала бы, чтобы царизм в России продолжался также после Николая II.

5.1. Николай Второй

На смертном одре своего отца Николаю стало ясно, что только чудо может принести спасение, и что он попал в преддверие ответственного будущего. Николай получил хорошее образование от своего воспитателя, Константина Победоносцева, но новое задание, быть преемником своего отца, было ему полная загадка. И почему Николай чувствовал себя так? Потому что, как это не странно, Александр III может быть надеясь на свою силу и здоровье, не выполнил ознакомления своего сына с политикой и правительственными делами. Кажется, что ему было неприятно, если в кругу семьи думали о государственных делах, так как он хотел быть в доме только мужем и отцом. И так выросли его три сына – Николай, Георгий и Михаил почти совсем не знающими, что же такое царствование. Но сыновья не были одни, которых отставили в стороне. Это правда, что сыновья были молодые и неопытные, но хотя у великих князей, у братьев Александра III, были опыт и житейская мудрость, они не могли помогать молодому царю. Говорят, что Николай просил помощь у своего дяди Алексея Александровича, но как он мог помогать, потому что он был высшим адмиралом Российского флота и знал только дела морской войны, и вообще в большой политике он ничего не понимал. (Torgnius 1939, 384-386. (перевод К.Я.))

Николай II ничего не знал о будущем, и все же он боялся. Он не хотел бы быть царем, он умолял позволить ему отречься от престола. Но Александр был непреклонен: закон о престолонаследии обязан соблюдаться – Николай должен принять трон. И так день коронации был 13 мая 1896 г. (Радзинский 1993, 59.)

Несамостоятельный, молодой Николай совсем не замыслил такое восстание против отца; восстание, которое было характерным для его отца. Николай хотел продолжать реакционную политику Александра III, но не мог.

Отец держал Россию строгим правлением. У Николая не было возможности поступать так – и кроме того Россия развивалась так быстро, что действительно это еще вопрос, как бы даже Александр III смог бы не уступить. Развитие продвинулось благодаря Николаю, который имел смутное представление о том, что на самом деле происходило вокруг него. (Skott 1989, 58. (перевод К.Я.))

Какой мир Александр III оставил своему сыну?

1894-й год – как вообще 80-е и 90-е годы – относится к тому долгому периоду "затишье перед бурей" – самому долгому периоду без больших войн в новой и средневековой истории. Эта пора наложила отпечаток на всех, кто вырастал в эти годы затишья. К концу XIX-го века рост материального благосостояния и внешней образованности шел с возрастающим ускорением.

Почти во всех государствах наблюдался один и тот же политический процесс: рост влияния парламента, расширение избирательного права, переход власти к более левым кругам. Против этого течения, казавшегося в то время стихийным ходом "исторического прогресса", никто на западе, в сущности, не вел реальной борьбы. Консерваторы, сами постепенно лия и "левея", довольствовались тем, что временами замедляли темп этого развития. В 1894 г. страну как раз застало такое замедление.

За время правления Александра III проявились следующие основные тенденции власти: не огульно-отрицательное, но во всяком случае критическое отношение к тому, что именовалось "прогрессом"; и стремление придать России больше внутреннего единства, путем утверждения первенства русских элементов страны.

Сам Александр III, при его глубокорусском складе ума, не сочувствовал руссификаторским крайностям, и выразительно писал К. П. Победоносцеву (в 1886 г.): "Есть господа, которые думают, что они одни Русские, и никто более. Уже не воображают ли они, что я Немец или Чухонец? Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают. Я не дам в обиду Россию".

Во внешней политике, царствование Александра III принесло большие перемены. Та близость с Германией, или вернее с Пруссией, которая оставалась общей чертой русской политики с Екатерины Великой и проходит красной нитью через царствования Александра I, Николая I и особенно Александра II, сменилась заметным охлаж-

лением. Едва ли было бы правильным, как это иногда делают, приписывать это развитие событий – антигерманским настроениям Императрицы Марии Федоровны, датской принцессы, вышедшей замуж за русского наследника вскоре после датско-прусской войны 1864 г.

Императора Александра III, как и Бисмарка, это обострение серьезно тревожило, и в 1887 г. был заключен – на трехлетний срок – т. н. договор о перестраховке. Это было секретное русско-германское соглашение, по которому обе страны обещали друг другу благожелательный нейтралитет на случай нападения какой-либо третьей страны на одну из них.

Но этот договор о перестраховке не был возобновлен в 1890 г.

После прекращения этого договора, во время резкого ухудшения русско-германских экономических отношений, Император Александр III предпринял определенные шаги для сближения с Францией.

Республиканский строй, государственное безверие и такое недавнее в то время явления не могли располагать к Франции русского царя, хранителя консервативных и религиозных начал. Многие считали поэтому франко-русское соглашение исключительным.

С 1892 г. между Россией и Францией был заключен тайный оборонительный союз, дополненный военной конвенцией, указывающей, какое количество войск обе стороны обязуются выставить на случай войны с Германией. Договор этот был в то время настолько секретным, что о нем не знали ни министры, ни даже сам Наследник престола.

(Ольденбург I 1992, 10-19.)

Российская Империя в ту пору обладала самой многочисленной в мире армией мирного времени. Ее 22 корпуса, не считая казаков и нерегулярных частей, достигали численности до 900.000 человек. При четырехлетнем сроке военной службы, ежегодный призыв новобранцев давал в начале 90-х годов втрое больше людей, чем было нужно армии.

В России зачислялся в армию всего 31 процент призывных каждого года, тогда как во Франции 76 процентов.

Русский флот, находившийся в упадке со времени Крымской войны, в царствование императора Александра III ожил и отстроился. Было спущено на воду 114 новых военных судов, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров. Водоизмещение флота достигало 300.000 тонн – русский флот занимал третье место (после Англии и Франции) в ряду мировых флотов.

(Ольденбург I 1992, 20.)

Семь восьмых населения Российской Империи жило в деревне, и только одна восьмая – в городах. Уже из этого явствует преобладающее значение сельского хозяйства. Но именно эта отрасль народной экономической жизни находилась в состоянии известного застоя. Отмена крепостного права сильно подорвала частное землевладение, и в хозяйственном отношении весьма мало улучшила положение крестьян. Общинное землевладение, препятствуя обезземлению слабых элементов деревни, в то же время тормозило сильные предприимчивые элементы; получалось равнение по худшим. Тем не менее, из крестьянства понемногу выделялись более зажиточные единицы, шла перекупка земель у дворян. Но этот процесс, вместе с некоторым повышением уровня сельскохозяйственной техники, только-только уравновешивал быстрый прирост населения.

Урожай зерновых хлебов давал около 2 миллиардов пудов в год для европейской России. За границу вывозилось около одной пятой этого количества, и все-таки Россия была самым крупным поставщиком хлеба в Европе.

(Ольденбург I 1992, 27-28.)

Промышленность начинала развиваться быстрее. Число рабочих, занятых в ней, перевалило к 1894 г. за полтора миллиона. Стоимость выработанных товаров в том же году приближалось к двум миллиардам рублей. На первом месте стояла текстильная промышленность, занимавшая более трети общего числа рабочих. Казенное хозяйство играло большую роль в России. Больше половины всей земельной площади в Империи принадлежало казне. Даже при очень мало интенсивной разработке, они давали государству ежегодно несколько десятков миллионов рублей. Государство

имело также свои казенные заводы, но они не рассматривались как доходная статья: это были в первую очередь заводы военные.

(Ольденбург I 1992, 29-30.)

Финансы России после пятнадцати лет мира оправились от потрясения войны 1877-78 годов. Кредитный рубль держался в течение ряда лет на высоте двух третей своего номинального курса. Правительство, заключая заграничные займы в золоте и тратя внутри страны кредитные рубли, накапливало значительный золотой запас для проведения стабилизации рубля. Без повышения налоговых ставок, поступление налогов значительно возросло.

Русское министерство финансов того времени было не только бюджетным ведомством. Это было подлинное министерство народного хозяйства. Оно ведало торговыми договорами, промышленностью и торговлей, торговым судоходством и даже имело свои учебные заведения.

Около 1890 г. русский бюджет перевалил за миллиард рублей. В 1894 г. прямые налоги составляли менее 10 проц. доходной сметы, косвенные налоги – около 50 проц., доходы от казенных имуществ около 15 проц. На душу населения бремя государственных расходов составляло в среднем менее 10 рублей – много ниже, чем в других великих державах. Конечно, при низком уровне благосостояния населения и эта сумма была ощутительной. Но все же утверждение социалистических "экономистов" того времени, вроде Николая – она (Даниельсона), писавшего, что казна берет у крестьян 90 проц. их дохода и что они от этого постепенно разоряются и распродают свой инвентарь, было безмерным преувеличением, фантастическим искажением действительности.

(Ольденбург I 1992, 30-31.)

Мир, который Александр III оставил своему сыну, должен быть самый хороший. Александр же не вел ни одну войну, так что мир казался спокойным.

Александр III царствовал страной строго и очень консервативно, пробовал все же держаться за эти преобразования, которые его предшественники сделали.

Когда Николай вступил на престол, от него столько ожидали. Вечное российское ожидание нового хорошего царя! Народ ожидал изменений после реакционного периода. Но что убедит народ в Николае II? У Николая же был тот же самый учитель как у его отца, очень консервативный воспитатель Победоносцев.

Но конечно, у народа не было другой возможности, чем надежда; на западе дули новые ветры, которые волей-неволей влияли также на Россию. Россия очень много ожидала от нового царя, но продлилось ли счастье долго??

Трудности начинались уже в день коронации:

По ритуалу после коронации происходит народное гулянье с раздачей бесплатной еды, сладостей, пряников. Место для гулянья было выбрано за чертой города, на Ходынском поле.

Древнее: "хлеба и зрелищ" – Цезарь и народ.

На Ходынском поле стояли палатки, цветастые, со сладостями. И кружки должны были давать – коронационные, с гербами, и все бесплатно. Но между палатками и собравшейся в ночь с 17-го толпой находились забытые рвы. Забытые благодаря разгильдяйству властей. Много пришло людей на даровое угощение... Сошлось, сгрудилось не менее полумиллиона, так спрессовались – ядром не пробить. Все ждали, когда начнется раздача подарков. И тут раздались крики – задыхались люди в толпе. Кто-то решил – лакомства дают! И поднаперли. Сдвинулась груда тел, и попадали люди в ямы, и по головам, по раздавленным грудным клеткам – толпа.... Примерно 4.000 людей погибли.

На основании этих событий народ составил представление о новом императоре, который был по их мнению холодный и невнимательный к своему народу. Это представление сохранилось несмотря на щедрые попытки Николая по оказанию помощи.

(Радзинский 1993, 68-71.)

Существует такое понятие: царский характер. Это сумма качеств, которая должна производить впечатление мощной воли. Четыре царя, предшествующие Николаю II, обладали таким характером; они были талантливые и решительные, как только Николай II к большому несчастью для себя и российского народа не был ни тот

ни другой. Значит у него не было этого характера. "Рыхлая жалость", "паралич воли" – так говорили о нем одни. Другие возражали – коварен. На самом деле он был упрям... Его трагедия: будучи упрямым, он не умел сказать четкое "нет" в лицо просителю. Он был слишком деликатен и хорошо воспитан для грубой определенности. Вместо отказа он предпочитал промолчать. И, как правило, проситель принимал молчание за согласие. Николай же лишь выжидал следующего, который разделит бы его точку зрения.

И тогда тотчас принимал решение. В результате первый проситель, принявший молчание за согласие, клял коварство Государя. Легенда о его безволии была создана, и она пройдет через всю его жизнь. "Не царский характер" с самого начала слился с его образом.

Может быть по причины этого слабого характера Николай не восстал против своей матери, когда она приняла на себя руководство страной.

Есть версия: зажатая железной волей мужа, властолюбивая мать наконец-то распрямилась. На самом деле все трагичнее и проще. Вдова императрица слишком хорошо знала своего сына. И боялась, что кто-то непременно станет влиять на доброго Ники (Аликс она тогда в расчет не принимала). Им мог быть великий князь Сергей Александрович – прямолинейный ретроград, или другой брат покойного царя – Владимир, столь же очаровательный, сколь неумный. Или милый, но легкомысленный третий брат Александра, Павел. Влияние любого из них могло стать роковым для империи. В себя эта деятельная женщина верила, она многому научилась у Александра III.

Мария Федоровна проявляет прозорливость: ее протеже при Ники становится Сергей Витте, министр финансов ее мужа. Витте – это целая эпоха: сторонник реформ, либерал, точнее – умеренный либерал, каким и должно было быть после мороза, который свирепствовал при Александре III. Витте знал: в России нельзя слишком быстро менять температуру. Но главным советчиком оставалась мать.

(Skott 1990, 29 (перевод К.Я.); Радзинский 1993, 64-65/71-72.)

В книге "Красное колесо" А. И. Солженицын очень сильно критикует войну, правительство и даже царя:

"Этой весной Воротынцев и сам повидал Государя на смотре под Каменец-Подольском. Перед появлением его, правда, нельзя миновать ожидания восторженного: пока он еще невидим, но его присутствие близко, сердце колотится и сознаешь величие символа: в одном человеке сосредоточена, вот грядет вся Россия! Невольно ждешь необыкновенного! Но когда затем появляется полковник небольшого роста, без боевой резкости, да видимо еще и стесняется, - восторг сразу опадает, остается в груди и в глазах лишь напряженное любопытство. Бедные солдатики тянутся, вскидывают головы, кричат "ура" - а у царя утомленное (предыдущими смотрами?), безразличное, невыразительное, даже малодовольное лицо.

Воротынцев впился в него, хотел понять: отдает ли этот монарх себя России - так, как должен? Сколько в его жизни парадов! - когда же думать о государстве?

А с каким духом он подписывает каждый новый призыв ополченцев второго разряда? Думает ли, как разорвет деревню? и какие из них солдаты? и через сколько месяцев? Воротынцев мечтал бы любить своего Государя. Но и внушить себе культ он тоже не мог. Он - страдал, что Государь таков. В роковые годы - и такой бессильный над своей страной, такой не достигающий пределов мысли, и еще безвольный? и еще безъязыкий, и еще бездейственный, - догадывается ли он сам обо всем этом?..

И притом - Верховный Главнокомандующий 12-миллионной армии. И - все перегорожено. И можно только ждать конца войны или следующего царствования. (А почему этот мальчик, возрастая, будет лучше?)

Да чем худшим мог быть наказан царь, чем вереницей нынешних ничтожных министров? Как будто на посмешище выводили одного ничтожней другого. Эту вереницу видели все, и самые ревностные подданные не могли привести слов оправдания. Во всех штабах с большой свободой говорили о негодности правительства и о придворной грязи. И даже - о Самом, с жалостью, с пренебрежением." (Солженицын 1993, 144-145.)

Герой этой книги - фронтовик - полковник Русской армии, Георгий Михайлович Воротынцев, которого я считаю Выразителем мыслей самого писателя.

В книге, самые открытые разговоры о царе происходят между Г. М. Воротынцевым и Ольдой Орестовной Андозерской, которая профессор истории в университете. Их спор отражает мысли народа о Николае II. Приведу яркий пример этого противопоставления:

"Однако день ото дня позорно упуская Гучкова и все задуманные поиски, Воротынцев тем охотнее прислушивался к Ольде, пожалуй даже и ниша быть переубежденным. Как поддразнивал ее:

- Ну, согласись: убогая династия для такой расцветающей, обильной, великой страны? Вся династия - в беспамятстве.
- Не соглашусь! Все человеческое умение, а в политике особенно, - это иметь дело с тем, что есть, а не придумывать, чем бы заменить.

Она натягивала простыню для тепла, трогательно одиноко пересекали ее плечи поворозки сорочки, - но это где-то

в краю внимания, вот уж не предполагал, где и с кем придется выяснять. Снова курил.

- Есть такое русское слово - "зацарился". Не именно об этом царе, старое. Но, значит, в народном представлении есть такое допущение? Это значит: забыть себя, царствуя. Перестать ощущать себе пределы. И своему делу. И своему народу. А всякому расширению нужно знать меру. У народа - тоже есть пределы.

- Страну надо беречь! Она создавалась веками! - мрачно предупредила Ольга.

- Вот именно! Я это и говорю! Потому и говорю! Имея власть, да попав в бурю такой войны, надо же уметь эту власть проводить!

- Но он - поставлен на это место! Это - его долг!

- Так если бы! Если бы он сам так относился - как к року, как к бремени тяжкому, просил бы других помочь! Если бы он нес корону, страдая, а не... с улыбкой какой-то неуместной...

Вспоминал эту виденную на параде улыбку.

- Ему и трудно! - так уверенно возразила Ольга, будто вчера виделась с Государем накоротке. - Ему и трудно! Он - страдает. А какой клеветой он обложен! Чего стоит одна ложь, а она прилипла, будто он сразу после Цусимы давал в Зимнем бал? А там вообще не было балов с Третьего года! Он улыбкой и пытается прикрыть свое страдание. - Ее голос еще потишел.

- И даже - свою беспомощность. Ему, может быть, жутко. Он - пленник и мученик престола! - говорила так уверенно, будто хорошо и близко знала.

- Но если ему так тяжело! И если он так понимает свой жребий, как ты описываешь. То, чувствуя себя слабым для этой страны, не должен ли он...? Перед страной - есть у него высший долг? Вплоть до того, что и... отказаться?

Ольга охвачена была как горем:

- У-у-у, тогда ты - вообще не монархист. Отец - не может отказаться от семьи, хоть и сознавал бы себя плохим. Он связан и саном своим, и властью своей, и подчиненностью других. Ты от своих передовых военных занятий заразился прогрессизмом. Русская монархия держит в мире больше, чем ты можешь предположить. Она подпирает по крайней мере всю Европу.

- Европу? Не вижу. А - что мы Европе? Я вот что вижу: в первую очередь надо спасать не монархию, а народ. Мы заклинились в самоуничтожение - и надо вырваться. А он - бездействует. Я не виню его одного. Тут, видимо, накопился какой-то грех династии - еще от Петра, а то и от Алексея: они изменили своему избранию Земским Собором, они перестали чувствовать ответственность перед землей. Так вот, пришел момент - эту ответственность вернуть. Для спасенья народа.

- Пойми: отказ от монархии - это отказ от тысячи лет нашей истории. Если бы традиция была неудача - не могла бы вырасти великая нация.

- Но если стала власть бесконечно тупа? не слушает доводов? неспособна?

- Это все ты набрался от общества! Но оно - в истерике. В прошлом году говорили, что власть не может выиграть войну без них, теперь - что власть стремится проиграть. Интеллигенция наша - глупая, у нее совести много, да мало ума.

- Что ж ты советуешь делать?

- А - ничего не делать. Перетерпеть. Трон - только тронь. И - покатиться все, и не оберешься. За близкими целями нельзя забывать далеких, - покачала она. Покачалась.

Да что он уж так спорил? Даже и очень хорошо бы теперь, чтоб Ольда оказалась права. Тогда и его преступное лежание здесь вдруг оказывается самым верным действием?

- Так вот, - уже не настоятельно бурчал Георгий, - значит, нет таланта. Вот она и есть случайность рождения.

- А семь пядей во лбу ему не обязательно иметь, таких он может набрать себе советчиков.

- Значит, не тех набрал. А если выслушивает умных - почему это не заметно в действиях?"

(Солженицын 1993, 451-453.)

Несмотря на народную критику, которая наверно дошла до его ушей, Николай пробовал царствовать, так как умел. Вера в Бога и в свой долг Царского служения были основой всех взглядов Императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбу России лежит на нем, что он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти - которое он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по его мнению, на слишком большое влияние в государстве. "Они напортят - а отвечать мне", таково было, в упрощенной форме, рассуждение Государя.

5.2 Николай Второй как политический деятель

Политические достижения Николая II также остались довольно слабым. Ничего значительного он не сделал, иначе чем административные и налоговые преобразования Петра I. И те меры, которые Николай сделал и провел, были прежде всего изобретены другими.

Выражение "не стоит менять хорошего" пришел наверно на ум Николаю во время его царствования. Предки уже все нужное сделали для народа, значит, может быть, Николай думал держаться на них, как и отец. Может быть отец, воспитатель и их консервативные мысли повлияли на Николая. В какое-нибудь другое время этого хватило бы, но не на этом рубеже столетий, на котором он царствовал. Россия попыталась задерживать западные ветры, дующие на Россию, но это не удалось.

Реформы ждали очень для лучших условий народа, но Николай II был слишком слабым применять их.

Эта ситуация повлияла также на правительство, которое было совсем в беспорядке во времена Первой Мировой войны. Николая просили привести правительство в порядок, но Николай оттолкнул дело и передал задание кому-то другому. И это беспорядочность правительства влияла на народ. Как будто бы он бросил на произвол судьбы.

У русского народа был совсем всегда строгий император, и без такого он не мог бы жить. К сожалению, в этот критический период, в период народного восстания, императором был слабохарактерный Николай.

Николай II не задавался предвзятой целью переменить сверху до низу строение русского государства, он не стремился быть "архитектором" во что бы то ни стало, и считал, что менять стоит на бесспорно лучшее. Но этот разумный консерватизм никогда не удерживал его от тех преобразований, которые представлялись ему целесообразными или необходимыми по общему ходу государственной жизни.

Он продолжал реформы, начатые при его отце, а также приступил к завершению некоторых учреждений, созданных еще при императоре Александре II. Винная монополия с каждым годом распространялась на большее число губерний; в Архангельской губ. в 1896 г., а за ближайшие годы и в остальных частях империи.

Винная монополия, как впрочем все мероприятия русской власти, подвергалась жестокой критике со стороны весьма широких кругов русского общества. Говорили, что правительство "спаивает народ". Между тем, монополия не имела непосредственного отношения ни к развитию, ни к уменьшению пьянства. Государственная монополия продажи водки не пыталась ограничить ее потребления, но и не занималась искусственным увеличением спроса путем рекламы, торговли в кредит и т.д. В то же время - и в этом была главная цель реформы - монополия давала государству более значительный доход, чем прежние системы обложения.

Этот косвенный налог - существующий во всех странах в том или ином виде - шел полностью в государственную казну.

В то же время, государству при этой системе было гораздо легче, если оно этого пожелало бы, провести ограничение или даже запрещение спиртных напитков, чем при системе частной торговли. (Ольденбург I 1992, 79-80; Ралзинский 1993, 79.)

За введением казенной монополии, министр финансов Витте приступил к проведению в жизнь задолго подготовлявшегося плана денежной реформы.

В основных чертах реформа сводилась к следующему: новый золотой рубль, признававшийся основной денежной единицей, приравнивался к полутора старым золотым рублям. Иными словами, он считался равным кредитному рублю, курс которого уже свыше года удерживался как раз на уровне 7 р. 50 коп. за "полуимпериал" (= старая 5-рублевая монета). В Гос. банке имелся запас золота около 1.200 милл. рублей (по новой оценке), а кредитных билетов в обращении было немногим более 1.100 милл. Таким образом восстановление свободного размена не представляло никаких затруднений.

В апреле 1896 г. вопрос о денежной реформе обсуждался на общем собрании Гос.Совета; Витте в заключение своей защитительной речи сказал, что лично был бы рад, если бы проект провалился: тогда пришлось бы выпустить еще 300-400 милл. кредитных рублей: отрезвляться придется лет через десять, когда наступит полное падение рубля; но нарекания будут обращаться тогда не к нынешним финансовым деятелям, на долю коих достанутся лишь похвалы за оживление народной торговли и промышленности. Гос. Совет отложил вопрос до осени.

Как всегда относительно всего нового противники были и теперь. Против новой денежной реформы были многие мнения, которые, конечно, пробовали действовать на мнение самого царя. Но государь не изменил своего положительного отношения к реформе. Французские записки он передал Витте, сказав: "Вот я вам отдаю записки, которые мне были поданы; я их не читал - можете оставить их у себя!" И 2 января 1897 г. было создано особое заседание финансового Комитета под председательством самого государя. На нем было постановлено приступить к осуществлению реформы; и указом 3 января было предписано начать чеканку новой золотой

монеты, причем на империялах прежних веса и пробы означалось бы "15 рублей" вместо 10 р.

Денежная реформа вошла в жизнь незаметно; она не вызвала, вопреки мрачным предсказаниям ее критиков, никаких экономических потрясений. Курс был устойчивым уже года два; спекуляция на рубле прекратилась; золото по курсу 1 р. 50 за 1 р. продавалось свободно, и обмен кредитных билетов на золото по тому же курсу не явился поэтому заметным новшеством. Золото за границу не ушло; сколько-нибудь значительной доли его в кубышки не припрятали, и Россия упрочила свое международное финансовое положение, безболезненно перейдя к золотой валюте принятой к тому времени в большинстве великих держав.

(Ольденбург I 1992, 81-85; Радзинский 1993, 79.)

Не желая непрестанно ломать и строить сызнова государь в то же время продолжал "достройку" и "ремонт" здания Российской империи, и постепенно окружил себя сотрудниками по своему выбору. К концу века, восемь (из двенадцати) министров, которых государь застал при своем восшествии на престол, были уже заменены другими. Из министров эпохи императора Александра III, оставались только Победоносцев, Витте и назначенные в последний год царствования Муравьев (юстиции) и Ермолов (земледелия).

Министерство внутренних дел, в котором с 1897 г. к Горемыкину присоединился товарищ министра Оболенский, включило в список мер, соответствующих принципу "достойки и ремонта", распространение земских учреждений на те губернии, где их еще не было.

Прецедентом служила такая же мера, принятая в отношении судебных уставов 1864 г.

Внесению Проекта предшествовал опрос губернаторов и губернских предводителей дворянства; все они высказались в пользу введения земств. В виду особых местных условий существовали опасения, что земство может быть использовано в анти-русских целях. Поэтому предположено было на первых порах не создавать выборных уездных учреждений, и в губернские собрания ввести некоторое число назначенных гласных. Тут же указывалось, впрочем, что в некоторых уездах, где имеется достаточное число русских землевладельцев, могут быть введены теперь же и уездные земства.

В министерстве внутренних дел обсуждался вопрос объединения всего учебного дела в руках государства, с тем, чтобы впредь не было особых земских школ. Но считалось необходимым, прежде чем проводить эту меру, значительно усилить кредиты на народное образование, чтобы реформа эта сопровождалась общим подъемом школьного дела; а министерство финансов не находило возможным значительно увеличить кредиты, особенно в виду неурожайных годов и промышленного кризиса.

(Ольденбург I 1992, 137-139.)

Русской внутренней политике было суждено принять решение по важному вопросу: об отношении власти к земскому самоуправлению. Проект введения земства в западном крае и других четырех губерниях, выдвинутый министерством внутренних дел, был взят "под усиленный обстрел" в высших правительственных кругах.

Министр внутренних дел Горемыкин доказывал, что местное самоуправление вполне совместимо с неограниченной монархической властью; что Россия искони привыкла к, различным видам самоуправления, от сельских сходок до инородческих учреждений, что противоречия между властью и органами местного самоуправления могут быть устраняемы в порядке частных поправок; в отношении земства уже многое было сделано законом 1890 г., а для западного края возможны и дальнейшие поправки.

Все министры не согласились с самоуправлением. Витте стремился доказать, что никакое выборное местное самоуправление несовместимо с самодержавным строем. Уже очень рано было замечено, что доводы Витте представляются обоюдострыми и что, доказывая несовместимость общественной самодеятельности с неограниченной монархической властью, он давал сильный довод в руки оппозиционным кругам.

Особые мнения министров действовали или ими пробовали подействовать на слабохарактерного царя, потому что принять решение предстояло государю. Убедившись во враждебности общества, интеллигенции, на примере студенческих волнений; признавая основательность обвинений Витте против земства – государь не счел возможным в данный момент продолжать завершение земской реформы 1864 г. После пяти лет внутренней политики, совмещав-

шей традиции двух последних царствований, государь в 1899 г. вернулся на путь своего отца. Для проведения "большой азиатской программы" было необходимо сохранить свободу решений и престиж неограниченной власти. Все шаги навстречу общества были либо отвергнуты, как комиссия ген. Ванновского, либо неминуемо были бы истолкованы, как обещания более решительных перемен, которых государь не желал.

Проект распространения земства на дальнейшие губернии был оставлен. Более того: его автор, министр внутренних дел Горемыкин, указом 20 октября был назначен членом Государственного Совета – почетная форма отставки – а управляющим министерством был назначен Сипягин, заведующий канцелярией по приему прошений на Высочайшее имя.

Министерство внутренних дел, ведающее, в числе прочих дел, и полицией, не пользовалось симпатией общества; этой непопулярности "по должности" не избежал и Горемыкин, отставка которого была встречена с некоторым сдержанным злорадством.

В противоположность весьма распространенному мнению о том, что на государя было легко влиять, факты свидетельствуют о том, что все главные решения принимались им самим, а министры, в том числе и Витте, сами так или иначе приспособлялись к его воззрениям.

(Ольденбург I 1992, 152-157.)

После окончания Японской войны Россия жила в беспорядочное время. Казалось, что все соединились против всех. На каждой стороне страны устраивали демонстрации и через короткие промежутки устраивали всеобщие забастовки. Всего забастовок были три, из которых последняя кончилась в середине декабря 1905 г. Может быть одним из значительных событий в конце 1905 года был манифест, который был подписан 17 октября.

Манифест 17 октября гласил:

"Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи нашей, великую и тяжкую скорбь преисполняют сердце наше. Благо Российского государя неразрывно с благом народным и печать народная – его печаль. От волнений, ныне возникших,

может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единства Державы нашей.

”Великий обет Царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долге, мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

”На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

”1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы и на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

”2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

”3) Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от наших властей.

”Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле”.

Государь и в этот момент не слагал с себя ответственности: он сохранял за собою право последнего решения; но на первых порах он предоставил Витте самые широкие полномочия, поручив ему выбор министров и только оставив в своем непосредственном ведении министерства военное, морское и иностранных дел.

Дней через пять после издания манифеста 17 октября стало наконец возможно отдать себе отчет в совершившемся. Преобладало впечатление: освободительное движение одержало большую победу. Революционные партии собирались открыто, обсуждали вопросы о пропаганде в войсках и о вооруженном восстании.

Вышло в отставку восемь министров и главноуправляющих – не столько из-за несоответствия "новому курсу", сколько для того, чтобы освободить места для кандидатов графа Витте; было добавочно создано новое министерство торговли.

(Ольденбург I 1992, 313-318.)

К концу 1905 г. финансовое положение власти было нелегким.

Налоги почти не поступали. Золотой запас Гос. банка сильно сократился; не столько манифест Совета Рабочих Депутатов, сколько паника, охватившая состоятельные круги, была тому причиной. В. Н. Коковцову было поручено проехать во Францию, чтобы получить внешний заем. Такое поручение в разгар московских событий могло казаться безнадежным. Но государь учитывал и события, происходившие за пределами России.

В январе 1906 г., государю довелось снова подойти к большому вопросу русской жизни, поставленному на очередь четыре года перед тем, но отодвинутому войной и революционной смутой: к земельному вопросу. Еще манифестом 3 ноября 1905 г. были отменены выкупные платежи – единственный крупный прямой налог, лежавший на деревне. В обществе ходили слухи о том, будто государь, перед выборами в Г. Думу, намерен обещать крестьянам помещичьи земли и этим приобрести поддержку крестьян в борьбе с "освободительным движением". Такие замыслы были совершенно чужды государю: он и не помышлял "покупать голоса крестьян" путем нарушения права частной собственности. К тому же, он полагал, что выход – не в сокращении частной земельной собственности, а скорее ее распространении и на крестьян.

20 февраля издан был манифест, развивавший, дополнявший – и вводивший в известные рамки – общие принципы, провозглашенные 17 октября. В нем указывалось, что за государем остаются все права, кроме тех, которые он разделяет с Гос. Думой и Гос. Сове-

том, состоящим наполовину из назначенных, наполовину из выборных членов.

(Ольденбург I 1992, 335-338.)

Выборы в Гос. Думу начались в марте. Первые результаты не давали ясной картины; но чем дальше шли выборы, тем яснее определялась победа партии к.-д.. Она оказалась самой левой на этих выборах и привлекла к себе всю беспартийную недовольную Массу. Умеренные группы возглавлявшиеся Союзом 17 октября, и правые "под названием" монархистов или "союза русского народа", оказались не в состоянии конкурировать с нею.

Выборы в Первую Думу были тяжким разочарованием и для власти, и для умеренных и правых партий, потому что крестьяне выиграли.

(Ольденбург I 1992, 339-340.)

23 апреля 1906 г. Витте вручает Николаю прошение об отставке, и Николай с удовольствием ему отвечает: "Граф Сергей Юльевич! Вчера утром я получил письмо ваше, в котором вы просите об увольнении от всех занимаемых должностей. Я изъявляю Согласие на вашу просьбу. Николай".

Одновременно с Витте ушли не только "его" министры, но и Дурново, и даже министр иностранных дел Ламздорф. Гос. Думу должен был встретить совершенно новый состав правительства. Новый премьер-министр Петр Столыпин был полной противоположностью Витте. Из старого дворянского рода, "свой". Он считался либералом, но это был либерал-помещик. Столыпин знал и любил мужика, как и положено истинному помещику. И видел в мужике будущее страны. Оттого он сразу пришелся по душе царю. Столыпин мог понять его давнюю мечту - "народ и царь".

(Радзинский 1993, 110-111; Ольденбург I 1992, 219/341.)

Казалось, что во всяком случае народ считал Столыпина правильным мужчиной. Мнения Воротынцева:

"- Вот вы, господа, повторяете и повторяете, что Россией правят тупые из тупых, министры сплошь дураки, и как бы вам хотелось лучших. А будем откровенны: общество совсем не хочет хороших министров в России! Появись завтра хорошие - оно еще больше возненавидит их, чем плохих!

И вот уж теперь не теснился, не ужимался, а если пок-

раснел, то от задора.

Маленькая сумятица, но оправились тотчас:

- Хо-ро-шие? Да когда же в России были хорошие министры, назовите!

Ах, вас не берет, неймет? И в реванш за унижение, и следя, чтоб не угнуться ни на кивок, а проломиться по самой прямой, через общественное мнение и свист:

- Да уж не буду перечислять хороших, но был великий! Был - великий русский государственный человек, и кто из общества это заметил и признал? Его бранили, поносили хуже, чем Горемыкина или Штюмера. И так он и ушел - неузнанный, непризнанный и даже проклятый.

Онедоумели дамы и господа, но еще последняя надежда была, что не махровый этот полковник, а просто задурманенный: кого он имел в виду? Неужели...? Конечно же, не...?

- Столыпин, да! - взмахом руки дорубил Воротынцев и их надежды и свою общественную репутацию. Да вызывающие, да со звонкостью: - Пришел человек цельный! неуклончивый! уверенный в своей правоте! И уверенный, что в России еще достаточно здравомыслящих, прислушаться! А главное - умеющий не болтать, а делать, расстряхи застой. Если замысел - то в дело! Если силы приложил - то сдвинул! Видел - будущее, нес - новое. И что ж, узнали вы его тогда? Именно его смелость, верность России, именно его разум - больше всего и возмутили общество!"

(Солженицын 1993, 345-346.)

Правительство, действовавшее во время Первой Думы, было, по мысли государя, кабинетом переходного времени. Горемыкин был умный и глубоко лояльный чиновник, точно выполняющий инструкции государя.

Министерство выступило 13 мая с декларацией в Думе. Обещая "полное содействие при разработке всех вопросов, не выходящих за пределы прав Думы", Совет Министров указал, что разрешение земельного вопроса на предположенных Думой основаниях "безусловно недопустимо". На счет ответственного министерства и упразднения Гос. Совета, указывалось, что эти вопросы не могут ставиться по почину Гос. Думы; что касается амнистии, то она относится к прерогативам монарха; но "Совет Министров со своей стороны считает, что благу страны не отвечало бы, в настоящее смутное время, помилование преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях".

Дума резко реагировала на эту декларацию.

Борьба между Думой и правительством сосредоточилась вокруг земельной реформы и проблемы смертной казни. Дума вносила запросы по поводу всех смертных приговоров, выносившихся тем или иным судом, и требовала приостановки их исполнения. Правительство, опираясь на статьи закона указывало, что никакого правона-

рушения нет, – а Дума имеет право надзора только за закономерностью действий власти. Дума внесла законопроект об отмене смертной казни; правительство воспользовалось своим правом потребовать месячный срок для определения своего отношения.

Против Думы провели многие кампании. Несмотря на сопротивление было ясно, что Первую Думу надо было распустить.

Повод для роспуска дала сама Гос. Дума. Манифест о роспуске был подписан в воскресенье, 9 июля 1906 г. И 20 февраля 1907 г. было открытие Второй Думы. Правительство заранее знало, что в случае неработоспособности этой Думы она будет распущена, и избирательный закон будет на этот раз изменен. А население мало интересовалось новой Думой.

Следующее мысли о Первой Думе из книги Солженицына:

”День открытия 1-ой Думы 27 апреля 1906 стал не днем национального примирения, но днем нового разгара ненависти. Калеты шли на открытие Думы, размахивая в такт шляпами, политические солдаты. Дума, избранная по ”пробному” виттевскому избирательному закону (и частью – из людей, чуждых всякой законности), – никак не пыталась сама себя сдерживать и требовала не меньше, как все, – ни пол-вся, ни четверть-вся. Вопреки конституции 1-ая Дума впала в соблазн представлять всю волю народа и государственную волю – одной собой, как новая самодержица. И Кокошкин доказывал, что Дума не обязана выполнять ничьих в стране постановлений.

.... Однако этой 1-й Думе и этому кадетскому большинству все еще серьезно предполагалось поручить сформировать правительство и дать вести Россию. Шли тайные переговоры при Дворе, сновали и встречались министры, так же тайно встречался с ними Миллюков, ”управлявший Думою из буфета и журналистской ложи”, ибо не попал депутатом ее. Миллюков уже рвался получить премьера, но переговоры оказались тщетны, кадеты отказывались отречься от всеобщего принудительного отчуждения земли, роспуск Думы все более проступал – и на эту роль, заменить Горемыкина на посту премьера и распустить 1-ю Думу, Верховной властью был определен... Шипов.

И что ж? Противник конституции, всех партий вообще, а кадетской в частности, заявил государю, что роспуск уже собранной, пусть агрессивной Думы представляется ему несправедливым и даже преступным. С 17 октября он, по высочайшему повелению, как и все подданные, принял конституцию, и считает нужным быть верным ей, и ничего другого не ждет и от самого государя. По его мнению, Дума была бы много умиротворена, если бы правительство продолжало развивать начала манифеста, а не отступало от них. Теперь уже возглашены и основные законы, по которым власть разделяется впредь между государем, Думою и Государственным Советом, и в тронной речи объявлено, что день открытия Думы есть день обновления нравственного облика русской земли. Равно не может Шипов принять на себя и руководство предлагаемым коалиционным правительством, но считает, что очень отвечало бы духу времени правительство, возглавленное кадетами: оно вырывало бы их от антигосударст-

венных элементов, из безответственной оппозиции и делало бы государственной партией. Может быть, они сами тогда распустят Думу, чтоб освободиться от левого крыла. На вопрос государя о возможном главе такого правительства Шипов ответил, что самым влиятельным, талантливым и эрудированным среди кадетов надо признать Милюкова, однако в нем слабо развито религиозное сознание, то есть сознание нравственного долга перед высшим началом и перед людьми, а потому, стань он премьером, его политика вряд ли способствовала бы духовному подъему населения. Кроме того он слишком самодержавен и будет подавлять товарищей. Шипов рекомендовал Муромцева.

Но захваченные резким левым вихрем и с лево-свернутыми головами, способны ли были кадеты взять на себя то государственное бремя? Министр внутренних дел Столыпин уверен был, что - не смогут, что свалить под откос. Человек действия, он не мог допустить такого опыта: пусть несут, куда понесут, когда все вместе разобьется - тогда пойдем."

(Солженицын 1993, 93-95.)

Но вторая Дума также не была долголетня. 3 июня был издан манифест о роспуске Гос. Дума и о введении нового избирательного закона. Население встретило роспуск Думы совершенно спокойно: не было ни демонстраций, ни попыток устроить забастовки. Народные гуляния были переполнены и не пришлось даже усилить полицейские наряды.

(Радзинский 1993, 111; Ольденбург I 1992, 352-379.)

В этом же году сделали и реформы: свобода вероисповеданий; неприкосновенность личности и гражданское равноправие; улучшение крестьянского землевладения; улучшение быта рабочих (государственное страхование); реформа местного самоуправления (мелкая земская единица); реформа местного суда; реформа средней и высшей школы; введение подоходного налога; объединение полиции и жандармерии и издание нового закона об исключительном положении.

Избирательный закон 3 июня 1907 г., был основан на опыте выборов в две Думы, а также земских и городских выборов, и преследовал одну цель: создать при минимальной ломке действующих законов, такое народное представительство, которое бы стало добросовестно работать в рамках существующих законов. Новый закон никого не лишал избирательного права.

(Ольденбург I 1992, 364/379.)

Государь по прежнему сохранял полную исполнительную власть; в области законодательной, в области финансовой – народное представительство имело весьма ошутительное влияние. Для проведения в жизнь всякого нового закона, для отмены старого – требовалось согласие обеих законодательных палат и утверждение государя. Понятие закона при этом толковалось широко, и многие меры принимаемые на западе путем декретов, проводились через Думу и Гос. Совет. В бюджетных вопросах был применен тот же принцип: ассигнования, производимые на основании определенного закона могли быть исключены из бюджета только с согласия государя и обеих палат. Всякое новое ассигнование, всякий новый налог, всякий государственный или гарантированный государством заем могли получить осуществление только с одобрения законодательных учреждений.

Законодательные учреждения состояли из Государственной Думы и Государственного Совета. Обе палаты пользовались одинаковыми правами.

Государственная Дума избиралась, на пятилетний срок, на основании сложной системы выборов. Избирательное право было близким ко всеобщему, особенно в деревне, и голосование было тайным; оно было прямым в обеих столицах и пяти больших городах; двух и трех-степенным в губерниях.

Государственный Совет состоял на половину из лиц по назначению от государя, на половину из выборных: от духовенства (6), от земских собраний (34), от Академии и университетов (6), от торговли и промышленности (12) и от съездов землевладельцев Царства Польского (6) и не-земских губерний (16), – выборных членов было всего 98.

(Ольденбург II 1992, 5-7.)

Вопрос о необходимости улучшить положение деревни был уже давно предметом забот императорской власти; теперь, когда после долгого периода обдумывания, взвешивания и подготовки, власть избрала определенный путь, она двинулась по нему вперед с настойчивостью и энергией. Всякое решительное действие в таком спорном вопросе, как земельный, не могло не породить ожесточенной критики; закон 9 ноября оспаривался не только слева, но и

справа. Только группа думского центра и правого центра оказались определенными сторонниками земельной реформы, основанной на принципе укрепления частной собственности в деревне. Среди правых, особенно среди крестьян и священников, было немало защитников общины.

Закон 9 ноября стал фактически применяться с 1 января 1907 г. Основным принципом начавшейся с этого дня огромной работы было разрешение свободного выхода из общины и установление личной крестьянской собственности на землю, – личной, а не семейной. Столыпин, как премьер и министр внутренних дел, принял самое деятельное участие в проведении реформы. Того же он требовал и от местных властей Администрация не должна была ограничиваться пассивным ожиданием того, захотят или не захотят крестьяне воспользоваться новым законом.

С проведением в жизнь закона 9 ноября было неразрывно связано землеустройство, имевшее главной своей целью устранение черезполосицы. Через законодательные учреждения был впоследствии проведен особый закон о землеустройстве. На землеустроительные комиссии возлагались многообразные задачи: 1) простое закрепление земли в собственность (без перемежевания); 2) выделение закрепляемой земли к одному месту (отруба); 3) создание особых мелких имений (хуторов), наконец, 4) перемежевание для устранения черезполосицы без закрепления земли в собственность за отдельными крестьянами.

Содействуя также и закреплению в собственность и устранению черезполосицы, правительство в особенности поощряло выделение отрубов и создание хуторов, считая, что именно таким путем может создаваться жизнеспособное единоличное крестьянское хозяйство.

(Ольденбург II 1992, 28-29.)

Наступил 1913 год – вершина процветания империи и год великого Юбилея: 300 лет правили Россией его предки и русская история делилась по их именам. И вот ему послал Господь в благополучии встретить торжественную дату.

В благополучии? Да, после реформ Столыпина начинается невиданный подъем. Европа с изумлением наблюдает за поднимающимся

гигантом. Но все эти изменения только пугали царя. Москва – древняя столица, где совсем недавно все дышало милым его сердцу прошлым... И вот на глазах этот город-усадьба исчез: дымили фабричные трубы, возводились огромные дома, и в столице московских царей правили денежные тузы.

Да, чем больше богатела его страна, тем большее он испытывал одиночество. Просвещенное общество дружно называло его царскую власть азиатчиной и мечтало соединить Россию с Европой.

(Радзинский 1993, 146; Ольденбург II 1992, 97.)

На двадцатом году царствования императора Николая II, Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспеяния.

За двадцать лет, население империи возросло на пятьдесят миллионов человек – на сорок процентов; естественный прирост населения превысил три миллиона в год.

Наряду с естественным приростом, равно свидетельствующим о жизненной силе нации и о наличии условий, дающих возможность прокормить возрастающее число жителей, заметно повысился общий уровень благосостояния. Количество товаров, как русских, так и иностранных, потребляемых русским внутренним рынком, более чем удвоилось за двадцать лет. Хотя в 1911-1912 гг. был неурожай свекловицы, и цена значительно поднялась, – это не вызвало уменьшение спроса: сахар стал предметом необходимости широких масс. О повышении уровня благосостояния свидетельствовали: неуклонный рост дохода от винной монополии; удвоение производства пива и увеличение спроса на вино.

Благодаря росту сельскохозяйственного производства, развитию путей сообщения, целесообразной постановке продовольственной помощи, "голодные годы" в начале XX века уже отошли в прошлое. Одновременно с расцветом сельского хозяйства, продолжался и рост промышленного производства, не отставая по интенсивности от роста первой половины царствования. Некоторое замедление развития, обозначившееся в первые годы XX века, с 1909 заменилось новым ускоренным ростом.

Подъем русского хозяйства был стихийным и всесторонним. Рост сельского хозяйства – огромного внутреннего рынка – был во вто-

рое десятилетие царствования настолько могучим, что на русской промышленности совершенно не отразился промышленный кризис 1911-12 гг., больно поразивший Европу и Америку: рост неуклонно продолжался. Не приостановил поступательного развития русского хозяйства и неурожай 1911 г.

Бюджет возрастал без введения новых налогов, без повышения старых, отражая стихийный рост народного хозяйства. Увеличение оборота железных дорог, спроса на спиртные напитки, на сахар, на табак, рост поступлений от промыслового налога, от таможенных пошлин, – все это не означало увеличение налогового бремени, т.к. общий народный доход возрос в гораздо большей пропорции, нежели бюджет.

(Ольденбург II 1992, 110-113.)

Первая Мировая война застала русское общество врасплох. Но с самого начала конфликта, с 11-ого по 19-ое июля, в России царил полное единодушие; позиция правительства встречала общее одобрение.

В городах почти везде происходили большие патриотические манифестации. Народные массы, особенно в деревнях, не проявляли, правда, особого энтузиазма, но отнеслись к участию в войне, как к выполнению естественного долга перед царем и отечеством.

Когда 26 июля открылась чрезвычайная сессия обеих палат, единение законодательных учреждений с властью было полным.

Государственная Дума единогласно приняла все кредиты и законопроекты, связанные с ведением войны. Даже трудовики, устами Керенского, заявили о своем присоединении к большинству; социал-демократы не стали голосовать за кредиты, но воздержались от голосования.

Представители общественности, без различия партий, провозгласили единение с властью во имя борьбы с внешним врагом. Правительство, со своей стороны, шло навстречу своим недавним противникам. Оно сразу же разрешило организацию Общеземского Союза, а также Союза городов, несмотря на их к.-д. возглавление, и отпуская им значительные казенные средства. Оно прекратило процессы, связанные со старыми счетами.

(Ольденбург II 1992, 148-150.)

В первые дни Первой Мировой войны самые трудные вопросы внутренней жизни казались легко разрешимыми. Государь воспользовался этой минутой для того, чтобы провести смелую реформу, которая была за последние годы особенно близка его сердцу: запрещение продажи спиртных напитков.

Запрет сохранился на все время войны; он был постепенно распространен не только на водку, но также и на вино, и на пиво. Государь сказал: "Я уже предрешил навсегда воспретить в России казенную продажу водки". И эти слова монарха соответствовали в то время общему народному мнению, принявшему запрет спиртных напитков, как очищение от греха; никому поэтому не приходило в голову, что такая законодательная мера, предрешенная царем, могла бы встретить сопротивление в представительных учреждениях. (Ольденбург II 1992, 151-152.)

25 августа 1915 г. была подписана программа т.н. прогрессивного блока.

Основной для объединения служило недовольство существующей властью. Умеренные круги объединялись с оппозицией, чтобы добиться перемены правительства. Участники блока исходили из двух основных положений: война должна быть доведена до победного конца; для этого необходимо единение между властью и обществом. Из этих общепризнанных положений руководители объединения делали вывод: власть должна быть приведена в соответствие с требованиями общества.

Переход власти в другие руки был главной целью блока. Его программа, сама по себе, особого значения не имела; она была составлена, главным образом, для того, чтобы "оправдать" в глазах левой общественности соединение к.-д. с такими еще недавно "одиозными" элементами, как октябристы или националисты.

Блок был орудием борьбы за власть: имея большинство в Г. Думе, он мог наносить правительству чувствительные удары. Вошедшие в него группы фактически подчинились руководству фракции к.-д., наиболее политически опытной и яснее других знавшей, чего она хочет.

Некоторые члены кабинета, в момент образования блока, сочли возможным вступить с ним в переговоры и даже склонялись к сог-

лашению на почве отставки части министров и замены их "общественными деятелями". Но государь отнесся к этому с решительным неодобрением. Он считал, что власть должна быть единой; особенно во время войны недопустимо, чтобы министры "служили двум господам": Монарху, на котором вся ответственность, и "обществу", неуловимому и изменчивому в своих настроениях. В виду того, что Г. Дума закончила обсуждение всех проектов, связанных с ведением войны, государь поручил Горемыкину, приезжавшему к нему с докладом в Ставку, объявить перерыв думской сессии. Этот акт был в то же время ответом на требование о передаче власти в другие руки.

(Ольденбург II 1992, 176-178; Радзинский 1993, 187.)

В начале 1916 г. перед государем стоял вопрос: какой политики держаться в отношении Г. Думы? Положение власти было несравненно крепче, чем осенью. Она могла, не рискуя крупными осложнениями, отложить созыв Г. Думы до окончания войны. Чрезвычайные обстоятельства небывалой по своим размерам войны оправдывали бы такое отступление от обычных законных норм. Срок полномочий IV-й Думы истекал через полтора года; данный состав в таком случае мог бы уже и не собираться более; а исход выборов в новую Думу зависел бы всецело от исхода войны.

Но государь не был склонен к такому решению. Он предпочитал средний путь. Считая исключенной передачу власти в руки думского большинства, - которое он, в полном согласии с оценкой "общества" в известной записке Дурново, вообще не считал реальной силой, способной оказать поддержку правительству, - государь, в то же время, не хотел обострять положения, создавать новые поводы для агитации в стране. Сам Горемыкин полагал, что думскую сессию - если она вообще состоится - надо свести к нескольким дням и ограничить рассмотрением бюджета. Государь, наоборот, решил сделать шаг навстречу Думе и, не меняя политики по существу, "сгладить острые углы".

(Ольденбург II 1992, 186.)

Весь 1916 год – до гибели империи – идет министерская чехарда. Горемыкин, Штюрмер, Трепов, Голицын сменяют друг друга во главе правительства.

Так он пытался найти фигуру, которая примирила бы его с Думой. Он не хотел признать, что эту фигуру найти невозможно. Нужна была не новая фигура – нужен был новый принцип: министерство, ответственное перед Думой. Этого требовала Дума, но ему это казалось возвращением страшного 1905 года.

Фигура Протопопова (председатель русской парламентской делегации) показалась Николаю удачной. Он пользовался авторитетом в Думе. Совсем недавно Протопопов был в Англии во главе думской делегации и имел там большой успех. Казалось, найден человек, который примирит Николая с Думой.

Протопопов был видным членом блока и вообще знаменательный мужчина. С его помощью Царь пробовал получить свою власть обратно. Но это не удалось. Народ получил, что хотел, и у него не было намерение расстаться с этим. Другие члены блока на связь с народами, у них не было возможности на противоречие.

Николай уже раз потерял свою власть, и он не получил бы это обратно. Уже видели пролог с отречением царя от престола, и продолжение следует утром 25 февраля, когда председатель Думы Родзянко поехал к премьер – министру Голицыну (в 1916 г. он был назначен премьер-министром, очередным премьером в этой бесконечной министерской чехарде.) и потребовал его отставки. Обиженный Голицын показал ему заготовленный указ о роспуске Думы.

Указ был подписан царем заранее, и Голицын мог воспользоваться им в любое время... Но и Голицын и Родзянко понимают, что Дума не подчинится – ибо власти правительства больше не существует.

На улицах бегающие граждане уже кричали "Ура республика!".

Армия, народ и государственный аппарат уже перестали слушать инструкций царя. И если уже не слушают главу государства, может быть это лучше закончить...

(Радзинский 1993, 184/209; Ольденбург II 1992, 201-202.)

5.3 Николай Второй как военный деятель

Если сравнение Николая Второго с Петром Первым было целью моей работы, эта была бы короткая, потому что это невозможно. Петр Первый за свое царствование сделал многое иначе, чем Николай II. И особенно, если говорить о армии и флоте.

Петр Первый основал для прикрытия себе и стране многочисленную армию, и для ужаса моря хорошо действующий флот. Они были такие действующие и твердые, что они выдержали многие войны по капризу преемников.

Даже не надо говорить, что той дисциплиной, которой армия и флот были основаны, они могли бы и продолжаться. Кроткохарактерный Николай не был способным на это.

Александр III имел прозвище "Миротворец". Он избегал войн, но над обществом прежней громадой высилась армия. Армия, которой всегда была сильна Россия. "Не законами, не цивилизацией, но армией" – так писал граф Витте. "Россия – государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвание его – быть грозой света", – написано было в учебнике для кадетских корпусов. Армия – это прежде всего послушание и исполнительность. И оба эти качества, уже бывшие в робком юноше, губительно разовьет армия.... (Радзинский 1993, 26.)

Хотя Николай II получил военную подготовку, его считали только символическим руководителем. В кругу военных также правительство не считали заслуживающим уважения:

" Однажды он заснул в землянке, где о нем не знали, и слышал солдатский разговор:
– Начальство пора менять. И чего царь – батюшка смотрит? – пора их в шею гнать.
Их! – это ясно отделялось в солдатском сознании. И страшно то, что о н и не придуманы были, а существовали – возвышенный, правящий, нажиревший, забывшийся, дремлющий слой. Они умудрялись плавать как-то над войной, позабыв, не сознавая свою жгучую ответственность. Им – послана была военная реформа после японской, они ее отбросили. Им послан был Столыпин; человек великого напряжения и дела, – они его отвергли, свергли, дали убить. (А если бы сегодня все было в твердых столыпинских руках – то и не было бы этой войны или не так бы она велась.) Им послано было – не с такой без-

дарностью, не с такой закислотой вести эту войну, дать же свежему ветру продуть генеральские шеренги! В германской армии задолго до войны держался бесстрашный порядок новогодних синих конвертов: отставка старшего офицера по непригодности. А у нас - непригодных нет! И все непробудно тупое, нерасчистимое, неубираемое, все безответственное, самодовольное и живущее лишь для себя, - все цеплялось за Верховного Главнокомандующего, за его необдуманную милость, его невзвешенную ласку. Но так, неизбежно, от них мысль всегда возносилась к Нему.

А он - что чувствует от всех этих наших жерств? Ему - еще более было послано: вообще не вмешиваться в европейское галдежное безумие, вообще не окутаться в эту войну, но оставить Россию неподвижной глыбой над разодраным континентом! А он - бултыхнул в войну миллионы захлебнувшихся Иванов.

Если он верит в рисованного мужика, то перед рисованным, полусвятым - тем больше должна быть его ответственность!

И это взятие поста Верховного, зная, что сам ничем не руководит, оставить в Петрограде министерский сумбур и беспомощно курсировать между Ставкой и Царским Селом, или хуже - снова по войсковым смотрам? Что может быть досадливее войсковых смотров в боевое время? Воротынцеву стыдно было за царя, как если б сам он придумывал эти смотры, чтоб оторвать воюющих людей от отдыха во второй линии, сгонять вместе по несколько полков, а то еще и из окопов вытаскивают черных, измученных, наскоро чистят, моют, муштруют последнюю ночь, - и все для того, чтобы прогнать перед высочайшими очами церемониальным маршем, выслушать рапорты и произвести несколько фотографий, да каждый раз в чьей-нибудь новой полковой форме (и ходи уж в простом защитном!). Объезжая ряды верхом - с лошади какие-то никого не трогающие слова. В его обращениях к армии - ни крылатых выражений, ни государственной мощи, так, полковой праздник. И в газетах всегда: "нескончаемое громовое ура провожало обожаемого монарха". А уже создатель на фронте поверье, что его наезды приносят несчастье." (Солженицын 1993, 143-144.)

5.3.1. Японская война и революция в 1905 г.

С тех дней, когда Петр Великий прорубал "окно в Европу", ни одна война не была в такой мере борьбой за будущее России, как русско-японская война. Решался вопрос о выходе к незамерзающим морям, о русском преобладании в огромной части света, о почти незаселенных земельных просторах Манчжурии.

Иначе, как поставив крест над всем своим будущим в Азии, Россия от этой борьбы уклониться не могла. О "двух несогласимых судьбах" говорит американский летописец русско-японской войны,

Тайлер: "Россия, - пишет он - должна была прочно утвердиться на

Печилийском заливе и найти свой естественный выход в его свободных гаванях, иначе все труды и жертвы долгих лет оказались бы бесплодными и великая сибирская империя осталась бы только гиганским тупиком”.

(Ольденбург I 1992, 226-227.)

Так в 1904 году началась первая Николая II война – русско-японская. Сын “Миротворца”, так ненавидевший войну, решает воевать. Впоследствии Витте вспоминал: Николая толкали на захваты земель в Манчжурии, уговаривали, что маленькая Япония никогда не осмелится напасть на Россию.

Государь в полной мере сознавал все историческое значение “большой азиатской программы”. Он верил в русское будущее в Азии и последовательно, упорно прокладывал пути, “прорубал окно на океан” для Российской Империи. Преодолевая сопротивление и в своем ближайшем окружении, и в сложной международной обстановке, Император Николай II на рубеже XX-го века был главным носителем идеи имперского величия России.

Государь не любил войну; он даже готов был отказаться от многого, если бы этой ценой действительно удалось достигнуть “мира во всем мире”. Но он также знал, что политика капитуляций и “свертывания” далеко не всегда предотвращает войну.

С давних пор – еще с 1895 г., если не раньше – Государь предвидел возможность столкновения с Японией за преобладание на Дальнем Востоке. Он готовился к этой борьбе, как в дипломатическом, так и в военном отношении. И сделано было не мало: соглашением с Австрией и восстановлением “добрососедских” отношений с Германией, Россия себе обеспечивала тыл. Постройка Сибирской дороги и усиление флота давали ей материальную возможность борьбы. Япония, в то же время, готовилась к этой борьбе с отчаянной энергией. Престиж неодолимой силы европейских держав стоял в то время очень высоко. Япония быстро усваивала европейскую технику и многие внешние формы: старалась заручиться поддержкой среди “белых”, приравливаясь умело к их понятиям.

Значительное было увеличение орудий и особенно флота. Он был прямо создан наново, преимущественно на английских верфях; в место флота, который был количественно слабее китайского, или

хотя бы голландского, возникла боевая сила великодержавного масштаба.

(Радзинский 1993, 88; Ольденбург I 1992, 227-228.)

Витте и мать государя знали о силах Японии и пробовали объяснить Николаю опасность ситуации. Николай соглашается и предлагает Витте составить проект урегулирования отношений с Японией. Царь уезжает в Польшу, в охотничий замок, и пока он там убивает диких зверей, готовится убийство людей!

Витте составляет проект, который исчезает в недрах архива.

Переговоры с Японией, за которые ратовали мать и Витте, провалены.

Из дневника Николая:

"26 января 1904 года... В 8 часов поехал в театр – шла "Русалка".

Очень хорошо. Вернувшись домой, получил от Алексева телеграмму с известием, что этой ночью Японские миноносцы произвели атаку на стоявших на рейде "Цесаревича", "Палладу" и т.д. и причинили пробоины. Это без объявления войны?! Да будет Бог нам в помощь!"

"27 января. Утром пришла телеграмма о бомбардировке Порт-Артура. Всюду проявления единодушного подъема духа".

Спокойные записи. Его уверили – японцы воевать не умеют. И его министры спорят: сколько японских солдат стоят одного русского солдата – два или полтора.

Из дневника Николая ясно видят, что от государя скрывали дела о войне. Только самые серьезные дела сообщили, напр.: когда брон.

"Петропавловск" наткнулся на мину, причем погибли адм. Макаров, большинство офицеров и команды.

Но больше чем раз в дневнике было написано: из Порт-Артура известия спокойные; известий с востока не было.

(Радзинский 1993, 88; Дневник Император Николая II 1991, 139-149.)

Итак, как я уже говорила, Витте думал, что "Николая толкали на захваты земель в Маньчжурии". Но кто скрывался за этим безликим – "толкали"?

Когда министр внутренних дел Плеве погибнет от бомбы, в его архиве обнаружат копии всех бумаг, касавшихся Дальнего Востока.

"Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война". Такова была фраза министра Плеве, сказанная накануне войны одному из сановников. **"Нам нужна..."** Но кому?

И так рассказывает Вера Леонидовна Юрьева, которая была театральная звезда начала века: **"Мой тогдашний друг.... он был очень близок к графу Витте. И он доказывал, что множество событий, случившихся в царствование Николая, связаны с тайными действиями "Камарильи". "Камарилья" в России – это вырождающиеся знатнейшие фамилии. Они боялись потерять богатство и власть, ненавидели новое время – этот непонятный капитализм. Именно они составляли ближайшее окружение Николая и Александры. Мой друг считал, что в России, как во всякой стране, где существуют вековые традиции консерватизма, давно сложился тайный союз крайне правых, то есть "камарильи", с секретной полицией.**

В то время (в начале XX-ого века), говорил мой друг, "камарилья" и тайная полиция провели целую серию опасных интриг. Одной из них и была японская война...."

Война началась – и тотчас сработало вечное правило российской бюрократии: когда замышляется нечто хитроумное, результат будет прямо противоположным. Война, затеянная чтобы предотвратить революцию, – разбудила ее.

(Радзинский 1993, 89-90.)

Война, которая должна по министрам приближать народ к царю, нанесла ущерб и той и другой стороне. Японцы именно выиграли войну и привели к большим поражениям Россию. Народ устал от страдания и голода. Обыкновенный народ начинал настаивать на своем праве. Проигранную войну вспоминали еще, когда революция уже стучалась в дверь.

Под народным углом зрения ситуация, которая преобладала в России в 1904-1905 гг., была хуже, чем раньше. И хотя обещали улучшения, они не пришли. И такая большая толпа народа идет за изменение своих прав, из этого ничего не может следовать кроме катастрофы – революции.

Революция в 1905 г. началась с таинственного события, известного под названием "Кровавое воскресенье".

В 1905 году в Петербурге, в среде зубатовских рабочих союзов, проявляется священник Гапон! В эти трудные годы военных поражений и оскудения Гапон призывает рабочих пойти к царю с петицией, рассказать о бедствиях простых людей, о притеснениях фабрикантов.

Идея о походе к Зимнему Дворцу принадлежала Гапону и его окружению, а петицию помогали составлять социал-демократы. Уже из этого видно, что не могло быть речи о "порыве народа к своему царю". Содержание петиции достаточно ясно об этом свидетельствовало. Примитивная демагогия Гапона служила в ней предисловием к весьма определенным социал-демократическим лозунгам. Она начиналась понятными всякому рабочему словами о том, как тяжело живется трудящимся.

Допустить манифестации значило капитулировать без борьбы. И Департамент полиции знал это. Он отлично осведомлен о верно-подданных настроениях шествия. Ибо устраивающий эту демонстрацию Гапон – агент этого Департамента. Тем не менее, спецслужба начинает пугать царя. Из полиции ползут слухи: во время манифестации произойдут кровавые беспорядки, подготовленные революционерами. Возможен захват дворца. Великий князь Владимир, командующий петербургским гарнизоном, напоминает о событиях начала Французской революции. И Николай уезжает в Царское Село.

В ночь шествия в казармах начинают раздавать патроны.

Единственным способом помешать толпе овладеть центром города была установка кордона из войск на всех главных путях, ведущих из рабочих кварталов ко дворцу.

(Радзинский 1993, 94-95; Ольденбург I 1992, 264-265.)

9 января, с утра рабочие шествия выступили из отделов общества, с расчетом, чтобы сойтись к двум часам у Зимнего Дворца. Некоторые шествия представляли собою толпу в несколько десятков тысяч человек: всего в них участвовало до трехсот тысяч. Плывут над толпой царские портреты, в толпе множество детей! Впереди Гапон. На подступах к площади ждут войска. Шествию приказывают расходиться. Но люди не желают – Гапон обещал: царь их ждет. И они вступают на площадь... Раздались выстрелы. Убито

более тысячи, ранено – две тысячи... Детские трупы на снегу... Днем по городу разъезжают сани – в санях мертвецы, связанные веревками.

В Царском Селе Николаю доложили, что он избавился от смертельной опасности, что войска должны были стрелять, защищая дворец, в результате были жертвы – двести человек.

Так была создана полицейская версия события и официальные цифры для царя.

Так, следует верить официальным бумагам. Но это опять проявление того, что Николаю не рассказывали всю правду.

Из дневника Николая:

”6-ого января. Четверг. До 9 час поехали в город. В 10 ½ пошел в залы здороваться с войсками. До 11 ч. тронулись к церкви. Служба продолжалась полтора часа. Вышли к Иордани в пальто. Во время салюта одно из орудий моей 1-конной батареи выстрелило картечью с Васильевского острова и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городовой был ранен.

В 4 часа уехали в Царское.”

”8-ого января. Суббота. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120.000 чел. Во главе союза какой-то священник- социалист Гапон.”

”9-ого января. Воскресенье. Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего Дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!”

”10-го января. Понедельник. Сегодня особых происшествий в городе не было.”

”11-ого января. Вторник. Днем особых беспорядков в городе не было.”

”12-ого января. Среда. День относительно прошел спокойно, были попытки на нескольких фабриках стать на работу.”

Во всяком случае из записи дневника не явствует, что Николай хотел бы выяснить дела, или что он хотел бы знать, что собствен-

но случилось. Но может быть здесь и есть все, что рассказывали ему; несмотря на вопросы он не получил лучшего ответа.

Он так и не понял, что произошло....

В то утро был создан его новый образ – "Николай Кровавый".

Отныне так он будет именоваться революционерами.

(Ольденбург I 1992, 266; Радзинский 1993, 95-96; Дневник Императора Николая II 1991, 208-209.)

К осени 1905 года революционное движение достигло крайнего напряжения. Крупные события начались неожиданно и развернулись крайне быстро. 7 октября забастовали служащие Московско-Казанской железной дороги. На следующий день встали Ярославская и др. дороги. Забастовщики валили телеграфные столбы, чтобы остановить движение там, где находились желающие работать.

10 октября встала Николаевская дорога: Москва была отрезана от внешнего мира. Движение останавливалось и в провинции. Того же 10 октября в Москве была объявлена всеобщая забастовка.

Как только начались забастовки, Витте поручил своему постоянному сотруднику Гурлянду составить программную записку. Эта записка (от 9 октября) разумеется сильно отличалась от "Самодержавия и земства".

Витте передал государю свою записку 10 октября. Всеобщая забастовка, между тем, захватила и Петербург. Паралич путей сообщения распространялся на всю Россию. В Москве не действовал водопровод, закрылись аптеки, не работали городские бойни. Все новые группы населения бросались в водоворот забастовки. Даже ученики средних учебных заведений отказывались заниматься, устраивали уличные шествия.

(Ольденбург I 1992, 308-309.)

Еще летом 1905 года, когда рост революции яростно продолжался, внешне цеплявшийся за "правых" царь делает неожиданный ход. В июне президент США Рузвельт предлагает свои услуги – помочь России и Японии прийти к миру. Царь отправляет в Америку... либерала Витте! Хотя все боялись, Витте заключил мир. И на условиях, лучших в этих обстоятельствах. В это время у царя осталось два пути: провозгласить Николая Николаевича военным диктато-

ром (и самому постепенно уйти со сцены – на что, видимо, рассчитывала "камарилья") или решиться на то, против чего завещал бороться отец, – реформы и конституция.

Этот путь предложил ему вернувшийся Витте.

"Россия переросла формы существующего государственного устройства... Пока еще есть возможность – надо даровать конституцию, иначе народ вырвет ее..."

У Николая хватило гибкости – он согласился на конституцию. 17 октября манифест был подписан.

"Почти все, к кому я обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода нет", писал государь, называя свой шаг "страшным решением", которое он "тем не менее принял совершенно сознательно". – "После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, усьмири Россию".

(Радзинский 1993, 106; Ольденбург I 1992, 313.)

Во всей провинции манифест произвел огромное впечатление.

Вдали от столицы, революционеры приняли его за полную капитуляцию власти, тогда как в широкой массе преобладало ощущение: слава Богу, теперь конец забастовкам и смута, – "Царь дал свободу", более ничего требовать. Эту свободу понимали по-разному, представляли себе весьма туманно; но народные толпы, вышедшие на улицу с царскими портретами и национальными флагами праздновали издание манифеста, а не протестовали против него.

18 октября в Петербурге состоялись демонстрации двух видов, – с национальными и с красными флагами, и дело доходило до драки. В Москве, где революционная волна уже шла на убыль, забастовщики обрадовались благовидному предлогу прекратить борьбу.

Но в провинции почти везде картина была одна и та же: в Киеве, в Кременчуге, в Одессе и т.д. 18 октября происходили революционные демонстрации: люди с красными флагами праздновали свою победу, поносили власть, рвали царские портреты в городских зданиях, призывали народ к дальнейшей борьбе.

Манифест 17 октября создал совершенно новое положение. Он раздробил единый революционный поток на отдельные, порою сталки-

вающиеся струи; он пробудил народные силы, верные Царской власти, воочию показав им, насколько положение серьезно. В момент его издания, даже справа его критиковали только очень немногие.

(Ольденбург I 1992, 315-319.)

В ноябре взбунтовалась вторая столица. Строили баррикады в Москве. Переворачивали трамваи. Николай почувствовал злобу обманутого. Он дал им конституцию, он перешагнул через себя... И в ответ все продолжалось! (Радзинский 1993, 109.)

Третья всеобщая забастовка началась в назначенный срок 8-го декабря, но сразу же обозначилась не успехом. Многие железные дороги прямо отказались к ней примкнуться. В Петербурге бастовала только незначительная часть рабочих.

Все дороги московского узла забастовали, и революционные партии, собравшие в Москве около двух тысяч вооруженных дружинников, решили продолжать выступление по намеченному плану.

Задачей было добиться перехода войск на сторону революции. Но выступление начиналось в атмосфере народного равнодушия: не чувствовалось ни малейшей "психологической заразы". Штаб боевых дружин поэтому решил повести партизанскую войну на территории старой столицы.

Расчет был таков: солдаты будут стрелять, попадая не в скрывшихся дружинников, а в мирное население; это озлобит его, и побудит примкнуть к восстанию.

По всему городу строились баррикады – по большей части из опрокинутых саней или телег, и выломанных ворот, с фундаментом из снега. Баррикад было много, но их вообще не защищали; они должны были только задерживать движение войск, и облегчать возможность обстрела из окон.

Такая тактика позволяла вести борьбу, почти не неся потерь: дружинники стреляли в войска и тотчас скрывались в лабиринте внутренних дворов. Они подстреливали отдельных городовых, стоявших на посту. Власти не сразу справились с этой формой борьбы.

Восстание не разгоралось, но и партизанская война не прекращалась. Она тянулась с 9-го до 18-го декабря. За десять дней борьбы, общее число убитых и раненых не превысило двух тысяч.

(Ольденбург I 1992, 330-332.)

Всеобщая забастовка кончилась фактически раньше прекращения борьбы в Москве. 19 декабря еще вспыхнуло восстание в Ростов-на-Дону, но через два дня и оно было подавлено.

На Рождество Николай пишет письмо матери, обычное нежное письмо доброго Ники, но в нем уже и – пролитая кровь. Он все больше привыкает к крови:

”22 декабря. Милая дорогая мама! Все мои молитвы за тебя будут особенно горячими в дни праздника... Очень грустно будет эту елку проводить без тебя. Она бывала такой уютной в Гатчине наверху... В Москве, как ты знаешь, слава Богу, мятеж подавлен благодаря верности и стойкости наших войск... Потери революционеров огромные, но точные сведения трудно получить, так как много убитых сгорело, а раненых они уносили и прятали...”.

(Ольденбург I 1992, 332; Радзинский 1993, 109.)

В дни замирания революции Аликс внушает ему – со всей своей верой и страстью – злонамеренность Витте. Манифест ни к чему не привел, недаром после него продолжались восстания... Великие тени стояли за его спиной – его предки Романовы и небесный покровитель – Серафим Саровский. Они вместе с ним и подавили революцию, а не жалкий манифест, который в дни тяжких бедствий заставили его подписать...

Витте – ставленник вдовствующей императрицы. И борясь с ним, Аликс отстраняла от власти прежнюю императрицу, навсегда.

(Радзинский 1993, 109.)

Какой был Верховный Главнокомандующий, который слушал свою мать и потом жену? Могут ли считать ответственным такого человека, который боится действительности; который не смеет выяснять дела?

В 1905 году в России произошло много: была война против Японии, от которой следовала революция. Народ страдал от ситуации, и

что хуже всего высшие чиновники неправильно читали мысли и надежды народа. Но что делает царь? В самом начале японской войны он проводил свое время за границей или когда революция начиналась он убежал из города в деревню, когда он мог бы остаться в городе и выяснить дела, действительность. Другая сторона в этом деле: мог бы Николай сделать что-нибудь, если он был бы на месте. Вероятно события 9 января 1905 г. знали бы во всяком случае везде как "кровавое воскресенье".

Сам царь не мог помешать движениям слухов и от них следовала осторожность со стороны высших чиновников и армии.

5.3.2. Первая мировая война и революция в 1917 г.

1914 г. 15 июня в боснийском городе Сараево были убиты выстрелами из револьвера австро-венгерский престолонаследник эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена. В Сараеве, наводненном сербскими националистами, карета почему-то медленно ехала без всякой охраны. Как мишень... Убийца – сербский националист Гавриил Принцип. На языке тогдашних политиков событие это означало: война.

В июле 1914 г. броненосец "Франция" с президентом Франции Пуанкаре на борту, подошел к русским берегам. Президент приехал договариваться о союзе в будущей войне.

Все уже знали это: приезд президента означал войну.

(Радзинский 1993, 153-154.)

15 июля 1914 г. Австрия объявила Сербии войну: в тот же день русское правительство решило объявить мобилизацию четырех военных округов (приблизительно половины армии). Желая до последней возможности не порывать с Германией, государь считал, что мобилизация должна коснуться тех войск, которые сосредотачиваются на австрийской границе.

Государь не сразу согласился на общую мобилизацию: весь день 17-ого июля он еще настаивал на проведении частичной. Как представитель военного ведомства, так и министр иностранных дел не-

сколько раз обращались к нему с настойчивыми уговорами. К вечеру 17-ого государь, наконец, согласился на замену частичной мобилизации общей.

Верховным Главнокомандующим был назначен Великий князь Николай Николаевич, командующий войсками С. Петербургского военного округа. Государь сам предполагал стать во главе армии; закон о полевом управлении войсками был составлен в предвидении, что Верховным Главнокомандующим будет сам Император. На заседании Совета Министров, однако, почти все высказались за назначение другого лица – имелось два кандидата, военный министр, В. А. Сухомлинов, и Великий князь, и выбор государя остановился на втором.

Из дневника Николая:

”19 июля. После завтрака вызвал Николашу и объявил о его назначении Верховным Главнокомандующим впредь до моего приезда в армию... В 6.30 поехал ко Всеночной. По возвращении оттуда узнал, что Германия объявила нам войну”.

Объявления войны следовали одно за другим: 19 июля Германия объявила России; 21 июля она объявила войну Франции, так как по военно-техническим соображениям она не могла далее задерживать свое наступление, а выполнение Францией союзного долга для нее сомнений не представляло. Тот факт, что Германия в обоих случаях первая объявила войну, дал Италии формальное основание уклониться от выполнения военного договора; германское правительство, правда, пыталось внушить Италии, будто русские войска первыми переступили границу Германии без объявления войны, но Италия этих доводов не приняла.

В ночь с 22 на 23 июля Англия объявила Германии войну.

Австро-Венгрия медлила несколько дней, с очевидным расчетом, что Россия сама ей объявит войну и что это создаст законный CASUS BELLI для Италии; но Россия торопиться не стала, и Австрии пришлось самой объявить войну (24 июля), чтобы не отстать от своей союзницы в развитии военных операций.

Из дневника Николая:

”24 июля. Австрия наконец объявила нам войну. Теперь положение совершенно определено”.

Война начиналась в условиях, весьма благоприятных для держав Согласия: к России, Франции и Сербии присоединилась Англия и (с 11 августа) ей союзница Япония, тогда как Германия и Австро-Венгрия не встретили поддержки ни со стороны Италии, ни со стороны Румынии (где коронный совет, вопреки мнению короля Карла I, высказался за нейтралитет); нейтральной осталась и Швеция, на которую в Германии возлагали большие надежды.

(Ольденбург II 1939, 145-148; Радзинский 1993, 155-156.)

Война уже продолжалась около месяца, когда по предложению английского министра иностранных дел Грея, союзные великие державы подписали договор о незаключении сепаратного мира. Между Россией и Францией такое обязательство уже существовало на основе старого союзного договора.

"Российское, английское и французское правительство взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны" – гласила декларация 23 августа 1914 г. "Все три правительства соглашаются в том, что, когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить условий мира без предварительного соглашения с каждым из остальных союзников."

(Ольденбург II 1939, 153-154.)

Русский флот в Балтийском море, которым командовал адм. Эссен, был настолько численно слабее германского, что о наступательных операциях думать не приходилось. Но и германский флот, который был заметно слабее английского, не пытался предпринимать набегов в русские воды, не желая рисковать потерей нескольких крупных боевых единиц. Боевые действия ограничивались с обеих сторон встречами небольших судов.

Иное положение было на Черном море. Два германских новейших судна избежали погони английского и французского флота, укryвшись в Дарданеллах. Турция сначала интернировала их, как полагалось, но вслед за тем было объявлено, что эти суда продаются турецкому правительству, фиктивность этой продажи была ясна, хотя бы из того, что на судах остались германские экипажи.

Россия строила три судна на Черном море, но ни одно из них еще не было готово; черноморский флот состоял из устаревших судов. Возможность иметь хотя бы временный перевес в Черном море, вместе с расчетами на мусульманские восстания на Кавказе, побудила турецкие военные круги пойти на риск выступления против России.

(Ольденбург II 1939, 155.)

С самого начала войны, возложив на Великого князя Николая Николаевича командование армией, государь сознательно воздерживался от непосредственного вмешательства в ход военных действий, чтобы избежать тени двоевластия. Он несколько раз выезжал в Ставку для ознакомления с положением на месте. Он устраивал смотры войскам отправляемым на фронт. Посещал он и некоторые участки фронта – напр., крепость Осовец, отразившую несколько вражеских атак. Но управление боевыми операциями оставалось в руках Великого князя, который приобрел в армии и в стране огромную популярность. Возникали даже толки, что роль Великого князя Николая Николаевича в происходящих событиях порождает "бонапартовские настроения". Известную "ревность" испытывала и государыня, не раз упоминавшая в своих письмах государю, что Великий князь, в своих обращениях к армии и к обществу, принимает тон, который причествует только монарху. (Ольденбург II 1939, 166.)

Однако, государь был уверен в преданности Верховного Главнокомандующего и пока положение на фронте не стало угрожающим, отклонял все предложения о более активном вмешательстве в руководство военными действиями. Но когда фронт в Галиции был прорван, государь 5 мая приехал в Ставку и оставался там более недели. "Мог ли я уехать отсюда при таких тяжелых обстоятельствах?" – писал он государыне, – "это было бы понято так, что я избегаю оставаться с армией в серьезные моменты". (Ольденбург II 1939, 166-167.)

Значит царь сам начал понимать, что хотя он не мог бы помочь войне, он был каким-то символическим стимулом для солдат. Его требовали на фронте, он не мог уйти от ответственности!

В это время поражения на фронте заставили искать козлов отпущения. Выход был найден: шпионы. Началась настоящая шпиономания. Сначала захотели сделать шпионами евреев. Военно-полевой суд в Двинске повесил нескольких "за шпионаж". Впоследствии выяснилось: они невиновны и были посмертно оправданы. Но к тому времени великий князь Николай Николаевич уже создал иной план: Главнокомандующий решил поохотиться на дичь куда покрупнее. Возникает знаменитое дело немецкого шпиона полковника Мясоедова. При помощи показаний Мясоедова Николаша добирается до главного своего недруга – военного министра Сухомлинова. В июне он уже отстранен от должности. От него через его жену шла ниточка к "нашему Другу". И значит – к Аликс! "Немка – шпионка" – куда проще!

Теперь следствие по делу о шпионах подобралось к окружению Распутина. Был ли действительно Распутин немецким шпионом? Конечно, нет, думала Аликс. Распутин преданно служил семье. Но у него была проблема: Аликс все время требовала новых предсказаний, и он не мог в них ошибаться. Поэтому в квартире Распутина на Гороховой фактически существовал его мозговой центр: ловкие дельцы, промышленники – "умные люди"... Он делился с ними военной информацией, которая поступала от царицы, с ними ее обсуждал. После чего хитрец смекал, каким должно быть очередное его пророчество... И конечно же, кто-то из этих "умных" мог представлять на Гороховой немецкую разведку.

(Радзинский 1993, 170-172; Ольденбург II 1939, 167.)

Слухи о характере царицы, или скорее о слабости характера, простирались уже на слои (ряды) народа. Отчаянный народ пробовал искать виноватых в войне, и с Распутина взгляды направили тоже на царицу. Царица тоже не получила бонус от того, что она намеревалась, как и мать царя, взяться за ручку власти и обходить своего мужа в принятии решений.

Так ситуацию видел фронтовик-полковник Воротынец в книге Солженицына:

" А больше всего недовольства было против царицы, ее ругали уже совсем нестесненно, беспощадно. Что царица "развела мерзкую распутинчину", офицеры бросали настолько открыто, что слышали рядовые. Сам-то Воротынец ни минуты не верил ни что она живет с Рас-

путиним, ни что творит государственную измену (увер-
яли, что это она навела немецкую подводную лодку на
корабль Китченера, и что открывала немцам планы на-
ших наступлений), – подозревал здесь общечеловеческое:
на загадочные, недоступные личности наговаривают из-
дали невозможное. Теряют и разносят всегда самый
грубый, пошлый вариант.

Но даже если была верна одна восьмая из того, что го-
ворили!

Распутинство – как направление государственной жизни?
Чтобы какой-то кудесник подобрался к кормилу власти и
участвовал в назначении министров? Распутинский уро-
вень государственных свершений – оскорблял.

Но вот что: среди грязных слухов об императрице пере-
давали и такой: что она ведет с немцами тайные пере-
говоры к сепаратному миру!

Передавали это крайне осудительно, а Воротынцев чуть
не задохнулся: да умница бы была! И – правдоподобно:
кому как не ей, русской царице немецкой крови, двоиться
и муками исходить от этой войны? И – перспективно:
единодушно всем было видно издали, что в царской чете
она – ведущая, властная, так все и понимали. Так что
задумает – она и склонит Государя! Так это обнадежная
линия?

И с новым чувством всматривался Воротынцев в портрет
царицы. Не отказать в воле, в решительности – да, пожа-
луй, и в уме. Она – сосредоточенно знает свое. Да, умница
бы была!...”

(Солженицын 1993, 145-146.)

**Аликс боялась настоящей ситуации: легковверный Николай мог бы
поверить сомнениям, которые главнокомандующий предъявлял.**

**Действительно, Верховный предъявил царю длинный доклад. Ог-
ромный и яростный Николаша кричал в раскаленном вагоне... Вна-
чале все его обвинения были хорошо знакомы царю: распутство и
кутежи "Друга" и т.д. Но дальше речь Главнокомандующего стала
страшной: в доме Распутина толкуются немецкие агенты, все, что
делается в Ставке, через доверчивую Государыню становится изве-
стным в квартире на Гороховой – и потом....**

**– Я никогда ничего об этом не знал... Я не мог даже предполагать,
– растерянно повторял царь.**

**И тогда Николаша предложил привезти в Ставку Александру Фе-
доровну – показать ей доклад. И покончить с "нашим Другом", "ре-
шить дело по-семейному" – здесь, в Ставке! Николай согласился.**

**Сейчас он хотел только одного: вырваться из этого поезда – и до-
мой, в Царское. В дороге, успокоившись, он понял: все это эмоции,
предположения, никаких реальных доказательств измены Распути-
на нет. Только знакомые рассказы о беспутстве "Друга".**

Верховный потребует убрать Распутина. И, возможно, – самых суровых мер к самой Аликс, зная, что Николай никогда не согласится на это. Но уже давно затевалось убийство Распутина.

Большая Романовская Семья видела в этом единственный способ спасти династию. И "Святой черт" об этом знал. Головоломная интрига удалась. В интриге участвовали князь Дмитрий и Владимир Пуришкевич (член Думы). Распутин был убит 17.12.1916.

(Радзинский 1993, 173-175/193-194.)

Россия понесла большие убытки на фронте; отсюда следует, что в августе 1915 г. государь принял решение – стать во главе своих войск. Так он принял решение, которое обществу показалось совершенно безумным.

По Петрограду поползли ужасные слухи: царь смещает Николашу и сам становится Верховным Главнокомандующим. Это был шок. Николай Николаевич, с его авторитетом, популярностью в армии, – и слабый царь.

Мать государя поняла: это катастрофа. В истории не было примера со времен Петра I, чтобы цари сами становились во главе своих армий. Все попытки к этому, как при Александре I в 1812 г., так и при Александре II, дали скорее печальный результат...

И так он пишет в своем дневнике:

"25.08.15... Благодарение Богу, все прошло – и вот я с этой новой ответственностью на моих плечах... Но да исполнится Воля Божья..."

(Ольденбург II 1992, 170; Радзинский 1993, 175-176.)

Так министры принимали решение государя:

" Щербатов (внутренних дел): Именно теперь, в самый неблагоприятный момент! Рост революционных настроений. В письмах, полученных через военную цензуру, во многом винят самого государя. А великий князь, несмотря на все, происходящее на фронте, не потерял своей популярности, и пользуется благорасположением среди думцев за свое отношение к общественным организациям!...

... Горемыкин (царедворец): Я не считал для себя возможным разглашать то, что государь повелел мне хранить в тайне. Я сейчас говорю об этом лишь потому, что военный министр счел возможным нарушить тайну и предать ее огласке без соизволения Его Величества. Я человек старой школы, для меня Высочайшее повеление – закон. Должен сказать, что вы никаким доводами не убедите государя отказаться от задуманного им шага. В данном решении не играют роли, ни чьи-либо влияния. Оно подсказано сознанием Царского долга. Я так же просил отложить

это решение до более благоприятной обстановки. Но государь, отлично понимая риск, не хочет отказаться. Нам остается склониться перед волей нашего царя и помочь ему.

Сазонов (иностранных дел): Бывают обстоятельства, когда обязанность верноподданного настаивать перед царем. Надо учитывать и то, что увольнение великого князя произведет крайне неблагоприятное впечатление на наших союзников, которые в него верят. Нельзя скрывать и того, что за границей мало верят в твердость характера государя и боятся окружающих его влияний.

Кривошеин (министр земледелия): Вполне соответствует душевному складу государя и мистическому пониманию Своего царского призвания. Но абсолютно неподходящий момент. И правительство поставлено пред решено перед актом такой величайшей исторической важности. Ставится ребром судьба России и всего мира. Протестовать, умолять, настаивать, просить, удержать Его Величество от бесповоротного шага! Ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой вся сила и будущность России! Народ еще с Холмынки и японской кампании считает государя несчастливym, незадачливым. Напротив, великий князь – это лозунг, вокруг которого объединяются великие надежды. Нужно иметь особенные нервы, чтоб выдерживать все происходящее.

Щербатов: Решение государя будет истолковано как влияние пресловутого Распутина. Об этом влиянии уже идут толки в Государственной Думе, и боюсь, как бы не возник скандал.

Харитонов даже пугал, как бы нервный, впечатлительный, самолюбивый великий князь не оказал из Ставки сопротивления. Поливанов разводил руками: все может быть. Другие отклонили, не поверили.

Барк (финансы): Решение Его Величества ухудшит наш кредит. Царь во главе армии – это наша последняя ставка.

Шаховской (торговли и промышленности): Просить аудиенции всему Совету министров и умолять государя о пересмотре решения....

... А государь уже несколько месяцев готовился к этому решению. Он никогда не мог простить себе, что во время японской войны не поехал стать во главе Действующей армии. Долг царского служения – в момент опасности быть среди войск. В первые дни нынешней войны государь твердо хотел брать на себя Верховное Главнокомандование, но в те дни его отговорила сплотка неголующих министров. А дядя (Николаша), его бывший эскадронный в гусарском полку, стал очень видное лицо в русской армии, и мог пока естественно возглавить ее, – и так был назначен Верховным Главнокомандующим, хотя государыня уже и тогда была против этого назначения. С тех пор государь постоянно сожалел, что не взял на себя своего естественного жребия. Его многочисленные поездки на фронты и смотры полков были попыткой соединиться с армией, хотя бы и помимо Ставки. Он любил свою армию и себя в армии, и ревновал к Николаше. Теперь же, когда на фронте наступила катастрофа, – Николай тем более считал своим священным и мистическим долгом стать во главе войск, вместе с ними победить или погибнуть.”

(Солженицын 1993, 264-267.)

Кажется что Николай был один в своих решениях. Ну, а Горемыкин, двухбородый царедворец и возглавляющий правительство? Или

хотел бы он только занискивать перед царем, чтобы удержать свое место в правительстве?

Решение государя однако не влияло как пожелали. То, что он после всех поражений и неудач хотел быть одним со своей армией, это очень отлично, но почему теперь когда в стране и так ожидалось беспорядки.

Не могут недооценивать Первой Мировой войны, но потому что у армии уже был такой хороший и популярный Главнокомандующий как Николай Николаевич, мог бы царь заинтересоваться и другими делами. Правительство было совсем беспорядочным и условия народа стали хуже и хуже. Требовали только кулака и кнута.

Россия – кулак и кнут... Все это очень старые и очень печальные мысли... Она была права, "многие говорили". Вот монолог русского монархиста: "на западе нас не знают, там не знают, что царизм есть сама Россия. Россию основали цари. И самые жестокие, самые безжалостные были лучшими. Без Ивана Грозного, без Петра Великого, без Николая I не было бы России. Русский народ – самый покорный из всех, когда им сурово повелевают, но он не способен управлять сам собою. Как только у него ослабляют узду, он впадает в анархию. Он нуждается в повелителе, в неограниченном повелителе. Он идет прямо только тогда, когда чувствует над своей головой железный кулак... кнут, мы им обязаны татарам, и это лучшее, что они нам оставили..."

(Радзинский 1993, 207-208.)

Но хотя бы дали кулак и кнут, это едва ли помогло бы. К осени 1916 г. тяготы войны уже ощущались всем населением России. Мобилизация "вычерпала" из страны 15 миллионов взрослых мужчин; не считая 2 с половиной миллионов, которые были заняты работой, необходимой для обороны, на заводах, в шахтах, на железных дорогах и т.д. В сельском хозяйстве начинал ощущаться недостаток рабочих рук.

Продовольственное положение еще оставалось сносным – только армия не испытывала ни на один день затруднений в снабжении, но и в тылу нигде не ощущалось недостатка съестных припасов, – но цены начинали быстро расти, а в населении возникал страх, как

бы зимой не пришлось испытать голод. К июлю – августу 1916 г. рост оптовых цен, против до-военного уровня, достигал. Это отчасти объяснялось ростом количества бумажных денег, но в еще большей мере – своего рода забастовкой деревни. Крестьяне – а им принадлежало семь восьмых русского хлеба – все менее охотно продавали свои продукты: из опасения реквизиции, они начинали прятать зерно, зарывать его в землю.

Такая "забастовка производителей" не имела ничего общего с политическими причинами. Она объяснялась тем, что в стране ощущался товарный голод. Крестьяне, взамен своих продуктов, не могли получить того, что им было нужно.

Вопросы продовольствия и снабжения – уже не только фронта, но и тыла – вызывали оживленные споры. Одни требовали властного государственного вмешательства, введения хлебной монополии. Другие считали, что необходима свобода хозяйственного оборота, иначе продукты вовсе исчезнут с рынка, и твердые цены должны применяться только в отношении казенных заготовок. Некоторые экономисты полагали, что необходимы твердые цены при всех торговых сделках, но что они не должны быть искусственно заниженными, что следует принимать во внимание себестоимость продуктов.

В этот момент, когда солдаты, крестьяне и другие граждане изнывали от голода, потому что споры высших чиновников, солдаты были снабжены другими предметами. Отечественные оружейные заводы работали уже на полную мощность, но этого однако не хватало. Дополнительные объемы добывали из-за границы.

(Ольденбург II 1992, 200-204.)

Осенью 1916 г. в России царил смутная тревога. Главной, быть может, решающей чертой положения была усталость от войны, стихийно разлившаяся в широких массах. Страх перед голодом, скорбь об огромных потерях, безнадежное ощущение "войне не видно конца", все это создавало у людей, далеких от всякой политики, растущее раздражение против власти, которая эту войну вела.

В рабочей среде, в кругах полуинтеллигенции, где социалистические течения были сильны еще до войны, их влияние чрезвычайно воз-

росло; на столичных заводах получила преобладание партия с.-д.-большевиков. (Ольденбург II 1992, 209.)

Народ уже стал более беспокойным и новые "освободительные партии" родились. Следующее мысли министров:

" Шаховской: Вообще сейчас на заводах настроения напряжены до последней степени. Рабочие повсюду ищут измены, предательства, саботажа в пользу немцев, увлечены поисками виновников наших неудач на фронте.

Щербатов: Настроением рабочих пользуется революционная агитация, раздувает в массах патриотическое негодование о нехватке снарядов. Этот вопрос самый модный и в Думе, и в обществе, и в печати. На нем удобно создать почву для беспорядков. Кому-то важно любыми способами вывести толпу на улицу.

Но и снова же, снова тяжело обсуждали, как остановить решение государя, пока оно не объявлено официально.

Самарин: Я был в Москве и не присутствовал на последних заседаниях. Дай Бог, чтоб я ошибся, но я жду от перемены Верховного Главнокомандования грозных последствий. Смена великого князя и вступление государя Императора явится уже не искрой, а целой свечою, брошенной в пороховой погреб. Революционная агитация работает не покладая рук, стараясь всячески подорвать остатки веры в коренные русские устои. И вдруг громом прокатиться весть об устранении единственного лица, с которым связаны чаяния победы. О царе с первых дней царствования сложилось в народе убеждение, что его преследуют несчастья во всех начинаниях. Я хорошо знаю многие местности России и особенно близко Москву и утверждаю, что весть будет встречена как величайшее народное бедствие. Надо на коленях умолять государя не губить свой престол и Россию. Неужели ближайшие слуги царя не могут добиться, чтоб их выслушали? Как же они тогда могут вести государево дело?"

(Солженицын 1993, 270.)

Армия, в которой уже почти не оставалось старых кадров держалась даже не традицией, а тенью традиции. Подавляющее большинство низшего командного состава образовали офицеры военного времени - молодые люди из интеллигенции и полуинтеллигенции, наскоро окончившие военные училища. Но дух воинского устава, дух старой царской армии был крепок, даже тень традиции оказывалась еще достаточной, чтобы поддерживать дисциплину в восьмимиллионной солдатской массе. Число дезертиров, вопреки тревожным слухам, оставалось ничтожным. Случаи неповиновения на фронте были редчайшим исключением. Престиж царской власти в народной массе и в армии еще противостоял явлениям распада. На третьем году Мировой войны Россия держалась "на царском слове". Но в столичной рабочей среде этот престиж уже почти исчез; а общество, вплоть до высших слоев, с самоубийственным рвением работало над разрушением веры в царскую власть, раздувая недоче-

ты, повторяя сплетни и наветы, подавая пример неуважения.
(Ольденбург II 1992, 210.)

За время войны уличные беспорядки были, сравнительно, редки. Сдерживало представление о законах военного времени. Кроме восстания туземцев в Туркестане (летом 1916 г.) и московского анти-немецкого погрома (в мае 1915 г.), с начала войны в России крупных волнений не было. Осенью 1916 г. в Петрограде, во время одной демонстрации в фабричном районе, солдаты одного запасного батальона стали стрелять по казакам, разгонявшим толпу. Но этот инцидент не привлек к себе особого внимания, и в печать – из-за цензуры – вообще не попал.

Между тем в Петрограде и окрестностях к началу 1917 г. скопилась солдатская масса около 200.000 человек. большей частью это были новобранцы, не видавшие огня: имелись также команды выздоравливающих. Предполагалось, что ко времени весеннего наступления, к концу марта, эти части будут почти целиком отправлены на фронт. Это были запасные батальоны гвардейских полков, ничего кроме названия и двух-трех офицеров, не имевшие общего с находившимися на юго-западном фронте славными воинскими частями. В казармах царил невероятная теснота: нары для сна были поставлены в три ряда. Ученье производилось на улицах и площадях города. Солдатская масса жила столичными слухами, общалась с рабочим населением, настроенным пораженчески. И она была проникнута одним страстным желанием – чуда, которое избавило бы ее от необходимости "идти на убой". Эту массу, почти не знавшую своих офицеров, держал в повиновении только железный обруч дисциплины. "Что страшнее немецкой пули? Только своя пуля": эта фраза была характерна для солдатских настроений... Терпение даже солдат начинало исчезать. И так 26. февраля 1917 г., около 4-х часов дня, произошло весьма серьезное событие. 4-ая рота запасного батальона Павловского полка (в ней было 1500 человек), столпившись на улице около своих казарм, неожиданно открыла беспорядочный огонь по войскам, разгонявшим толпу. Началась перестрелка. Были срочно вызваны несколько рот соседних полков. Район столкновения был оцеплен. Прибыли командир полка, а также полковой священник, чтобы "урезонить" солдат. Те, отчасти

под влиянием увещаний, отчасти потому что оказались окружены, ушли обратно в казармы и сдали оружие; 19 зачинщиков было арестовано и отвезено в Петропавловскую крепость.

В то же день вечером председатель Думы Родзянко посылает царю отчаянную телеграмму: "В столице анархия. Правительство парализовано, транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Части войск стреляют друг в друга. На улицах – беспорядочная стрельба. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство... Всякое промедление смерти подобно, молю Бога, чтобы этот час ответственности не пала на венценосца". Телеграмма пришла уже ночью, но царь получил ее только утром.

Надо бороться за честь, но всему есть граница. Солдаты уже устали, бесконечные дожди пуль и стон раненых товарищей. И хотя победили немного, было ясно, что эта война не такая победоносная как заранее думали. Было ли так, что история повторилась бы?!

(Ольденбург II 1992, 235-239; Радзинский 1993, 211.)

Следующие мысли Воротынцева из книги А. Солженицына:

" Профессиональному военному перед столь воинственной компанией этого почти вымолвить нельзя, это непонятно, а: надо где-то знать меру даже и России! Существует некая мера расширения. Она познается через плотность расширяющегося духа, через пропаханность и пророслость каждой квадратной сажени внутренней земли. Расширение – не может быть безграничным. Неужели Россия нуждается в расширении? Она нуждается во внутренней проработке. Кадровому полковнику – да, неловко вымолвить: война – все же нужна не сама по себе, но для жизни государства? И: что же правильно значит – любить свою страну?....

.... Ощущаете ли вы, что такое ранение в живот? Да и когда грудь прострелена? Когда выворочена челюсть? Разрывной пулей вырвана щека? Отсечен угол черепа? Кто этого не ощущает – почему он имеет право судить?....

.... Да, офицеру о раненых лучше не думать, это расслабляет. Но вот – зайдешь в перевязочную проведать своего героя, раненного два часа назад. Вечер. Землянка. Небольшая керосиновая лампа – высоко на полочке, сжигающая воздух. Тусклая полутьма, несколько топчанов вдоль стен, на каждом раненый. И вот этот чуть расширенный, полуосвещенный, безвоздушный гроб санитарной землянки – последнее видение Земли, последний образ жизни! Чтоб увидеть лицо раненого – надо поднести к нему свечу. За два часа смелое молодое лицо стало неузнаваемо: глаза увеличились, и столько знания в них, рот провалился, щеки выжелтели. Ждет, когда же причастие.

Да вот (няня рассказала): месяц назад, оказывается, приезжал в Петроград японский принц – и главные улицы украсились русскими и японскими флагами. И простой народ спрашивает: а зачем же мы с ними воевали? И стоило ли нам на японской войне убиваться? А через не-

сколько лет вот так же будут и немцев встречать? (А между тем японцы презирают нас, что мы так плохо использовали уроки той войны.)

Я не знаю, может какая другая война, к которой мы бы внутренне подготовились... А к этой мы не были готовы. И сейчас – нельзя исправить дела никакими другими мерами, как... прервать... Я не знаю, может быть уговорить союзников мириться. А то, так.. (но этого уже решительно никому здесь не сказать) разбиралось бы Соглашение с этим четверным Союзом Центральным, а наша бы Матушка, наша бы Матушка... убралась бы, полы помыла, печку протопила..."

(Солженицын 1993, 368-369.)

Уже за два-три дня раньше в рядах народа произошли беспорядки. Отъезд государя в Ставку точно послужил сигналом для врагов порядка; 23 февраля начались серьезные уличные манифестации. В этот день бастовало уже 90.000 рабочих; и комитет партии с.-д. большевиков Выборгской стороны постановил использовать народное движение для организации всеобщей забастовки. 25 февраля волнения распространились на Невский и на всю центральную часть города. Знаменская площадь перед Николаевским вокзалом превратилась в арену непрерывного митинга. В толпе, слушавшей речи, было немало солдат. Настроение толпы было неустойчивым. Отдельные жесты оказывались решающими.

Но... государь в Ставке получил только 25 февраля сообщение о беспорядках, которые третий день бушуют в городе... Он сразу понял необходимость самых энергичных мер и телеграфировал командующему войсками, ген. Хабалову: "Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии". Когда в Совете Министров было об этом доложено, некоторые члены кабинета высказали сомнение, настолько ли серьезны эти беспорядки, чтобы требовались энергичные меры. Но все признали, что, если, действительно, на улицах начинают убивать приставов и стрелять по казакам, – репрессии необходимы.

26. февраля Николай получает телеграмму от военного министра, где самое страшное: солдаты отказываются стрелять в бунтовщиков и переходят на сторону восставших.

Эта была правда: столкновение толпы с полицией, казаками и вызванными им в помощь учебными командами некоторых полков прямо кровавый характер. Во многих местах раздавалась стрельба. Имелись убитые и раненые – число их установлено не было.

Всю ночь с 26 на 27 февраля командующий войсками получали тревожные сообщения из казарм. Слухи проверялись и оказывались ложными; им уже переставали верить, когда они получили страшное подтверждение: в 7 час. утра встал запасной батальон Волынского полка.

Унтер-офицер ночью собрал солдат и убедил их восстать против самодержавия; когда на утро в казармы прибыл начальник учебной команды, то солдаты отказались повиноваться, убили его и высыпали толпой на улицу.

(Ольденбург II 1949, 237-240; Радзинский 1993, 209-210.)

27 февраля утром Родзянко обращается к царю со второй телеграммой: "Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии".

Уезжая из Царского Села, Николай предполагал возможность бури, о которой ему все твердили. И он решил с ней не бороться... И, когда она разразилась, он лишь с нетерпением ожидал развязки. Он не хотел и не мог больше воевать с обществом.

(Радзинский 1993, 211-212.)

28 февраля в столице царил анархия, в Кронштадте шла резня единственной фактической властью был Совет. Но кто-то сообщал в Ставку совершенно иные данные, которым ген. М. В. Алексеев, очевидно, поверил: "Частные сведения говорят, что 28-ого февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко заседает в Г. Думе и пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о необходимости монархического начала в России и необходимости новых выборов для выбора и назначения правительства".

Эти явно ложные сведения, сообщенные кем-то в Ставку, сыграли огромную роль в дальнейшем ходе событий.

В тот же день, 28 февраля, в Царском Селе восстал гарнизон: 40 тысяч солдат. Весь день во дворце слышат беспорядочную пальбу.

Это восторженно стреляют (пока еще в воздух) восставшие солдаты царскосельского гарнизона.

В это время вокзал в Царском уже был занят восставшими. Поезда не ходили.

Город окончательно в руках восставших. Центр запружен народом, и везде – флаги, флаги. Город покрыт кровавым кумачом. Тюрмы открыты, громят участки, ловят полицейских.

(Ольденбург II 1949, 244; Радзинский 1993, 214-215.)

Фактическая власть принадлежала крайним левым: Суханов и Стеклов были могущественнее, чем Родзянко. Попытка думской военной комиссии призвать солдат к повиновению офицерам вызвала такую реакцию со стороны недоверчивой солдатской массы, что председатель комиссии, поспешил издать распоряжение: всякий, кто попытается отбирать оружие у солдат, подлежит расстрелу... Но этим дело не ограничилось. Совет Рабочих Депутатов, на заседании 1 марта, постановил принять меры для обеспечения интересов "революционных солдат". Была тут же составлена резолюция, получившая широкую известность под названием "приказа N:1".

Этот приказ, немедленно проведенный в жизнь в Петроградском гарнизоне, – был издан вечером 1-ого марта, и на следующее утро появился в "Известиях".

(Ольденбург II 1949, 245-246.)

Победить анархию мог только государь во главе верных ему войск, а не "ответственный кабинет" из думских деятелей, находившихся во власти Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вообще, всякое правительство, образованное в восставшем Петрограде – кто бы ни стоял во главе, Великий князь, или Родзянко или Керенский, было бы пленником солдатской массы. Нельзя было потушить пожар изнутри горящего здания.

Между тем, руководители армии имели совершенно ложное представление о происшедшем. Они верили, что в Петрограде – правительство Г. Думы, опирающееся на дисциплинированные полки; ради возможности продолжать внешнюю войну, они хотели, прежде всего, избежать междуусобия. Они не знали, что все движение

происходит под красным флагом. Они верили, что в Петрограде есть с кем сговариваться...

Но, как случилось. Может быть не так, как желали, но случилось так, как ждали. Все, что предки построили в течение многих веков, скоро потеряет свое значение. Принимая во внимание все записи в дневнике, было ясно, что Николай был усталым для борьбы против преобразования. Все казалось произойдет так быстро...

Обдумывая дела со всех сторон, Николай не нашел другого выхода кроме отречения от престола.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца... В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его вступление на престол Государства Российского... Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа... На тех началах, кои будут ими установлены... Да поможет Господь Бог России».

Это было написано 2 марта. 3 марта просили новое отречение, от Михаила: «новый мир не хотел Романовых!»

(Ольденбург II 1949, 247; Радзинский 1993, 224-226.)

Полагали, что отречения от престола будет достаточно для народа, но последние страдания угнетали рабочих и оставшихся солдат. Казалось, что будет хорошо освободиться совсем от Романовых. Часть из Романовых уже уехали из страны, но Николай II хотел быть преданным своей стране. Эта преданность принесла судьбе Нико-

лая II и его семье. В ночь между 16-17 июля 1918 их жестоко убили в Екатеринбурге.

Говорят, что если бы Николай II был императором в какое-нибудь другое время, все было бы совсем иначе. Это правда, что Николай не был таким сильным императором, как Петр I. Но и Николай умел принимать свои решения. Напрасно утверждают, что он – только символический император. Основание Думы, выбор министров, Первая Мировая война (главное командование в ней) и др. дела Николая будут по-новому освещены. Может быть, Николай думал о словах царственной супруги и действовал по ним:

” Скромность есть высший дар Бога, но верховный повелитель должен показывать свою волю чаще. Будь уверенней в себе и действуй! Будь энергичен ради твоего собственного государства. Все пользуются твоей ангельской добротой и терпением. Ты чуточку медлителен в решениях, а колебаться никогда не бывает хорошо. Ты должен показать, что у тебя свои решения и своя воля. Будь тверд до конца, дай мне в этом уверенность, иначе я заболею от тревоги. В России, пока народ необразован, надо быть господином.”

(Солженицын 1993, 273.)

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории России вмещаются многие события и много людей. Без Петра Первого и Николая Второго история была бы совсем другая. Во время Петра I Россия поднималась среди испуганных и уважаемых стран, и когда принимают во внимание условия русского народа в это время, ясно, что Петр I сделал это.

Тот божественный образ, который окружал царей в это время, совершенно нарушился. Петр был своеобразный император: он был строгий и даже равнодушный к своему народу, но он верил, что надо работать много, чтобы добиться улучшения в стране. Он был повелитель, но одновременно он был ученик и рабочий. Он работал вместе с другими смертными, и этим примером он увлекал также других.

Петр I сделал за несколько лет столетнюю работу. Прежде всего огромный флот, административные реформы и издание налогов остались фундаментом на следующие поколения.

Петр сделал много плохого для своего народа, но также много хорошего. Этот проясненный народ, который раньше жил только по старым традициям стал вместе с Российской Империей известным везде, сам по себе. Петр идеализировал все западное, но как плохо русские подходили к Западной стране, так же плохо западность подходила к русской культуре.

Технология, которую получили с Запада, была желанным в дремлющей России, но к счастью западные реформы не дошли до духовной стороны, до характера людей. Это жаль, что в нынешние времена западность получает все больше и больше распространение в России и в русских.

Из последователей Петра I никто не был способным сделать соответствующие преобразования. В первую очередь довольствовались только немногим улучшением уже изданных преобразований и законов. Пот, который Петр тратил, не был напрасным, но последователей он не получил. Царь взял обратно святой образ, и сделал свои решения с помощью надежного человека. Больше не будет скоропалительных решений, но будут бесконечные разговоры и доклады и от них полученные результаты, которые все равно не осуществлялись.

После Петра I была проясненная жизнь, такая проясненная, что наконец народ сам считал хорошим приступить к делу.

Не могут винить народ в всех событиях, а виноватыми являются те высшие начальники, которые пытались жить по старым традициям и старым законам. По отношению к народу несправедливо, что первыми сделали реформы в короткое время и после этого опять их остановили. Можно удивляться, куда потеряла этот царский характер семья Романовых? Какая была бы ситуация в начале XIX-века, если бы Петр I был бы императором? Мог бы он со своей строгостью помешать новому западному ветру или пошел бы он вместе с ним?

Много вопросов, на которые никогда не получим ответа.

Николай II, последний император семьи Романовых, наверно, не был хуже чем его предшественники. Все же казалось, что тот царский характер, которым правил Петр I, был совершенно потерян. Как будто бы это было само собой ясно, что вместе с авторитетом потеряли также право быть царем! Русский народ казалось был одинаково строг и равнодушен к царскому характеру Петра. Как будто бы народ многие столетия наблюдал и извлек урок из этого, и только ждал, чтобы получить слабого царя. К сожалению

судьба Николая II была быть этим "кто-то". Народ не видел даже такой возможности как символическая вывеска, как теперь есть в других королевствах. Но народ хотел отделаться от всех Романовых.

Самую ужасную судьбу получила именно семья Николая Второго, которую хладнокровно расстреляли рано утром, бросили в ямы и закопали там. Доверителя никогда не выяснили в полной уверенности, есть только догадки....

Несколько лет тому назад кости раскопали и только недавно с помощью русских и иностранных исследователей доказали, что кости принадлежали семье последнего царя, или доказали ли все же?

Кроме неуверенности был еще факт: у останков не хватало костей дочери-Марии и сына-Алексея Николая II. И это поднимает вопросы: что с ними сделали? где их похоронили? расстреляли ли их вообще? остались ли они в живых? Опять вопросы, но теперь кто-то может ответить, тот кто был на месте; один из палачей или один из носчиков тел!

Мысль о возможности, что кто-то остался в живых занимает людей везде. С этой возможностью сливается наверно также оптимизм, что один из этих двух приехал бы обратно и требовал бы власть себе.

Факт, остались ли Мария или Алексей в живых после кровавого деяния, не оказывает влияния на дела, что потомки из семьи Романовых живут в разных сторонах мира. Они живут спокойной жизнью без всякого давления. Давление оказывают русские, которые ждут нового приезда Романовых и возвращения царской власти в России.

Дело наверно все же слишком болезненное, поэтому надо произойти многому пока не подумают даже этого.

Интерес к семье Романовых растет год от года. И может быть этому помогает новое прибывание. Может быть это так, что настоящий правый наследник ждет только правый момент....

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдынин А.С. (редактор) 1991. Дневник Императора Николая II (1890-1906 гг.). Москва: Полистар.
- Валишевский К. 1990 (факсимиле 1911). Петр Великий. Москва: Икпа.
- Гребельский П.Х., Мирвис А.Б. 1992. Дом Романовых. Санкт-Петербург: Типография имени Ивана Федоровна.
- Ольденбург С.С. 1992а (факсимиле 1939). Царствование Императора Николая II (том I). Москва: Феникс.
- Ольденбург С.С. 1992б (факсимиле 1949). Царствование Императора Николая II (том II). Москва: Феникс.
- Павленко Н.И. 1994. Петр Великий. Москва: Мысль.
- Радзинский Е. 1993. "Господи... спаси и усмири Россию". Николай II: жизнь и смерть. Москва: Варгнус.
- Солженицын А. 1993 (факсимиле 1989). Красное колесо: Узел II, октябрь шестнадцатого. Москва: Военное издательство.
- Толстой А.Н. 1985 (факсимиле 1959). Петр Первый. Алма-Ата: Жазушы.
- Lindeqvist K.O. 1896. Pietari Suuri. Helsinki: Otava.
- Skott S. 1989. Romanovit. Jyväskylä: Gummerus.
- Tornius V. 1939. Romanovien loisto ja luhistuminen. Porvoo: Werner Söderstöm.